

ПО БЕРЕГАМ ПИНЕГИ И МЕЗЕНИ

1. Дом Ф. М. Ширяева в
Городецке (Поганце). 1885

---

2. Амбары в Шардомени
3. Вознесенская часовня
в Березнике. XVIII в.

---

4. Церковь Двенадцати
апостолов в Пиринеми.
1799

---

5. Красногорский
монастырь
6. Колокольня в
Долгощелье. Сер. XVIII в.

---

7. Одигитриевская церковь
в Кимже. 1763
8. Мельница в Погорель-
ском

---

9. Обетный крест в
Заозерье
10. Палащельская
расписная прялка

7C
M60

8-1-2
285-70

ПО БЕРЕГАМ ПИНЕГИ И МЕЗЕНИ

М. И. МИЛЬЧИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
•ИСКУССТВО•
ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
1971

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	6
1. Пинега	9
Из истории освоения Заволочья (9). Верховья Пинеги (11). Сура и ансамбль Сурского погоста (15). Поганца и предания о чуди (20). Дом Ф. М. Ширяева в Поганце (21). По другим деревням Сурского куста (29). Явзора, ансамбль села (31). Дом М. Е. Федоровой в Летопаале (36). Веркольский монастырь (38). Село Веркола и дом И. А. Белоусова в нем (41). Амбары в Шардомени (45). Никольская церковь близ деревни Едомы (48). Иконы Артемия Веркольского и Рождества Христова (52). Большой Погост — древняя Кеврола (56). Вознесенская часовня в Березнике (62). Шатогорка (65). Церковь Двенадцати апостолов в Пиринеме (66). Часовня в Чешегоре (68). Шеймогоры. Дом М. А. Осиповой. Интерьер (68). Городок на Чаколе (73). Троицкая часовня в Вальтеве (76). Усть-Ежуга — родина М. Д. Кривополеновой (78). Красногорский монастырь (82). Ярмарки в Волоке Пинежском (88). Пинега — уездный город (89).	
2. Кулой	91
Легенда о Кулое и Пинеге (91). Кулойский посад (92). Долгощелье (93).	
3. Мезень	95
Из истории Окладниковой слободы — города Мезени (95). Лампожня — место древнего торга (98). Гончарный промысел в Тимощелье (99). Одигитриевская церковь в Кимже (102). Ансамбль села (104). Кимженский литей-	

ный промысел (109). Кильце (111). Козьмогородское (116). Обетный крест в Нижнем Березнике (117). Ветряные мельницы Погорельского (118). Азаполье, «городок» амбаров (120). Обетный крест близ Палуги (122). Юрома. Ансамбль погоста (125). Юромская повесть об Иване Семенове (132). Деревни Кельчемгоры (137). Порядок домов в Мокшеве (138). Дом В. Я. Клокотова в Заозерье (141). Роспись интерьера в доме М. И. Орлова (146). Обетный крест с резным распятием (146). Путь от Кельчемгоры до Палащелья (148). Палащелье — центр мезенской росписи по дереву (150). Чучепала. Предание об Остром холме (155).

Библиография _____ 158

Фотографии на стр. 13 — из коллекции Музея архитектуры им А. В. Щусева; на стр. 58 — из коллекции Музея этнографии народов СССР; на стр. 128—129 из коллекции Института этнографии АН СССР; на стр. 130 — из коллекции Института археологии АН СССР; на стр. 137 — Б. Н. Федорова; все остальные выполнены автором.

На обложке — реконструкция панорамы Юромского погоста. Рисунок Ю. С. Ушакова.

Вступление

Чувство «преудивления», как говорил летописец, древним зодчеством издавна живо в народе. Да и действительно, какая это радость, бывая на Севере, встречать деревянные церквушки, то застенчиво спрятавшиеся за огромные ели, то выбежавшие на открытый пригорок. Неподалеку — гладь озера или реки. В деревнях — огромные на несколько семей дома, пяти или даже шести-стенные, нередко в два этажа. Крыльцо, наличники окон украшены затейливой резьбой. Над крышей — конек, водосливы держатся на суках, вырезанных в виде птичьих голов. Рядами выстроились амбары «на курьих ножках», скрипят колодцы-журавли. Все эти постройки создают фантастический и одновременно очень правдивый образ живой природы.

Нам предстоит путешествие по двум северным рекам, протекающим сквозь леса и болота восточнее главной артерии края — Северной Двины. Отгороженность придает им оттенок таинственности: а вдруг именно тут, в местах былинных и сказочных, откроется нечто сокровенное, предстанет сегодняшним днем древняя Русь?

Писатель Ю. Казаков как-то вспоминал одного человека странной судьбы, который всю жизнь был горд тем, «что прошел когда-то от Пинеги до Мезени».

«От Пинеги до Мезени! — говорил он шепотом.. — Понимаешь ты это? От Пинеги до Мезени прошел я весь Север.

С тех пор эти два места казались мне мифически удаленными от всего нашего, человеческого. Разные другие места, города и деревни были как-то понятны

мне, они были где-то рядом со мной, но вот Мезень... Эти места... представлялись мне недостижимыми».

После сказанного мне предстоит разочаровать читателя. Сегодня места эти легко достижимы — сюда летают рейсовые самолеты, но в краях этих уже нет прославленных архитектурных ансамблей, нет и подлинно заповедных сел. Достаточно сказать, что на всем нашем пути стоит только три деревянных и одна каменная церковь и все они XVIII века. Остальные, построенные «по типовым проектам» Синода в XIX веке, вряд ли представляют большой интерес. «Не маловато ли для почти тысячекилометрового маршрута?» — спросит озадаченный читатель.

Тем, кто ждет одних эффектов, кто привык знакомиться с архитектурой, бросая на памятники беглый оценивающий взгляд, на Пинегу и Мезень ехать не следует. Те же, кто по-настоящему заинтересовались народным зодчеством, в первой поездке несомненно должны увидеть Карелию — Кижь, Кондопогу, Кемь. Там — шедевры. На Пинеге и Мезени, увы, они не сохранились, хотя ансамбль Юромского погоста был не менее совершенен, чем Кижский. Затем — Северная Двина и Беломорье, где высятся прекрасные шатровые и кубоватые храмы. И лишь после этого наступает черед наших рек.

В будущем путешествии мы на время станем чуть-чуть искателями, исследователями и даже реставраторами. Во-первых, потому, что места эти изучены еще недостаточно. Если вспомнить о большой протяженности рек, некоторых сложностях с транспортом, особенно в средних и верхних течениях, то становится понятным, что какие-то интересные постройки могли остаться неучтенными и даже не сфотографированными.

А во-вторых, и это главное, нам необходимо по картицам, по сохранившимся фрагментам, по деталям представить целое, вообразить, как выглядели исчезнувшие ансамбли сел и погостов. Автор старался помочь читателю воссоздавать облик старинного селения с помощью фотографий, снятых в начале нашего века, рисунков, документов. Но это всего лишь материал для мысленной реконструкции. Итак, в рюкзаке путешественника должно быть место воображению. Оно тем более важно, что старинные постройки здесь не сконцентрированы так, как на знаменитом Кижском острове Онежского озера, они разбросаны на протяжении десятков и сотен километров. Значит, нужно умение мысленно собирать в единую картину все увиденное.

Основное, что нам встретится, — это дома, амбары, бани, мельницы. На первый взгляд все постройки будут казаться одинаковыми. Если я видел их в одной деревне, то стоит ли смотреть то же самое в другой?

Но чем больше километров остается позади, тем все больше убеждаешься, что такое впечатление поверхностно. Крестьянские строения очень разнообразны по пропорциям, подчас по приемам рубки, по декоративному убранству и особенно по взаиморасположению. Деревни также похожи, но никогда в точности не повторяют друг друга. Расположение домов, бань и других построек всегда зависит от своеобразия местности, от изгиба реки, от проходящей дороги, от стороны света и даже от основного занятия жителей.

Наконец, надо сказать, что в подавляющем большинстве случаев у нас речь пойдет не о музейных экспонатах, а о постройках, которые и сегодня продолжают служить, использоваться в повседневной жизни. За редким исключением они не стоят на учете и не подлежат охране как памятники архитектуры, а потому перестраиваются и даже сносятся за ветхостью. Не удивительно, если читатель уже и не увидит чего-то из того, о чем рассказано здесь.

Крестьянский дом, мельница — и памятник архитектуры. Многим, особенно живущим в этих местах, такое кажется несовместимым. Поэтому одна из задач книги — привлечь внимание к тому бесценному богатству, которое досталось нам в наследство от прошлых поколений. И богатство это заключено не только в уникальных церковных сооружениях, но и в жилых, хозяйственных постройках. Все вместе они рассказывают нам повесть о труде, величии и таланте народном. Повесть, которая не должна быть забыта в могучем преобразовании сурового и прекрасного северного края.

1. Пинега

Река Пинега как по древним ее жителям, так и по нынешним обстоятельствам примечания достойна... Жители ее в древности великое имели участие в переменах Двинских.

*Академик И. Лепехин.
Дневные записки путеше-
ствия... в 1771 году*

Слухи о сказочных пушных и рыбных богатствах «полуночных стран», как в старину называли Север, издавна привлекали новгородских промысловых людей. Какими же бесконечно далекими казались эти земли! Те, кому удавалось вернуться домой, поражали своих слушателей рассказами о небывалых приключениях. Их слушали, им верили: мало ли что может делаться на краю земли! Поди — проверь! Новгородцы говорили, что, плавая по Ледовитому океану, видели рай, скрытый за северными горами, что там из огромной тучи падают «оленци мали» и, подросши, расходятся по земле..

Нелегко добирались в северные края первые русские землепроходцы. Дремучие леса, болота, многочисленные реки преграждали им дорогу; «путь... непроходим пропастьми, снегом и лесом» — отмечает Несторовская летопись. И тем не менее уже в XI веке удалые новгородские ватаги побывали и у моря Студеного, и на Печоре, и даже у самого Камня (Уральских гор).

Путь туда пролегал через Ладожское и Онежское озера, реку Онегу, к Двине, затем на Пинегу и тут в ее нижнем течении, где новгородцы по четырехверстному перешейку переволакивали свои ушкуи — лодки и на Кулой, возник Волон Пинежский. Вероятно, поэтому и называет Киевская летопись всю огромную территорию к востоку от Северной Двины Заволочьем: за волоком. А дальше путь по Кулою, затем через море в устье Мезени, оттуда по ее правому притоку Пёзе к верховьям Цильмы, впадающей в Печору. В конце XV века упоми-

нается и другой путь с Пинеги на Мезень, которым прошла к Уралу московская рать: по пинежскому притоку Ежуге через небольшой волок она попала в речку Колоду (Колодивую), а из нее в мезенскую Ежугу, впадающую в Мезень чуть ниже нынешнего села Лешуконского. Тогда окончательно была покорена югра в Предуралье, народ, ранее неоднократно восстававший против новгородского владычества.

Осваивая Заволочье, русские сталкивались с местным населением — племенами чуди. Во многих местах по Пинеге и Мезени местные жители показывают ямы, курганы, связанные с жизнью этого легендарного народа, принадлежавшего к угро-финской языковой группе. Борьба с ним шла и мечом, и крестом. Уже в первой половине XI века на Пинеге насаждается христианство, появляются погосты, платившие дань новгородскому владыке — «сребро, соболи и инья узорчья». И все-таки в глухих уголках еще в XVI веке продолжало существовать «идолопоклонство». Оно было так распространено, что церковные власти снаряжают одну за другой специальные экспедиции, чтобы «в Чюдской земле разоряти... обычаи» и крестить некрещенных.

О прежних жителях края напоминают не только предания, но и многочисленные названия (топонимы) рек, речек, ручьев — Явзора, Покшеньга, Вёркола, Чухча, Лётопала и т. д. Так назывались расположенные на них древние урочища, а впоследствии и села. С приходом новгородцев появляются русские топонимы, иногда указывающие на способ обработки угодий: поля Палиха, Росчистки, иногда на месторасположение: Заозерье, Заручей, а нередко закрепляющие навечно имя первого поселенца: деревни Богданово, Карпова Гора и т. д.

Само название реки — Пинега некоторые исследователи переводят с угро-финского как Малая река, а другие производят его от имени одного из чудских племен — пинь, жившего в низовьях реки.

В XIV—XV веках новгородцы на Севере сталкиваются с так называемой низовой колонизацией, шедшей через Вологду, Сухону, Северную Двину и Вычегду на верховья Пинеги и Мезени к Печоре: «из Московии многи пути ведут к поганым народам, которые слывут печою».

Еще в начале XIV века подчиненное Новгороду население по Пинеге и Кулсю давало «с погостов корм и подводы» ватагам великого князя, отправлявшимся за ловчими птицами к морю Студеному.

Вслед за дружинами московских и ростовских князей, наслышанные о новых землях, пробирались крестьяне, бежавшие от феодального гнета, монахи, «желавшие тишины и душевного спасения», но вынужденные, основывая «пустыни», расчищать лес, заводить скот, косить по полям, как и всякие земледельцы.

Долгая борьба за господство в Заволочье завершилась в 1471 году, когда все земли, некогда принадлежавшие Господину Великому Новгороду, перешли во владение князей московских. Теперь на Север едут московские служивые люди и бегут опальные новгородские бояре, спасаясь от гнета Ивана III, а затем и Ивана Грозного.

До начала XVII века все Заволочье входило в состав Двинского уезда, а с 1614 года Пинегой и Мезенью стало управлять Кеврольское воеводство. На его территории впоследствии при образовании Архангельской губернии были созданы два уезда — Пинежский и Мезенский, просуществовавшие до Великой Октябрьской революции.

Трудно передать впечатление, которое производит Пинега, эта неширокая и даже уютная по сравнению с Северной Двиной и Мезенью река. Удивительно красивы ее берега то высокие красновато-кирпичные или алебастровые, покрытые корабельными лесами, то низкие с заливными лугами-наволоками или песчаными отмелями. В летние вечерние часы по берегу чернеют деревни и изредка на фоне гаснущей зари вырастают силуэты часовен... Наступает короткая северная ночь. «Полумрак белой ночи недвижно и призрачно дремлет над водной ширью, над потопленными лесами, над едва синющей полоской дальнего берега, и чудится, это — не ночь, а дремотно потускнел неясный день. Безжизненные туманы дымчато висят над водой, отражаясь призрачными очертаниями», — писал А. Серафимович об этих местах в одном из своих ранних рассказов.

Пинега — самый крупный приток Северной Двины, протянувшийся с юго-востока на северо-запад почти на семьсот километров. Бассейн ее с притоками по площади — целая страна, такая, например, как Дания.

Нас будет больше всего интересовать река в среднем и нижнем течении, а потому о верховьях мы скажем немного, тем более что этот обособленный и до недавнего времени труднодоступный район и культурно, и административно издавна был связан с Двиной. В прош-

лом он относился к Сольвычегодскому уезду Вологодской губернии, теперь к Верхнетоемскому району Архангельской области. Когда-то с Двины и с Вычегды, от Сольвычегодска по глухим лесам через ручьи и болота шли в эти края первые русские поселенцы. И сегодня единственная сухопутная дорога сюда — девяностокilометровый тракт от Верхней Тоймы — большого села на Северной Двине до деревни Керги — первой на Пинеге. По нему в XVIII—XIX веках отправлялись пинежане на Красноборскую ярмарку с возами, нагруженными звериными шкурами, домоткаными холстами, великолепной деревянной посудой — ковшами, братинами, скопкарями.

В 1894 году во время своего путешествия по Северу проделал этот путь на телеге художник В. В. Верещагин, описав его позже в очерке «На Северной Двине». В 1935 году проехал здесь верхом М. М. Пришвин, отправляясь на поиски девственного леса. Этот сказочный лес, — рассказывает писатель в книге «Северный лес», — спрятался где-то на водоразделе между Пинегой и Мезенью и называется он Чащей. «Там трехсотлетний мацтовый лес стоит такой ровный, что стяга не вырубешь, такой частый, что спиленное дерево не может упасть. А вокруг этих чащ стоят тоже не знающие топора боры-беломошники, в них большими стадами пасутся дикие олени...».

Образуется Пинега от слияния двух речек — Черной и Белой, начала которых затерялись где-то в болотах на юге Архангельской области, примерно на сотню километров севернее Красноборска. Черная, как пишет М. М. Пришвин, рождается из родника среди болотного ельника — «темной рады» по местному, а Белая — из светлой. Радой называют болото, поросшее низкорослой сосной.

От истока Пинеги до деревни Керги сто двадцать километров тянется сплошной лес, временами кажущийся седым: ели почти до самых вершин обросли серым мхом. Жилья тут нет. Изредка встречаются только избушки, где останавливаются на ночлег охотники или живут колхозники, приплывав сюда летом «ставить сено». Вскоре за Кергой начинаются деревни Горковского сельского совета, затем снова безлюдье на целых 85 километров и снова большая группа деревень Выйского сельсовета, растянувшихся почти на двадцать километров вдоль Выи — притока Пинеги — и на семь по пинежскому берегу.

Выйский погост. Ильинская церковь. 1600 г. Фотография Р. Фонвизина. 1938 г.

Принимая множество ручьев и речек, Пинега здесь становится шире, а в начале мая, в половодье она разливается на многие километры, затапливая прибрежные леса. Раньше во время ледохода девушки в праздничных старинных нарядах пели на берегу песни-веснянки:

Разливалась да мати большая вешняя вода,
 Потопило да все зелены славны да лужки.
 Ой, оставался-то единый маленький зелен-то да
 лужок,
 Собирались-то добры молодцы братцы да в кружок.

Теперь главный весенний праздник — встреча пароходов, которые по большой воде поднимаются до деревни Горка, привозя из Архангельска продовольствие, разнообразные товары. Летом река мелеет, да так, что пассажирские катера не всегда доходят до Карпогор.

В верховьях Пинегы влияние Москвы в XV—XVI веках было особенно сильным. Главный ее опорный

пункт — Выйский погост, возникший еще во времена новгородские на месте чудского поселения. Здесь до недавнего времени стояла деревянная Ильинская церковь 1600 года, редкий памятник шатрового зодчества, близкий к деревянным северодвинским церквям Панилова, Верхней Тоймы, Белой Слуды и Нижней Уфтюги, не сохранившимися до наших дней. Выйская церковь, рубленая восьмериком, как великан возвышалась посреди ржаного поля. Это единственная из известных церквей, в которой изнутри можно было увидеть весь шатер, стремительно уходящий ввысь до самой маковки.

Словно вторя церкви, неподалеку от нее по берегу в деревнях Усть-Вые и Романовом Острове стояли две невысокие часовни, увенчанные изящными шатриками, покрытыми, как и церковь, осиновыми дощечками-лемехами.

К сожалению, эти уникальные сооружения раскатали на дрова, хотя леса в этих краях хватает: он и теперь со всех сторон подступает к реке. Впереди нам еще не раз придется отмечать потери, которые принесла немелю и без должного понятия организованная антирелигиозная пропаганда.

Сегодня можно назвать только один памятник, близкий к Выйскому, — Георгиевскую церковь 1672 года в селе Вершины, стоящую на холме как раз у того тракта, что ведет от Северной Двины к Пинеге.

Однако в окрестностях Выи еще есть немало старинных изб, некоторые из них сохранили росписи фронтонов и балконов, наподобие встречающихся в Верхней Тойме. Из тех же краев, из Черевкова, привозили сюда и расписные прялки, без которых не обходился ни один крестьянский дом.

В Вые найдена интересная икона «Чудо Георгия о змие» конца XIV века.¹ Культ святого-воина, защитника всех сирых, покровителя скотоводства, был популярен на Севере. Георгий изображен на черном коне. За его спиной развевается ярко-алый плащ. Напряженное звучание цветового контраста дополняют зеленый и желтый. Сколько решимости и силы в этом образе! Конь копытами как бы упирается в поля иконы, всадник, резко повернувшись, красным копьём, прочерчивающим икону по диагонали, поражает дракона. Совершенное колорис-

¹ Икона находится в частном собрании в Москве. Воспроизведена в альбоме: С. Ямщиков. Древнерусская живопись. Новые открытия. М., 1965. табл. 6 и 7.

тическое и композиционное решение говорит о том, что произведение создано гервоклассным мастером и привезено сюда, по всей вероятности, из Ростова Великого или Москвы. Так проникла на Север древнерусская культура.

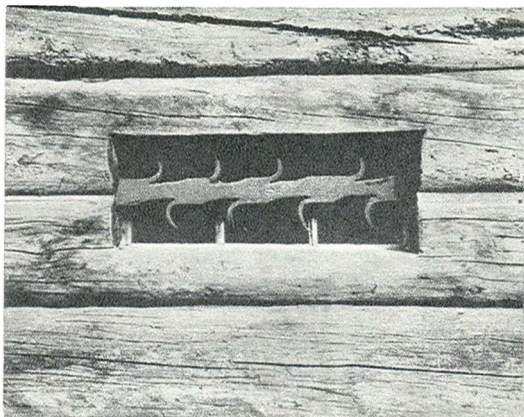
О еще более глубокой древности в верховьях Пинеги напоминают многочисленные предания о чуди. Одно из них связано с курганом, возвышающимся поблизости от устья небольшой речки Пышеницы. Невдалеке от него в сосновом бору находилось большое городище — последняя крепость заволоцких племен на Пинеге. Рассказывают, что здесь была последняя битва новгородцев с чудью. Старики даже покажут места, где пролегла «ратная дорога», по которой отступали «чудаки» (так в народе иногда называют племена чуди), где сохранились следы от ям, в которые закопалась чудь... И трудно сказать, когда тут начинается вымысел и кончается правда. История давно срослась с преданием, легендой.

После Выи только через шестьдесят километров следующая деревня — Кучкас. Это уже Пинежский район, охватывающий все среднее течение реки. Путешествие по нему мы начнем с одного из древнейших поселений на Пинеге — с Сүры.

Каждого, кто попадет сюда впервые, прежде всего поразят просторные, сложенные из толстых бревен дома. Некоторые из них строены в 60—70-х годах прошлого столетия. Суровость их несколько смягчает резьба и главное — балконы, располагающиеся под самой крышей. Дома стоят почти на равных промежутках друг от друга по обеим сторонам главной улицы. Такая планировка, столь привычная для городского жителя, в северных деревнях — редкость.

В центре села стоит обратить внимание на старинный торговый амбар со ставнями на окнах по фасаду. На боковой же стене в волоковом оконце сохранилась полсса кованого железа с загнутыми крючьями: чтобы лазать сюда было неповадно. В этой детали как бы навек запечатлена ковкость, податливость металла. Мы словно видим, как надрезал кузнец раскаленный кусок, отгибая от него клещами острые отроги.

Амбар этот заставляет вспомнить, что в прежние времена в Суре жило несколько семей купцов: они вели крупную торговлю, завозя из Архангельска в половодье на целый год различные товары, в том числе и хлеб — своего Пинеге почти всегда не хватало.

Окол Горка. Оконце амбара

Старожилы еще помнят, как перспективу сурской улицы замыкала сорокаметровая шатровая церковь, стоявшая в самом конце села. Она явилась центром Сурского погоста.¹ Величественные храмы Суры и Выи стояли как оплоты Московского государства в глухих пинежских лесах. Так некогда, быть может, высились здесь сторожевые башни-вежи (от ведать, наблюдать) Великого Новгорода. Но еще во второй четверти XV века, задолго до падения Новгорода, многие земли на Пинеге, в том числе и Сура были переданы во власть великому князю Московскому. В завещании Ивана III в 1505 году среди земель Заволочья помянута и «Сура поганая».

Введенская церковь была самой древней среди уже упоминавшихся шатровых северодвинских храмов. Рублена она в 1586 году. Основу церкви составляла стоящая

¹ Погост — административно-церковный округ в древней Руси.

на земле мощная восьмигранная башня, с высоким шатром, переходящим в граненую, а не круглую, как обычно, шею. Грани эти были заметны даже на самой главке, крытой, как и шатер, чешуею-лемехом, чуть серебрившимся, когда на него падали солнечные лучи. С четырех сторон к восьмернику примыкали прирубы с высокими кровлями, напоминавшими кокошники или платки, повязанные на головах деревенских женщин. Обшивка, сделанная в прошлом веке, и растесанные окна, конечно, как-то исказили облик этого исключительного сооружения. Введенский храм относился к тому древнейшему типу, который летописи именуют «круглыми о двадцати стенах». Тип этот известен уже в конце XIV века и был в свое время, пожалуй, самым распространенным. Церковь «древяна вверх» издревле воплощала народное представление о красоте, могуществе и силе.

Рядом с Введенской в 1689 году возвели Никольскую церковь «о пяти главах». В 1894-м ее перенесли на кладбище, где в 1937-м распилили на дрова. С подобным типом храма нам еще предстоит встреча и на Пинеге и на Мезени.

Две сурских церкви как бы воплощали две эпохи в русской деревянной архитектуре: Введенская, строгая и суровая, — XVI век, Никольская, с затейливым и прихотливым верхом, — вторую половину XVII века. Ансамбль погоста дополняла «осьмиугольная» колокольня. Высоко вознесенные в небо шатры, словно стремясь преодолеть равнинность местности, противостояли вытянутости деревенской застройки, далеким линиям горизонта...

Этого замечательного ансамбля уже давно нет. На месте колокольни в 1891 году известным в свое время церковным деятелем Иоанном Кронштадтским, родившимся здесь, в Суре, построена каменная приходская церковь. То было как раз время, когда увлечение старинным зодчеством выливалось в эклектическое подражание древним приемам и формам. В другой части села настоятель Кронштадтского собора основал женский монастырь с еще одним каменным храмом в пышном, так называемом византийском стиле. Для архитектуры этих церквей характерно стремление поразить своими размерами, роскошью убранства. Не удивительно, что постройки эти никак не вяжутся ни с окружающей природой, ни со строгими крестьянскими домами. Претензия, столичный размах, показное великолепие как нельзя лучше отражают суть заказчика, — в прошлом Ивана

Сергиева, сына сурского дьячка, ставшего популярным среди петербургской знати благодаря эффектным проповедям и «чудесам».

С «благодетельствами» Иоанна Кронштадтского связана и перестройка некоторых сурских домов на городской манер. В начале XX века их стали обшивать досками, украшать мезонинами.¹ Такое смешение старинных традиций с новомодными влияниями характерно для центра Суры — Погоста и Горки.

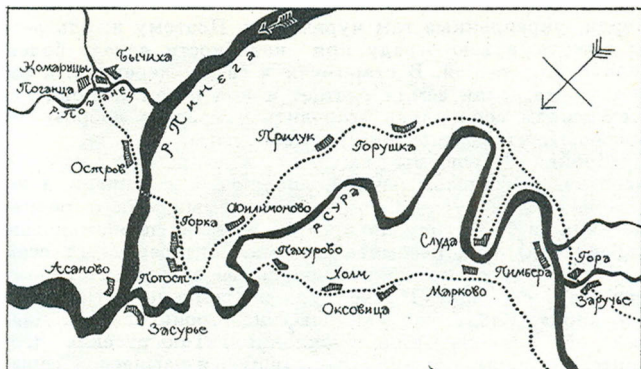
Следует сказать, что Сура — это группа из 16 деревень; они стоят, так же как и в Вые, частью у самой Пинеги, частью вдоль ее притока — небольшой речки Суры. Расположение селений по кустам, которые отделены друг от друга десятками километров, очень характерно для Пинеги и о нем следует сказать подробнее. Внутри одного гнезда нередко насчитывают до двух десятков малых деревень, называемых здесь околами или околками, которые стоят вокруг или возле главного, давшего название всему кусту. Становится понятным и само слово «окол» — около. Любопытно, что собирательное имя всей округи чаще всего неславянское, как, например, Сура или ниже по реке Кушкопала, Нёмнюга. Вероятно, русские селились на местах родовых становищ, уже освоенных прежними жителями края. Затем из домов первых поселенцев выделялись братья и сыновья, искавшие поблизости участки для своих усадеб, которые называли уже своими, русскими именами, так, по Суре стоят Холм, Марково, Гора, Филимонова и другие. В то же время все жители округи, сохраняя родственные связи (еще и теперь случается, что большинство живущих в одной деревне носят одну-две фамилии), помогали друг другу строить, заготавливать дрова и сено. В этом обычае долго жили отзвуки общинного хозяйства.

Околы поначалу были совсем небольшими — всего два-три двора. В новгородской земле их называли селищами. Так, в грамоте XIII века читаем: «Даю за все за то два села с обильем и с лошадьми, и бортью, и с малыми селищами».

Подобные расселения возникли у славян еще в дохристианское время. В центре такого гнезда было святилище. И по этой древней традиции главное место пинеж-

---

¹ Мезонин — здесь самостоятельный сруб, покрытый отдельной крышей.

*Сурский куст деревень.
Схематический план*

ских кустов — погосты с церквами, видными на несколько верст кругом.

Стоит обойти эти деревни, которые как будто бы все похожи друг на друга, но в то же время — у каждой свое лицо. Чем оно определяется? Прежде всего — своеобразной планировкой, всегда как-то по-новому найденной связью с местностью. Поэтому околы спутать друг с другом трудно. Как будто бы слагаемые те же самые, а результат каждый раз получается иной.

Первый маршрут наш — за Пинегу. Как раз напротив центра Суры по невысокому берегу вытянулась деревня Остров. Дома здесь поставлены в две линии так, что окна их обращены к солнцу. Белые наличники издали кажутся пунктирной полосой, ровно прочерченной по всей деревне. Позади первого порядка вдоль главной улицы тянутся приусадебные изгороди простой и в то же время остроумной конструкции: в землю вбиты столбы, у некоторых верхние части обработаны в виде ша-

ров. В столбах выдолблены желоба, в которые входят жерди, укрепленные там чурачками. Поэтому жердь легко вынуть, а всю ограду при надобности делать более редкой или частой. В старину и в самих деревнях, и за околицами, «как земля растает и кол в землю пойдет», всем миром собирались «городить и крепить доброю городбою», чтобы скот посева не портил.

Пройдя Остров, мы выходим на наволо́к,¹ затем — мост над небольшой речкой, впадающей в Пинегу, а за ним еще один сурский окол, называемый, как и речка, Поганца (в 1933 году по просьбе жителей переименован в Городецк). Это, несомненно, самая интересная из всех окрестных деревень, да и название ее заставляет вспомнить, что еще в XVI веке Сура непременно именуется «поганой». Слово это, как известно, происходит от латинского paganus — идолопоклонник. Так русские презрительно называли чужд, державшуюся языческой веры.

Чудские племена оставались в этих местах еще долго после утверждения здесь Новгорода, и память о них сохранилась почти до наших дней. Выше селения, там, где речка образывает высокий мыс, есть гора Городецкая. Как рассказывает предание, здесь стоял один из последних укрепленных городков чуди. Со стороны поля он был отгорожен рвом, на месте которого образовалось теперь небольшое озерцо. У подножия горы когда-то развернулась такая жестокая битва между новгородцами и чуждью, что вода в реке три дня была красной от крови. «Поганая река!» — сказал русский воевода, подойдя к ней после сражения.

Сегодня эта деревня в большей степени, нежели другие, сохранила свой прежний облик. В ней три линии, три порядка. Первый из них стоит на невысокой гряде и обращен к речке. Каждый дом в нем поставлен так, что перед входящим в деревню открывается почти весь ряд. Коньки, сохранившиеся на некоторых крышах, делают его особенно торжественным. Впереди, под невысоким угором — амбары и баньки. На краю селения в прошлом стояла шатровая часовня — единственная вертикаль во всей округе.

В середине первого порядка дома как бы расступаются: здесь подходит дорога от Острова. Тут же, слева стоит огромный дом 1885 года, принадлежащий Ф. М. Ширяеву. Посмотрим его подробнее. Путешествуя

¹ Так называют низкое ровное место, образованное наносами реки и покрытое лугами.

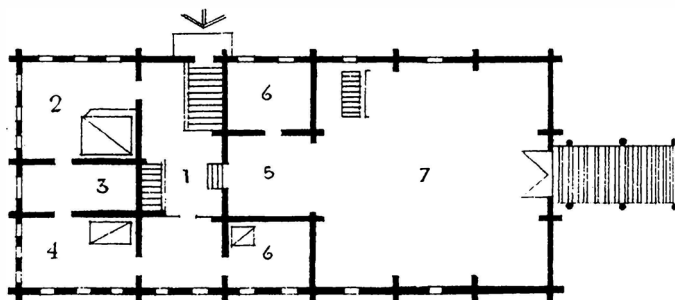

Деревня Городецк (Поганца). Дом Ф. М. Ширяева. 1885 г.

дальше по Пинеге, мы будем обращать внимание только на такие детали и особенности жилья, которых нет тут.

Дом этот имеет шесть стен, рубленных «в чашу» или «в обло», иначе говоря с выступающими остатками бревен. Выпуски двух средних стен видны на фасаде. Перед нами двор-усадьба, столь характерная для Пинег и Мезени. Она четко разделена на две части — жилье, выходящее на «перед», и примыкающий к нему длинный крытый двор. Обе части соединены сенями — передызем (1). Жилая часть поднята на подклет, в котором расположены погреба. Иногда в подклетах делали нижние избы, чтобы жить в них зимой. В погреба спускаются из сеней или входят через особую дверь с улицы. Окна начинаются только на одиннадцатом венце. Такой высокий подклет помогает сохранять тепло в холодную зиму, когда снега наметает почти что под самые окна.

«Жилье» состоит из двух самостоятельных срубов-клетей. Клеть в далеком прошлом и была той основой,

План дома Ф. М. Ширяева

на которой постепенно развивалось жилище крестьянина. Следует иметь в виду, что в этих краях избой называют только часть дома — жилое помещение с печью. Не случайно само слово изба происходит от древнеславянского — истьяба, истопка (очаг). Через передызье мы попадаем в «прихожую избу» (2), где семья проводила основное время. Здесь же хозяйка и готовила в русской печи.

Вторая изба — «белая» или «чистая» (4). В ней принимали гостей. Оба помещения хорошо освещены: на каждое приходится по шесть окон. Между этими двумя избами — проходной заулок—чулан (3), где хранят продукты и посуду. У него широкое «гальянское» (итальянское) окно. Конструктивно заулок соединяет два сруба, две избы. Оба сруба воспринимаются как единое целое, так как расположены симметрично и объединены широким фронтоном, образуемым из укорачивающихся бревен — самцов. Такой тип кровли называют самцовым.

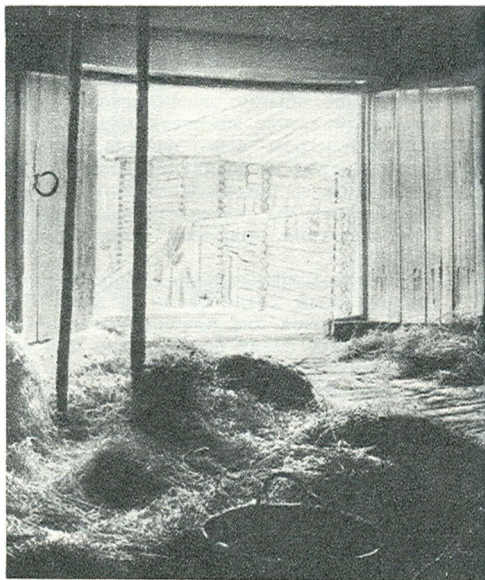
В самцы врублены продольные бревна — слегги, по ним в два слоя настлан кровельный тес.

Над жильем — вышка (светелка), образованная двумя параллельными стенками, врезанными во фронтон. В светелке обычно жили летом. Оттуда есть выход на балкон (балахон, по-местному), являющийся композиционным центром всего фасада. Балкон делает незаметным переход от выпусков стен, образующих узкий заулочек, к более широкой светелке. Решетчатые балконные перила, как бы контрастируя с массивностью бревенчатого фронтона, придают «передку» дома особую нарядность.

Большое впечатление своими размерами производит двухэтажный хозяйственный двор. При входе в него из сеней имеются две клетки-боковуши (6). В левой — кладовая, здесь стоят бочки, ларь для зерна. В правой, где есть печь и окна, иногда жили. За боковушами — главное хозяйственное помещение — поветь (7) площадью около восьмидесяти квадратных метров. Стены ее укреплены несколькими контрфорсами — перерубами. Слева установлены вертикальные жерди для сена. Под потолком сушатся веники, по краю стоят сани и другой инвентарь. Тут же оборудована небольшая мастерская (5): сам хозяин делал грабли, направлял косы, плел корзины и т. д. В задней стене — поветные ворота, в них по бревенчатому настилу — взвозу поднимался воз с сеном. Пара лошадей легко разворачивалась прямо на повети. Каждый день сено было под рукой у хозяйки, она сбрасывала его вниз, в хлевы для коровы и в «стайки» для лошадей, через отверстия в полу, расположенные точно над яслями. Пол сделан двойным, чтобы запах от скотины не проникал на поветь и в жилье. Вниз хозяева попадали не выходя на улицу, а спускались по внутренней лестнице, скот же загоняли через назёмные ворота, находящиеся в боковой стене.

Поветь — самое просторное помещение в доме, своего рода зал. В старину зимой или в осеннее ненастье тут собиралась молодежь на посидки, иногда водила хороводы — места достаточно. А когда играли свадьбу, то поезд с женихом по взвозу заезжал на поветь невестинного дома. Здесь же, на повети, накрывали скатертью стол, и выходила невеста, причитая:

Что за шум шумит, да что за гром гремит?
 Не от ветра ли, не от вехоря
 Широки ворота да растворились?
 Что за люди, да что за гости
 Что к нам в дом да въехали?

*Повесть в доме
Ф. М. Ширяева*

А про несговорчивую невесту поют:

Да и эта гордѣна — на звоз она нейдет.
 Да и эта гордѣна — на повесть она нейдет,
 Да и эта гордѣна — предызье-то ей соровато.

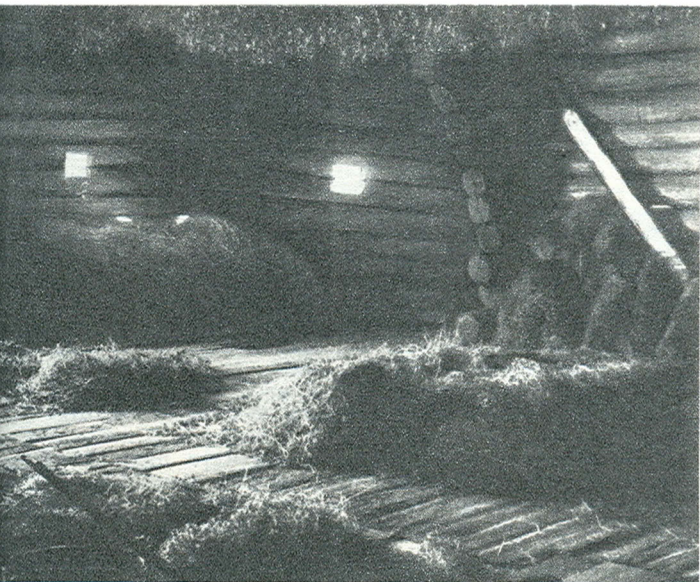
Когда жених едет с невестой от тестя, подруги невесты обращаются к молодым:

Где вы побывали?

И за них сами же отвечают:

Были уж мы были на горе высокой,
 На воздухе ветра, на восходе солнца,
 У тестя на сеньях, у ласкового на новых.
 Да тесть-от, что ж делать —
 По повети ходит, повесть убирает.
 Гостей дожидает.

Хозяйственный двор по длине занимает примерно $\frac{4}{5}$ всей постройки, и это не удивительно, если вспомнить, что крестьянское хозяйство на Севере носило еще в про-

шлом веке полунатуральный характер: чуть ли не все необходимое производилось в нем самом. Говоря о столь внушительных размерах дома (длина его около тридцати метров), нельзя забывать, что быт даже в начале XX века сохранял черты патриархальности. Так в доме Ф. М. Ширяева в свое время жили семьи двух братьев общим числом в 16—17 человек.

Обилие дождливых дней, суровая зима заставили собрать всю усадьбу под одну крышу, а наличие рядом дешевого строительного материала — дерева давало возможность возводить просторные избы. Поражают они не только своими размерами, но и органическим соединением декоративного и утилитарного начал. По гребню крыши, точнее по самой высокой, князевой, слеге лежит охлупень, под который подведен кровельный тес. На обоих концах охлупня — коньки, словно воплощающие мощь всей постройки. С другой стороны тес упирается в желоба, концы которых покрыты декоративными порез-

ками и выдвинуты далеко, чтобы стекающая вода не попадала на стены. Желоба — сливы лежат на деревянных крюках — курицах, обработанных в виде птичьих голов. Повторяясь через равные промежутки и перекликаясь по форме с коньком, они дополняют силуэт постройки. Украшают дом и причелины — подбои с пропильной резьбой, закрывающие торцы слег, чтобы не загнивали они от обилия влаги. От охлупня спускается длинная доска — кись (или кисть). Кстати, это единственные элементы дома, которые прикреплены подбоинами — гвоздями домашнейковки. Во всем остальном применялись естественные способы врубки. Далекие деревни вплоть до Октябрьской революции оставались подлинным деревянным царством.

Скульптурно в виде гроздьев-полуваликов обработаны пропуски — кронштейны под балконом и свесом крыши. Так зрительно смягчается переход от тяжелого бревчатого сруба к легкой тесовой кровле. На одном из пропусков вырезана дата постройки. В доме Ф. М. Ширяева свес кровли зашит тесом и раскрашен. В несложном геометрическом орнаменте — там идут ряды ромбов — преобладает красный. Цвет создает яркое декоративное пятно в центре архитектурной композиции и особенно празднично звучит рядом с темно-серыми бревнами.

Величественным дом кажется не только из-за декора, но и потому, что «передок» его окружает обруб — ряж. Обруб не дает осыпаться земле и тем самым укрепляет камни, лежащие в основании постройки. По фасаду бревна нижнего венца заметно выдвинуты вперед. Верхняя часть каждого вырублена так, чтобы можно было положить на них лавочку. От этой выемки, помогающей создавать постепенный переход от земли и ряжа к отвесному срубу, начинается плавное движение вверх выпусков бревен, которые вместе с ряжом усиливают впечатление устойчивости, массивности всей постройки. Мерный горизонтальный ритм венцов, а также вертикали выпусков стен и перерубов в хозяйственном дворе подчеркивают и протяженность строения, и его высоту.

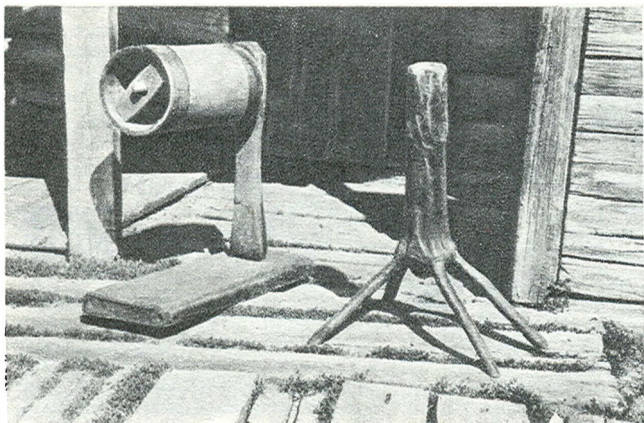
Такая конструкция дома, разумеется, возникла не сразу. Из века в век отбиралось, закреплялось все самое лучшее, удобное. Дом запечатлел все особенности быта северного крестьянина. Перед нами постройка, вобравшая в себя многовековой строительный опыт, воплотившая народные представления о красоте. Дальше нам еще представится случай рассказать, как рубили такие дома.

Деревня Городецк (Поганца). Крыльцо-балкон в доме Р. П. Дунаевой. 1877 г.

Первый порядок в Поганце — самый старый, и потому здесь интересно каждое строение. Так, неподалеку от дома Ф. М. Ширяева стоит дом 1877 года Р. П. Дунаевой, сохранивший с обеих сторон по крыльцу. Это не удивительно, если вспомнить, что в таких домах часто жило две семьи: каждая имела свой вход. Правое крыльцо соединено с галереей-балконом. Получилась оригинальная двухъярусная конструкция. Кровля поддерживается стойками — колонками, связанными сверху друг с другом полукруглыми арочками, а снизу — глухим дощатым парапетом. К нему изнутри приставлены лавки, чтобы можно было посидеть в дождливую погоду. Крыльцо и галерея, кажущиеся особенно изящными на фоне глухих бревенчатых стен, связывают строго замкнутое пространство дома с окружающей его природой.

На Пинеге дома не поражают нас обилием резных украшений, а если и встречается резьба, то одна кажет-

Деревня Пахурово. Турачка и вьюшка

ся похожей на другую. Однако чем больше смотришь, тем становится яснее, что нигде резьба в точности не повторяется дважды. Основные элементы орнамента одни и те же, но в каждом случае есть что-то свое, особенное. В то же время несомненно, что в Поганце над украшением домов конца прошлого века работали одни мастера.

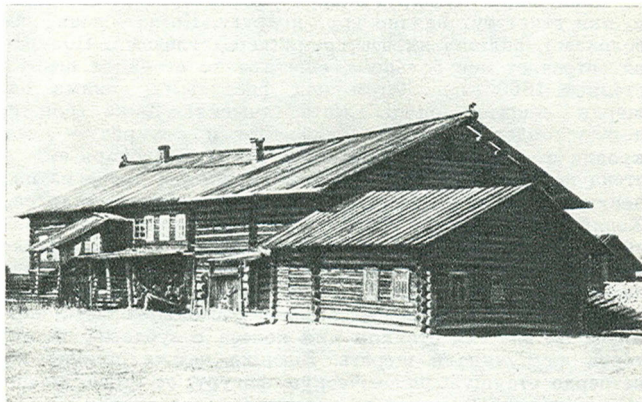
Второй порядок стоит заметно ниже первого. Дома здесь новее, чаще пяти, а не шестистенные. Изгородные жерди между ними, как бы продолжая линии бревен, подчеркивают протяженность порядка. Дома поставлены чуть по овалу, и благодаря этому сразу виден весь их длинный ряд. Внутренний ритм архитектуры каждого дома перекликается с ритмом всего порядка деревенских изб, это создает строгий и в то же время живописный ансамбль, соединяющий в единое целое стройные силуэты домов и природу — линии дальнего леса, поля, изгибы берега.

Следующий маршрут наш — вдоль Суры-реки. Деревушки стоят тут близко друг к другу. Когда идешь наволоками, видишь их все время перед глазами. Похурово встречает нас большим, еще крепко стоящим шести-стенком 1860 года. Летом под фасадными окнами на жерди сушатся снопы жита (ячменя). Даже если и дождь пойдет — не беда: для того и козырек — свес кровли выступает больше, чем на метр. Благодаря ему и стена не сыреет, и снопы сушить можно, и дрова из поленец, прижатых к самому дому, на растопку годятся. Хозяйка дома М. А. Никифорова с удовольствием показывает некоторые орудия крестьянского ремесла, сохранившиеся на повети. Примечательны среди них турачка — цилиндр, на который, как на катушку, наматывалась пряжа, и вьюшка — ствол с растопыренными корнями, он служил стояком для колеса с зубцами, на которое накручивали шерсть. Вьюшка чем-то похожа на нетвердо стоящую человеческую фигуру, от этого, наверное, и другое, смешное ее название — «дедко».

От деревни до деревни через поля, сменяющиеся перелесками, мы незаметно проходим семь километров до окола Гóра — последнего по Суре. Стоит он высоко, так, что отсюда видна вся пойма реки почти до самого Погоста. От этого окола по другой стороне Суры начинается наш путь обратно. Правый берег, поросший сосной, высокий, песчаный. Следующая деревня и называется Слúда (слудами зовут на Севере высокие песчаные берега). Дома в ней стоят редко и свободно. Есть особая красота в таком расположении, когда среди могучих построек (один из домов, обращенный «лицом» к реке, рублен в 1854 году) словно маленькие избушки толпятся амбары, а между ними вьется дорога.

В околе Прилúк обращает на себя внимание дом Т. А. Лазаревой, возвышающийся на просторной зеленой улице в центре деревни. Прежде всего бросается в глаза, что к его озадку примыкает невысокая пристройка. В других домах она располагается под прямым углом к основной оси дома, а иногда их бывает две: по одной с каждой стороны. Такие пристройки называют на Пинеге зимними или скотными избами. В прошлом здесь зимой приготавливали пойло и обогревали скот, случалось, что в холода жили и сами хозяева. Оттого «ниска изба» всегда имеет печь и соединена с двором.

В доме Т. А. Лазаревой над навесом, где хранятся дрова, — три оконца, три окóленки, со старинной растекловкой на шесть стекол. Окна эти выше, чем на

*Деревня Прилук.
Дом Т. А. Лазаревой.
Кон. XIX в.*

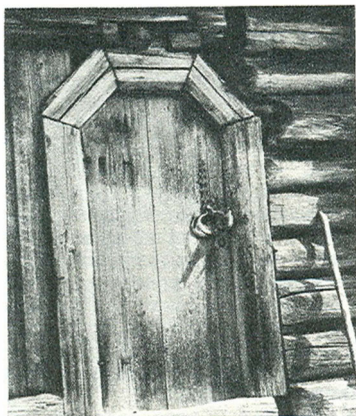
«передке», так как и само помещение поднято, по сравнению с другими, оно словно бы на горе, отсюда и название — горенка. «Горница наверху, окна в боку» — говорят на Пинеге. Обычно тут жили одинокие старики или дочери на выданье, потому вспоминают ее в песне подруги невесты, когда шьют приданое:

...Молодого князя в сенницу звала.
Со сеней в нову горенку.
За дубовый стол посадила,
Чаем-кофеем напоила...

Редко встречается теперь в жилых постройках и такое, поставленное перпендикулярно к дому, крытое крыльцо. Две колонки поддерживают односкатную крышу, упирающуюся в двускатную над верхней площадкой.

Крыльцо, зимняя изба, неодинаковое количество окон с разных сторон вносят ту неправильность, ту свободу в размещении объемов, которые делают всю по-

*Явзора. Окол Волость.
«Красные ворота» дома
М. Я. Дунаевой. 1841 г.*

стройку в чем-то индивидуальной, неповторимой, в то же время оставляя ее очень типичной для этих мест.

Из Прилук мы снова возвращаемся на Погост, а оттуда, пройдя через последний окол — Засурье, направляемся к селу Лавелы, расположенному на правом берегу Пинеги.

Еще километров двадцать и новое село с загадочным и звучным именем — Явзора. «Это имя так удивительно сочетается с... явью светозарных ночей: кажется тогда, везде вокруг, на земле и на небе, живет тут прекрасная Явзора, — писал М. Пришвин. — А почему бы и нам не отдаваться свободно очарованию слова? Итак, мы плывем в какую-то прекрасную Явзору под звуки кукушки и все не можем доплыть: Явзора от нас как будто все дальше и дальше».

Дома здесь словно отошли, отодвинулись от Пинеги. Главной магистралью стала сухопутная дорога, и именно

к ней повернулось большинство построек. Явзора отчетливо делится на три окола. Мы поначалу попадаем в Волость, находящуюся в самой низкой части села. Одну сторону дороги составляют старые дома, другую — амбары, стоящие прямо под окнами, чтобы можно было приставлять за добром — цело ли?

Много колодцев: возле невысокого сруба, укрепляющего стены колодезной шахты, — толстый столб — журавец, иногда завершающийся резным шаром, в других же случаях верхняя часть представляет собой развилку, где укреплено коромысло — журав, а к нему на шесте или цепи подвешена узкая деревянная бадья, выдолбленная из одного ствола дерева. Кажется, нехитрая конструкция — журавль, но сбалансирован он так, что тяжелую бадью, полную воды, без труда поднимаешь одной рукой. Какой необыкновенно вкусной бывает колодезная ледяная вода в жаркий летний день, когда пьешь и не можешь напиться из такого вот деревянного бочажка!

Изредка можно увидеть, что бадья спускается не в сруб, а в долбленную трубу. Оттого и сейчас пинежане называют колодцы трубами. Кстати, от них проводили раньше желоба-водолейки прямо в малые избы к бочкам, чтобы не нужно было носить для скота воду.

Колодцы-журавли с высоко взлетающими стрелами видны издали, их вертикали заметно оживляют деревню и вызывают целую цепь ассоциаций, запечатленных уже в названии — журав, журавль; в загадках:

Стоит Орна выше овина,
клонится, не переломится:

или:

Стоит старик над водой,
трясет головой:

и действительно, силуэт колодезного столба с маковкой отдаленно напоминает фигуру идола.

Здесь, в Волости, сохранился самый старый сегодня на Пинеге дом: рублен он в 1841 году, принадлежит М. Я. Дунаевой. Естественно, он похож на те, что мы видели в Суре, хотя несколько раз ремонтировался и лишился с течением времени многих характерных деталей. Правда, окна правой избы сохранили старые рамы — шестерки. На углах, на шестом снизу венце видны особенно длинные пропуски бревен, на них настилались доски вымостов, иногда получавшие вид балкона-гульбища, и даже с перилами. «На долги зауголки вымосты

Явзора. «Воротное» кольцо

клали», — рассказывают старики. Вымост нужен был, чтобы удобнее закрывать ставни. Их закрывали не только на ночь от «лесных людей», но и от «полудениц» или косматок, которые будто бы в полдень выходили изоржи и заглядывали в окна, если они были открыты. В этом поверии причудливо сплелись рассказы о чуди и отголоски язычества.

В доме М. Я. Дунаевой осталась старинная дверь. Когда-то в древнерусских хоромх вход оформлялся в виде арки (вероятно, влияние каменного зодчества), выполнить которую в дереве непросто. В крестьянских же домах вместо арки делали трехгранное завершение косяка наподобие того, что здесь сохранилось.

На Пинежье уличную дверь называют ходовыми или красными (красивыми) воротами, их украшение — такой трехгранный косяк да кольцо, которое одновременно и задвижка, и ручка, и колотушка; ударяя им о планку, входящий стучит, если дверь заложена изнутри.

Замки в этих краях появились недавно, еще и теперь просунутая в кольцо палка («ворота заколечены») означает, что хозяев нет дома.

Кольцо в доме М. Я. Дунаевой красивой подковообразной формы. Личина его, что прибита к доске, напоминает силуэт ели или ползущую змейку. Часто воротные кольца старше дома, так как они переносились со старого после перестройки или пожара. В одном из домов по соседству мы нашли кольцо, отмеченное подлинным художественным совершенством. Плавно тянутся вверх и вниз кованые стебли цветка с симметрично закручивающимися листьями-отрогами. Само кольцо, имеющее слегка овальную форму, и личина покрыты насечкой-елочкой, похожей на прожилки листьев. На гирьке кольца, утяжеляющей его нижнюю часть, контур крестика — своего рода язычско-христианский «оберег» — символ, охраняющий от злых духов вход в дом.

Сквозной узор кольца был, по существу, единственным украшением кодовых ворот. Придавая им завершенность, он привлекал внимание входящего. Во всем, даже в такой, казалось бы, чисто практической вещи, как дверная защелка, запечатлевалось образное мышление крестьянина. Вот почему в нашем путешествии так важно присматриваться к деталям, они, как это дверное кольцо, открывают перед нами целый мир народной поэзии.

Сразу за Волостью — мост через речку Явзору, затем дорога поднимается в гору — начинается новый окол Холм. Тут, слева от дороги, высилась «давнешняя» Спасская церковь, в 40-х годах разобранная на склад. Справа, над рекой — крутой угор, на нем, на самом «веселом месте» села, красуется огромный двухэтажный домина, «всей деревне хозяин», как говорят местные жители. В подгорье — банька, повыше — амбары, правее — колодец с воротом под навесом. Все вместе они как бы полукольцом окружают склон, и это несколько беспорядочное движение вверх завершается красавцем домом, белыми окнами глядящим на речку, на Волость, на дорогу. Пожалуй, не видать нам на Пинеге более живописного ансамбля крестьянской усадьбы. Дом этот словно начинает собой торжественное шествие: за его озадком «спинами», точнее взвозами, к дороге и «лицом» к Явзоре стоят один за другим еще два двухэтажных дома 1884 и 1887 годов. И вот что любопытно: дом наш, принадлежащий ныне М. Е. Южаковой, самый «молодой» на угоре — 1901 года. Объяснение этому про-

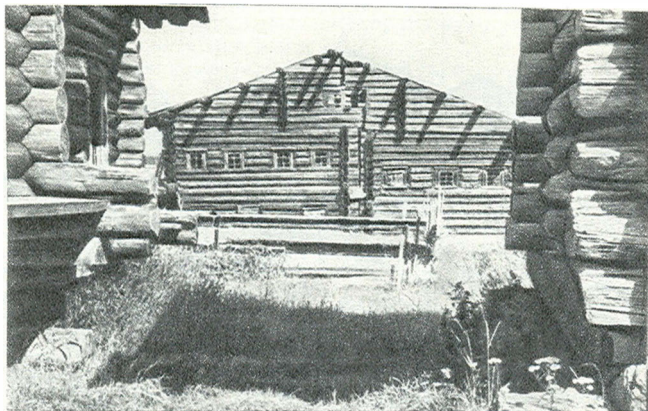

*Явзора. Окол Холм. Дом
М. Е. Южаковой. 1901 г.*

стое: мастер в начале века строил так же, как это отродясь повелось.

Два этажа — два жилья (двухэтажные дома образно называют двужильными), однако принципы той планировки, с которой мы познакомились в Поганце, сохранились и здесь. Не удивительно, что хозяйка жалуется: дом большой, шестистенок, а жилых помещений всего пять, считая вышку. Строился такой дом для большой семьи и обживали его постепенно, в течение 10—15 лет по мере того, как подрастали ее младшие члены. Справа и слева к нему примыкают крытые галереи, из каждой три двери ведут в подклет, в сени и во двор. Галереи удачно создают переходный масштаб от небольших окружающих построек к массиву самого дома.

Говоря об убранстве дома М. Е. Южаковой, следует отметить великолепную резную кись, длинную, свешивающуюся почти до уровня светелочного окна. Узор ее напоминает орнамент плетения, встречающийся в дров-

Летопада. Дом М. Е. Федоровой

нерусской рукописной книге, или рисунок старинной кованой решетки, ячейки которой скреплены друг с другом колечками.

Если от дороги пройти левее, к Малому Холму и обернуться, то перед нами откроется вся панорама Явзор.

Над селом, подавшись вперед, гордо стоит уже знакомый нам дом М. Е. Южаковой, внизу вьется речка, за ней теснятся дома Волости, правее серебрится Пинега, а там, дальше — темные заречные леса до самого горизонта.

Следующая деревня Летопада вытянулась в три порядка по левому низкому берегу Пинеги. Здесь доживает свои последние годы уже нежилой дом М. Е. Федоровой. Это двойня, тип избы, исторически предшествующий шестистенку, то есть два сруба поставлены впристык, без заулка. И очень характерно для старой постройки: тяжелый бревенчатый сруб прорезан маленькими

Икона Артемия Веркольского с изображением монастыря. XVIII в. Фрагмент. Частное собрание

квадратными оконцами высотой всего в два бревна. В этом есть что-то от крепостной стены с бойницами. Над входными воротами — двойное окно, через которое свет падал в сени. Каждая рама разделена на девять ячеек, ячейки же когда-то затягивались бычьим пузырем. Такие окна походили на решетки, оттого и сени называли решетчатыми. «Сени у Гурилы да решетчатые», — поется в былине. Рама — околышница укреплена тремя брусьями — косяками, упирающимися в бревно сруба. Перед нами косячатое окно, столь часто вспоминаемое в народных песнях:

Узрела млада, усмотрела
Из высока нова терема,
Из окощецка кощерцатого,
Из околени стекольцатой...

Перед домом друг против друга, как пропилен, как стража, стоят четыре дворовых амбара.

Такие уголки в северных деревнях непременно следовало бы сохранять, чтобы каждый путешественник, да и житель местный, у себя, в родных местах, мог бы представить, увидеть облик ушедшего, подивиться «ладному мастерству» своих предков. Однако до того времени, когда эта мысль станет очевидной, вряд ли достоин дом М. Е. Федоровой, а жаль — одним памятником народной архитектуры станет меньше...

Дорога от Летопалы идет все время через сосновые боры, очарование которым придает почти белая земля. Белая она от оленьего мха, светлого, с зеленовато-сероватым оттенком. В лесу светло и торжественно. Но вдруг перед нами открытое поле, «чисто поле». Сквозь ветки елей белеют здания Веркольского монастыря — первого из двух на нашем пути монастырей. Стоит он на высоком берегу Пинеги как раз напротив старинного села Верколы. Здесь, к сожалению, не сохранилось ансамбля, интерес представляют лишь отдельные постройки.

*Веркольский монастырь.
Деревянная Ильинская
церковь. XVII—XIX вв.
Колокольня. 1806 г.*

Главной причиной возникновения монастыря в этой лесной глуши, вдалеке от дорог была необходимость усиления влияния христианства, так как именно в среднем и верхнем течении Пинеги особенно долго существовали «мольбища идольские» и другие пережитки язычества. Но для основания новой обители нужен был свой, местный святой. Тогда вспомнили, что когда-то у берега реки на пашне погиб от молнии крестьянский юноша Артемий, а затем через тридцать лет тело его нашли нетленным. Вот, собственно, и вся легенда. Никаких «славных деяний» при жизни Артемий не совершал, по крайней мере об этом нигде не говорится. Все чудеса будто бы приключились с ним после смерти.

И тем не менее местное духовенство решило объявить Артемия святым. Средства на постройку новой церкви дал по обещанию кеврольский воевода Афанасий Пашков. 1650 год можно считать временем основания монастыря. Тогда же была возведена деревянная ограда с

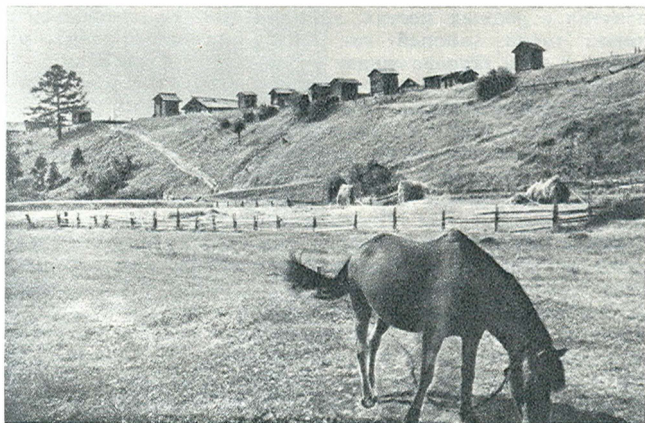
несколькими башнями. Позже прислал в обитель церковную утварь и книги царь Алексей Михайлович.

Как выглядела Веркольская обитель в середине XVIII века, можно отчасти судить по иконе того же времени. О ее деревянной архитектуре, изображенной местным живописцем, кстати сказать, весьма достоверно, мы еще в дальнейшем будем говорить.

Многочисленные пожары, к возникновению которых, возможно, было причастно и веркольское крестьянство, боявшееся, что монастырь отберет от них земли и угоды, заставили монахов в 1785 году заложить каменный храм в честь Артемия. Строили его до 1806 года, но и после этого церковь перестраивалась. Поэтому в ее облике мало что сохранилось от начала XIX века. Одновременно с храмом сооружена и колокольня в духе русского классицизма. Строгостью и простотой она выгодно отличается от остальных построек монастыря. В ее ярусной композиции как бы сопоставляются ясные геометрические формы — куб и цилиндр. Если не считать слегка намеченных карнизов, единственное украшение колокольни — арки-звоны, прорезывающие гладкие стены. Откосы звонов выявляют значительную толщину стен, подчеркивая этим монументальность всего сооружения. В верхнем ярусе сохранилось круглое отверстие от башенных часов.

В конце XIX века на средства уже упоминавшегося Иоанна Кронштадтского построен огромный двухэтажный каменный собор ложнорусского стиля, тяжеловесный, перегруженный многочисленными украшениями.

От деревянных построек обители почти ничего не сохранилось. В 1869 году заменили обветшавшую ограду каменной, остатки ее можно видеть и теперь. Единственное, что напоминает о первоначальном облике монастыря — это бывшая приходская Ильинская деревянная церковь. Она была «возобновлена» в 1887 году, то есть по существу перебрана наново. Портят вид церкви остатки обшивки и железное покрытие кровли. И все же в ней есть что-то... Это, наверное, все окружение: «...а место тут прилегло везде ровное, на горе высокой», — говорится в челобитной 1695 года. И действительно, за оградой на небольшой поляне среди цветистой травы у самой Пинеги как-то удивительно кстати встала она. Возведенная на месте древнего здания XVII века и повторившая в общем его силуэт, Ильинская церковь помогает представить нам, как когда-то стояли деревянные храмы и часовни по берегам этой лесной реки.

Село Веркола

На другой стороне Пинеги — село Вёркола. Большое, людное, оно тянется по высокому коренному берегу почти на четыре километра. На самом краю склона выстроился длинный ряд амбаров и бань. Если смотреть снизу, то они рисуются четким силуэтом на фоне неба, а за ними вырастают крыши домов первого порядка. Из окон этих домов всегда виден монастырь: «Там, внизу, за огородами — голубые разливы лугов с чернеющими шапками зародов, за лугами серебрится Пинега, а за рекой, на том берегу, высоко-высоко на красной щелье громоздятся белые развалины монастыря». Это из книги Ф. А. Абрамова, ленинградского писателя, родившегося здесь, в Верколе, в многодетной крестьянской семье. В романах «Братья и сестры», «Две зимы и три лета» перед нами проходит жизнь пинежской деревни в трудную годину Великой Отечественной войны и первые послевоенные «зимы и лета». Село Пекашино, о котором мы читаем у Абрамова, несомненно, навеяно воспоминаниями

писателя о родных местах, да и не только воспоминаниями: почти каждый год Федор Александрович по месяцу, а то и больше живет в Верколе. Пейзаж Пинеги, северных деревень органично, как бы сам собой вписывается в повествование.

В Верколе, как и во многих других деревнях по Пинеге и Мезени, поначалу удивляет теснота застройки. Экономия пахотной земли заставляла крестьян ставить дома так, что между ними оставались лишь совсем неширокие промежутки. Плотная застройка создает своеобразный живописный эффект, подобный тому, что мы видим на улочках средневековых городов. В такой деревне особенно уютно, здесь обжит каждый клочок земли. Это ощущение усиливается еще и оттого, что на улице почти нет деревьев: важно, чтобы поменьше было тени, а солнце не такой уж частый гость на Севере, да леса и так хватало кругом. «От леса кормились, лесом обогревались, но лес же был и первый враг, — пишет Абрамов в «Братях и сестрах». — Всю жизнь северный мужик прорубался к солнцу, к свету, а лес так и напирал на него: глушил поля и сенные покосы, обрушивая гибельными пожарами и всякой нечистью. Оттого-то, видно, в пинежской деревне редко кудрявится зелень под окном... есть даже поверье: у дома куст — настоится дом луст.

Бревенчатые дома, разделенные широкой улицей, тесно жмутся друг к другу. Только узкие проулки да огородцы с луком и небольшой грядкой картошки — и то не у каждого дома — отделяют одну постройку от другой. Иной год пожар уносил полдеревни; но все равно новые дома, словно ища поддержки друг у друга, опять кучились как прежде».

В прошлом случалось, что дворы так теснились, что между соседями начинались ссоры и дело доходило до челобитных кеврольскому воеводе; один жаловался на другого: тот «с избных желобов... попустил на мой двор воду и на моем дворе заплоты и хоромы огнили» или «Филат... ставил новую избу против моего двора и свет у моей избы и ворота заставил... и мне от его насильства из двора проезжать некуда».

В Верколе еще и теперь можно увидеть многочисленные группы амбаров, старинные дома с небольшими «подслеповатыми» оконцами, сохранившимися ставни и рамы-шестерки.

Во втором порядке стоит двухэтажный дом И. А. Белоусова (1861 г.). Тут сохранилось основание великколеп-

*Веркола. Крыльцо в доме
И. А. Белоусова. 1861 г.*

ного крыльца на одном столбе. Могучий столб высотой почти в два человеческих роста перехвачен резным валиком, который как бы показывает массивность опоры. В нескольких шагах от дома — колодец с воротом под двускатной кровлей. Сооружен он, вероятно, одновременно с домом. В этом уголке села все — толстенные столбы, охлупень, венчающий колодезную крышу, столетнее крыльцо — вызывает в памяти образы сказочных богатырей.

В доме многое уже перестроено — растесаны окна второго этажа, внутри стены оклеены обоями, но все же, внимательно присмотревшись, мы найдем еще и приметы старины: по углам дома сохранились длинные пропуски бревен, подобные тому, что были в Явзоре, по сторонам окон первого этажа бревна слегка стесаны — верный признак старой постройки. Сделано это для того, чтобы создать постепенный переход от бревенчатой стены к плоскости окна, сильнее выявить окна на фасаде (следует

отметить, что наличники раньше не были крашеными) и, наконец, расширить угол попадания света. Последнее также немаловажно, если вспомнить, что через маленькие окна с мутными стеклами свет проникал плохо.

Осматривая дом И. А. Белоусова, непременно надо заглянуть на поветь. Здесь вдоль стены лежит удивительно длинная столешница, стоит огромный чан и ковш-черпак, выдолбленный из свала — нароста дерева. Это предметы древнейшего обычая общинного пивоварения, отголосок славянской братчины, существовавшей с языческих времен. Пирьы эти бывали на Пинеге еще лет шестьдесят — семьдесят назад, назывались они тут «ссыпчинами», так как каждый из участников вносил «ссыпь» — свою долю солода и ячменя для приготовления пива. Братчина приурочивалась к какому-нибудь церковному празднику и потому бывала то никольщиной, то покровщиной, то петровщиной... Вот в старинной песне и пели:

...Те мужики новгородские
Сходилися на братчину Никольщину.
Начинают пити канун, пива ячныя.
И пришел тут к ним удалой добрый молодец.
Бьет челом, поклоняется:
Примите меня во братчину Никольщину.
А и я вам ссыпь плачу немалую.
А и те мужики новгородские
Примали его во братчину Никольщину...

Варили пиво за селом в специальных поварнях, где был очаг с подвешенным над ним медным котлом и хранилась настольная посуда: конюхи — чаши с ручками в виде коней, братины (братыни), как и черпаки, выдолбленные из свала, — в них пиво разносили гостям, а пили его из ендов, дерезянных или медных стаканов и чашек. В старину чаши пускали по кругу — круговые братыни.

Готовили пиво накануне праздника, отсюда и название его — канунное. Обязанности эти исполнялись всеми дворами по очереди. Собирались около поварни на лугу или на повети у пирового старосты, который являлся распорядителем пира и занимал за столом место столыника. Возможно, дед И. А. Белоусова и был таким старостой. Садился все за длинный стол, пили, пели, тут же плясали. Пир горой. Часто веселье продолжалось до самого утра. Для некоторых загулявших кончалось все это весьма печально. Не случайно, наверное, поговорку сложили: пошел на канун, да там и потонул.

Обо всем этом рассказывают вещи на повети столетнего веркольского дома. Помнит он многое. И как важно это «многое» увидеть, не пропустить, не забыть...

Продвигаясь вверх то лодкой, то попутной машиной вдоль реки, а то и пешком, мы приближаемся к одному из самых населенных кустов по Пинеге, расположенному вокруг Карпогор — нынешнего районного центра. От Верколы до Карпогор добираться проще — ходит автобус. И вот, не доезжая до райцентра километров пятнадцать, несколько в стороне от дороги, за небольшим леском — село Шардомень. Расположилось оно на ровном речном мысу; улицы села пересекают этот мыс так, что обоими концами почти упираются в берега. Окончание топонима на «мень» всегда означает мыс, наволок. «Лицами» дома обращены к Пинеге, а озадками к полю, к лесу, по которому ныне проходит автобусная дорога. В центре селения стояла деревянная церковь начала XVII века. В прошлом столетии ее заменили новой, перестроенная она существует и теперь.

Сегодня Шардомень привлекает своими амбарами, без которых невозможно представить себе ни одну пинежскую деревню. Здесь в них хранят не только зерно, но и праздничную одежду, зимние вещи и другое домашнее добро. По амбару, по его содержимому раньше судили о хозяйстве крестьянина. Есть в амбаре, будет в кармане; не замесить густо, как в амбаре пусто — говорят народные поговорки.

Амбары стоят неподалеку от дома, чтобы можно было видеть их из окон или с крыльца, иногда позади двора, но часто и за околицей: если случится в деревне пожар, самое дорогое уцелеет. Принадлежат они многим хозяевам и группируются с удивительным разнообразием: то стоят в ряд, один за другим, где-нибудь у самого хлебного поля, то сбиваются тесной группой, то рассыпаются по пашне, то выстраиваются вдоль дорог. В Шардомени особенно интересна целая амбарная улица, выходящая прямо в открытое поле перпендикулярно порядку деревенских домов.

Иногда амбары ставятся на грести: нижний венец лежит на земле, а над ним на опорах поднимается сам амбарный сруб. Под полом постоянно проветривается почва, бревна предохраняются от гниения, а главное — не сыреет зерно. Но в Шардомени почти все амбары стоят на высоких столбиках, вырубленных в форме гриба: по ним не могут подняться грызуны. Потому и

ступеньки к амбару вырубались в наклонно поставленном стволе дерева или составлялись из обрезков бревен разной высоты, несколько отставленных от самого сруба.

В старину амбары рубили как, и избу, крышу делали на самцах. Правда, в отличие от избы, продольные бревна — слегы, на которые настилался тѣс, клали сплошным накатом. Концы их слегка выступают, создавая затенения на фронтоне, который козырьком нависает над передней стенкой. Так она меньше сыреет, да и дождь почти не попадает на дверь, на выступающую площадку — приступок, а ведь именно сюда, когда загружают амбар, прямо с воза, стоящего на том же уровне, переносят мешки с зерном.

Приступок и навес, выдвинутые вперед и конструктивно связанные со срубом, почти кубическим по объему, лишь подчеркивают его монолитность. Но в то же время масса постройки вверху бо́льшая, чем в основа-

нии. От этого силуэт приобретает особую выразительность; нависающий фронто́н (его иногда образно называют залобником) придает амбарам вид насупленный, временами даже угрюмый.

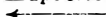
Дверные проемы обычно обрамлены толстыми косяками, углы которых в старину слегка скругляли. Порог высокий, чтобы не продувало. Внизу двери — отверстие для кошки. В отличие от домов амбары непременно заперты большими навесными или врезанными замками. Окна нет, потолок бывает не всегда. На наружных боковых стенах нередко в течение всего лета гнутся полозья для саней. Внутри помещения разгорожено на отсеки (закрома) для зерна. Каждый сусек имеет свое назначение: под жито, рожь, овес и т. д.

Некоторые амбары еще сохранили глухие фронтоны, большие свесы кровель, длинные желоба — водосливы, охлупни с коньками, наконец, уже упоминавшиеся столбики-опоры — все это заставляет вспомнить ска-

зочные избышки «на курьих ножках». Группы амбаров, словно в миниатюре повторяющие жилые постройки, помогают представить нам облик северной деревни. Очень похожие друг на друга, они не кажутся однообразными: пропорции у каждого свои, чуть отличные от соседнего, один старше, другой помоложе, двери некоторых кирпично-красного цвета. Будучи значительно меньше дома и в то же время походя на него, амбары вносят ощущение масштаба в силуэт деревенской улицы, делают его более живым и свободным. Ансамбли амбаров... Такое теперь увидишь, пожалуй, только на Пинеге.

Идешь ли по Ёркину, вытянувшемуся вдоль Пинеге, по Шардомени или плывешь по реке вниз — всегда в перспективе над лугами и пожнями виднеется церковь. И надо же место такое выбрать! Стоит она на крутом мысу, который, как кажется издали, перегородил Пинегу, перекрыл реку.

Шардомень. Амбары

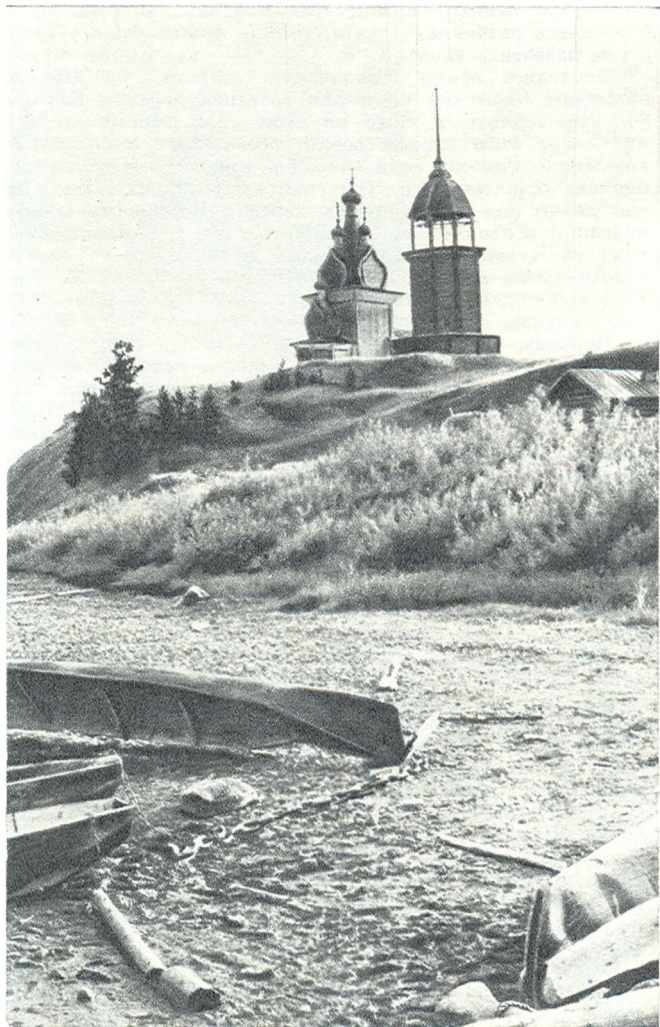

Едома. Никольская церковь. 1700 г.

Церковь эта означает, что приближаемся мы к древнему центру всего воеводства — к Кевроль-городу. Правда, мест тех еще не видно, до них больше десяти километров. Погост на Щелье,¹ как форпост Кевролы, первым встречает нас. Сторожит столицу. Позади церкви лес поднимается, а сама она словно выбежала на открытое ровное место, чтобы видеть лучше, кто спускается по реке. Именно с этой стороны всяких гостей ждать надо. Когда-то чужь в верховьях имела свои укрепления и оттуда совершала набеги; да и из центральной Руси шли в эти края через Выю, чтобы затем до Кевролы спускаться по течению. Шли тем путем, какой уже в наше время проделал М. Пришвин. Щелья была своего

¹ Щельями на Севере называют высокие обрывистые берега реки. В данном случае так именуется место, где расположен погост.

рода укрепленным пригородом Кевролы. И если приближалась разбойная ватага, то еще можно было успеть о том известить воеводу.

Последнее время Никольскую церковь на Щелье называют Едомской по имени соседней деревни Едомы. Это справедливо и само по себе, если вспомнить, что на Севере этим словом всегда обозначают высокое сухое место. Однако, если говорить точно, то Никольская церковь относилась к Чухченемскому погосту. Еще не так давно под горой стояла деревня Чухченема (такое название позволяет предположить, что тут находилось одно из чудских городищ, да и окончание — «ма» в угро-финских языках имеет значение урочища). Ее жители вынуждены были перевезти отсюда свои дома, так как разливы реки угрожали деревне.

Церковь, возведенная здесь в XV веке, — вторая русская культовая постройка на Пинеге после Кеврольского монастыря. Была она «древяна вверх», как сказано в писцовой книге 1623 года, то есть шатровая. Значит, сродни тем, что стояли на Вые и Суре. Нынешняя, третья по счету на этом месте, освящена в 1700 году, отремонтирована и обшита в 1891-м. Ремонт и придал ей суховато «правильный» вид, столь не свойственный памятникам русской деревянной архитектуры.

К Никольской церкви лучше подходить от воды, с берега. Тогда ее затейливый верх и колокольня постепенно вырастают из-за высокого угора. Так когда-то над валами и тынами древнерусских городов поднимались маковки церквей, словно воины в шеломах и кольчугах... Строители главное внимание уделили кровле. Не случайно, конечно, и такая высота — до главного креста около тридцати четырех метров. Церковь была и ориентиром, далеко видимым всякому идущему на погост, и обозначением самого высокого места, что было особенно важно во время весеннего половодья. А главное — она определяла собой центр всей округи.

Тип Чухченемского храма — шатер на крещатой бочке. Шатер здесь стоит не на восьмерике, как обычно, а на квадратном в плане четверике, к которому с одной стороны прирублен алтарь, с другой — трапезная. В шатер с четырех сторон врезаются бочки — так называли на Руси форму крыши, которая, действительно, напоминала бочку, лежащую по длине строения, срезанную в нижней части и заостренную в верхней, чтобы не задерживались на ней снег и дождь. Бочки увенчаны четырьмя главками, сидящими на круглых, в форме усе-

Едома. Вид на Никольскую церковь со стороны Пинеги

ченного конуса шеях. Они наклонены к шатру и вместе составляют компактную и живописную группу.

Такой тип храма возник не раньше XVII века. Появился он в то время, когда правящее духовенство начинает запрещать строить шатровые церкви как не соответствующие «преданиям» и типам византийских храмов: «...как о сем правило и устав церковный повелевают, строить о единой, о трех, о пяти главах, а шатровые церкви отнюдь не строить...». Это была борьба с народными вкусами, народными традициями. Шатры испокон веков покрывали крепостные башни, форма их перекликалась с высокими, пирамидальными елями, более всего отвечала народным представлениям о красоте сооружения как о его вознесенности. Естественно, что Север, где контроль церковных властей был ослаблен, долго противостоял этому требованию. Нельзя забывать также, что церкви рубили плотничьи артели на средства прихожан, по решению мирского схода, то есть заказ-

чиком выступали все крестьяне волости, поэтому архитектура храма не могла не отражать их вкусы.

Так и появляется форма, оригинально соединившая излюбленный народом шатровый верх и требуемое церковью пятиглавие. Подобный тип был некогда распространен в этих краях: в Суре — Никольская церковь «о пяти главах», в Верколе — уже виденная нами Ильинская, ниже — в Красногорском монастыре, а также и на Мезени.

Однако вернемся на Чухченемский погост. Рядом с церковью — потемневшая, накренившаяся от времени колокольня 1798 года. Она поставлена почти у самого края холма, с нее видно особенно далеко. Чем не дозорная вышка-«смотрильня»? Рублена колокольня по всем правилам древнего зодчества: восьмерик на четверике-амбаре. Сруб завершается расширением — повалом, укрепляющим ярус звона. Тут висело пять колоколов. Глухие стены, подчеркнутые вертикалями бревенчатых выпусков и кое-где прорезанные маленькими оконцами, напоминающими бойницы, помогают представить первоначальный облик соседней церкви, да и других, несохранившихся церквей на Пинеге. Вероятно, колокольня была увенчана шатром, замененным при ремонте куполом со шпилем. Тогда же разобрали и деревянную ограду с решетчатым верхом, которая окружала церковь и колокольню. Стены, имевшие двое ворот, делали погост еще больше похожим на крепость.

Чтобы лучше представить себе, как располагались церкви по пинижским берегам, возвратимся мысленно назад, в Верколу. На знакомой нам иконе — Веркольский деревянный монастырь такой, каким он был в середине XVIII века. В старинном описании его читаем: «кругом... монастыря ограда деревянная рублена в замок, угловатая, ветхая». В правой части иконы хорошо видно двускатное покрытие монастырской ограды. В центре возвышается храм в честь Артемия, рубленный в 1713 году, по своему типу очень похожий на Чухченемский: в шатер врезаются четыре бочки. В благословенной грамоте архиепископа Холмогорского сказано: «вместо погорелой церкви построить новую... с трапезою теплую, из-за скудости вашей об одной главе...» И действительно, на самих бочках нет глав. Мастер, придерживаясь условного иконописного языка, как бы развернул перед нами верх церквей, изображая одновременно три бочки из четырех. Опись монастырская подтверждает: «церковь... четверугольная... по верху ея четыре

бочки крытые чешуею... на бочках одна глава...» Четверик от кровли отделяется широким выступом — полницей, крытой свешивающимся красным тесом, «тесом зубчатым». К четверику прирублена трапезная, ниже — сруб паперти и, наконец, крыльцо. Иконописец прекрасно показал, как, начиная от крыльца, ритмически нарастает движение архитектурных масс, завершаясь шатром.

Перед Артемиевским храмом шатровая колокольня с открытыми пролетами — звонами, где висели колокола: «на монастыре колокольня деревянная на девяти столбах...», то есть несущие столбы окружены восьмериковым срубом. Короче говоря, это родная сестра чухченемской колокольни.

Левее — Никольская церковь, предшественница нынешней, той, что мы видели у самого монастыря. В хромозаданной грамоте 1695 года указано: «построить церковь... холодная с папертью, а верх... учинить не шатровой». Здесь, как это и повторено в существующей Ильинской, бочки увенчаны главками. К односкатной паперти прирублено великолепное крыльцо «з двумя всходы, забраны тесом... над всходом бочка». Иконописец все это изобразил верно, показав даже такие детали, как выступающие углы венцов четверикового сруба и резные столбики, поддерживающие кровлю крыльца.

Новые веяния XVIII века были услышаны даже в северной глуши, где, вероятно, и возникло это любопытное произведение: мастер стремится изобразить весь ансамбль в перспективе, придерживаясь одной точки зрения — сверху. Точность, с какой изображен монастырь, говорит о том, что живописец сам жил на Пинеге. С живой непосредственностью рисует он вставшего на дыбы коня, похожего на тех, что мы часто видим на прялках. Не забыты на пашне и борона, и изгородь. Таким образом, признаки места, где совершилось «преставление» Артемия, нарисованы с наивной достоверностью. Неизвестный мастер с любовью и знанием писал то, что видел каждый день, чем была наполнена вся его жизнь. Этим-то и подкупает икона, несмотря на ее неумелость, на однообразно-примитивный колорит, в котором преобладает красноватая охра и зелень — краски, надо полагать, местного происхождения.

Говоря об иконе Артемия Беркольского, мы затронули интересную тему, к которой в последние годы привлечено внимание многих искусствоведов, — «северные письма» древнерусской живописи. Пока сделаны только

первые шаги, но уже и теперь ясно, что под общим и расплывчатым понятием «северные письма» кроются несколько иконописных школ, существовавших на Севере в разное время. Бесспорно, было невозможно все церкви и часовни, быстро возникавшие в XVI—XVII веках, украшать привозными иконами, вроде того «Георгия», о котором мы говорили вначале. Потому здесь писали иконы и монахи, и попы, и люди мирские. Часто те же, что расписывали прялки, посуду и другую утварь.

Есть предположение, что в районе Кевролы существовала целая иконописная мастерская. Так, первый собиратель пинежских былин А. Д. Григорьев видел икону Троицы из приказной Кеврольской избы со следующей надписью: «В лето... 1692 написан сей образ... в богоспасаемый град в Кевролу новопоставленную приказную избу при... воеводе Сергее Никифоровиче Аничкове», который до своего воеводства был стольником царя Иоанна Алексеевича — сына Алексея Михайловича. Возмож-

Рождество Христово. Икона из села Кевролы. XVII в. Фрагмент. Архангельский музей изобразительных искусств

но, из этой мастерской вышла и икона XVII века «Рождество Христово», исполненная в живой, непосредственной и бесхитростной манере. Вот Иосиф и пастырь (пастух) чуть пригнулись, будто говорят друг другу на ухо, шепотом. Старик в чем-то настойчиво убеждает опечаленного Иосифа. По одному из вариантов легенды это бес в облике пастуха внушает ему мысль о неверности жены, Иосиф же слушает с таким вниманием, будто слова пастыря отвечают и его затаенным сомнениям. Изображены они приземистыми, с широкоскулыми мужиковатыми лицами. Иконописец мастерски вписал эту почти жанровую сценку в овальный контур пещеры, подобно тому, как и всю композицию иконы подчинил кругу. Что-то роднит язык таких икон, грубоватых, отчасти примитивных и в то же время цельных, с характером крестьянских построек, часто массивных, но так естественно рисующихся на фоне богатого оттенками неяркого северного пейзажа.

Теперь в «Пинежской правде» спорят о том, где была древняя Кеврола. В. Страхов, автор нескольких очерков о современной Пинеге, считает, что это место на Щелье, где стоит Никольская церковь. На самом же деле это не так: отсюда нам еще шагать и шагать. Внизу, за древней Едомой в сторону от Пинеги лежит приречная низина и только вдали, на горизонте виднеется возвышенность. В низине — ряд оков большого селения, носящего имя Кевролы. Надо пройти через них, чтобы выйти к небольшому притоку Пинеги — Немнюге. За нею — высокий берег с несколькими домами, вокруг которых — поля. Это один из оков села, называющегося по имени речки — Немнюга. На семь километров вытянулось оно по холмистым берегам. Окол носит на первый взгляд странное, несоответствующее его нынешнему облику название — Большой Погост. Большой, вероятно, в отличие от соседнего и очень похожего на него Чухченемского. Сегодня, действительно, уже ничто не напоминает о том, что здесь и был центр обширного Кеврольского воеводства, до возвышения Архангельска в конце XVII века второй по значению после Холмогор город в бассейне Северной Двины.

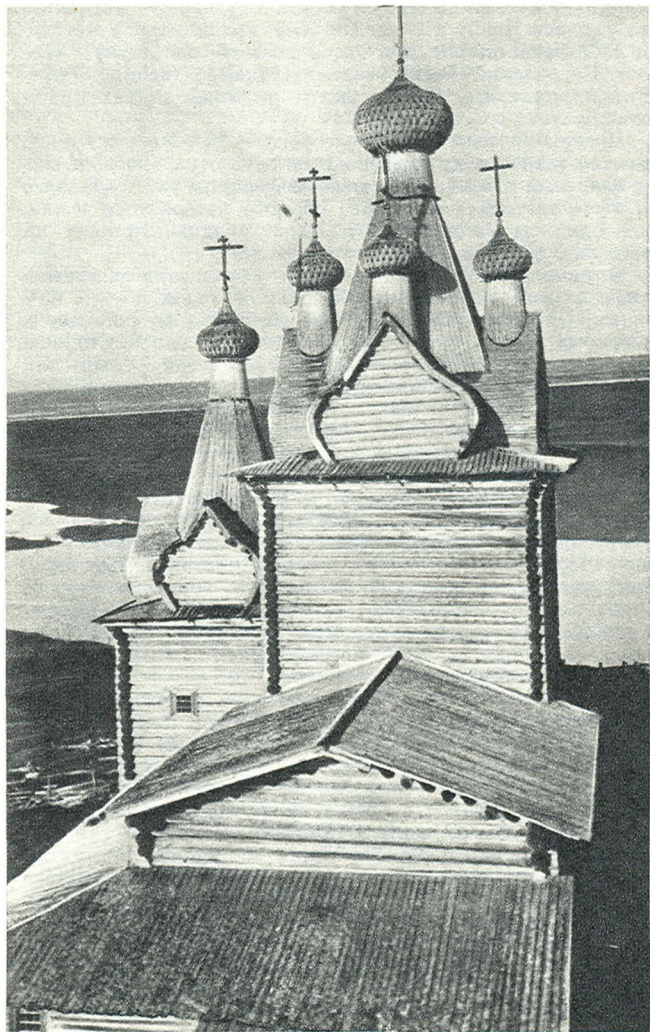
Поднимемся от Немнюги по крутому склону. И какой тогда вид откроется отсюда — царский! Это самое высокое место всей округи. Слева чуть видна Пинега с красными отвесными берегами, правее, за околами нынешней Кевролы, можно заметить контуры Чухченемской церкви, а за ней — голубая полоска заречных лесов. Отсюда, с коренного берега, воеводскому дозору было удобно наблюдать за окрестностью.

В далекие времена это было крупное чудское городище племени немь, которое новгородцы воевали долгие годы, а затем уже, закрепившись на нем, начали продвигаться дальше, к верховьям. Предание рассказывает, что одно из чудских укреплений находилось на обрывистом берегу около нынешней деревни Ваймуши. Еще и теперь здесь можно заметить остатки вала, из-за которого чудь пускала стрелы в новгородскую рать, наступавшую с противоположной стороны реки от Кевролы и Чухченемы. Вскоре Кеврола становится центром распространения христианства во всем Заволочье. В XIV веке иноками, пришедшими с Вычегды, здесь основан Воскресенско-Кеврольский монастырь. Сгорел он в XVII веке и больше не возобновлялся. Появление монастыря в этих краях связано со стремлением великого князя Московского утвердиться на берегах Пинеги, по которой проходили тогда

великокняжеские ватаги к морю Студеному. Вероятно, это удалось Ивану Калите, потому что во второй четверти XIV века он писал в своей грамоте на Двину: «погост Кегролский Волок ведает Михайло (великокняжеский приказчик)... как то было при моих дядьях и при моем брате».

После присоединения Новгорода к Московскому государству в 1471 году новгородское вече отказалось от своих владений в Заволочье, хотя новгородцы еще незадолго до этого пытались отвоевать обратно потерянные земли. Вот одно из свидетельств: «...новгородцы, пришед на семь лет, городок Кегролской сожгли».

В начале XVII века вместе с образованием воеводства городок превращается в большой город по тем временам. Он вытянулся с востока на запад по ровному и высокому месту почти на километр. С одной стороны границы — узкий и глубокий овраг, с другой — вырытый ров, как бы врезающийся в берег и соединявшийся в прошлом с рекой. С севера — лес и болото. Старожилы говорят, что когда-то на месте нынешней речушки было основное русло Пинеги, а там, где она протекает сейчас, цепь озер. Поэтому все ладьи подходили к самой Кевроле. Никто из проплывающих не мог миновать ее. От самой воды, от бревенчатой пристани по лугу поднималась в гору насыпная дорога, остатки ее можно заметить и теперь. Через главные ворота, а город, наверное, был окружен деревянной стеной с башнями и воротами, дорога приводила к площади, на которой стояли две церкви и главная среди них — огромная Воскресенская, рубленая в 1710 году на месте сгоревшей, то есть на несколько лет позже Чухченемского храма. Тип ее тот же — шатер на крещатой бочке. Имела она три престола: кроме главного, один в трапезной, другой в специальном прирубке — Ильинском приделе, который в свою очередь завершался шатриком на крещатой бочке. Трапезная с резными столбами, обширная, по площади, пожалуй, больше главного сруба. Да еще с двух сторон трапезную и церковь охватывал низкий притвор — крытая галерея. Такой обширной церкви никогда не видывали в этих краях. И не удивительно — ведь это соборная церковь Кеврольского воеводства, в ней не только молились, но и пировали, судили, составляли челобитные, в которых так и говорилось: «писано... в Кевроле на стану, у Воскресения Христова». В праздники сюда собиралось множество народа: в самом городе жило несколько сот человек, да еще немало приезжих. Церковь славилась

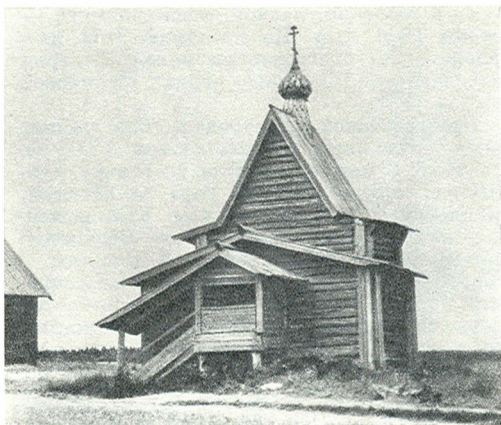
древними иконами и особенно главной своей святыней — образом Одигитрии 1366 года. По преданию этой иконой Сергей Радонежский благословлял князя Дмитрия Ивановича, впоследствии Донского, перед Куликовой битвой.

Рядом с Воскресенской — шатровая Благовещенская, между ними — трехъярусная колокольня XVIII века, рубленая в лапу. С нее видна была не только Чухченема, но и Шардомень, и Карпова Гора за Пинегой. От этого ансамбля осталась перестроенная Благовещенская церковь да несколько нижних венцов Воскресенской — листовичные бревна почти метровой толщины.

В давнюю пору вокруг церквей теснились многочисленные строения. У самого обрыва, там, где поднимается дорога, стоял воеводский двор — целый комплекс жилых и хозяйственных построек, среди которых возвышались хоромы. Воеводский косик — зовут до сих пор это место. Неподалеку от церквей — таможенная изба, где

*Немнюга. Окол Большой
Погост. Воскресенская
церковь. 1710 г. Фотогра-
фия С. С. Некрасова.
1913 г.*

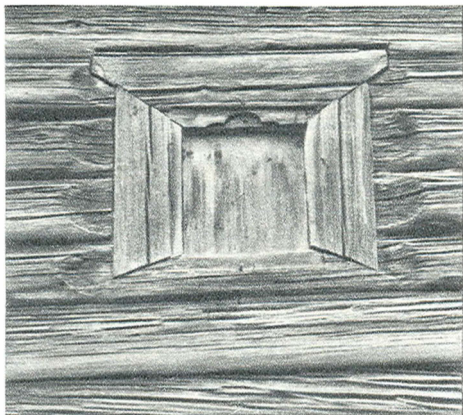
собирали с промышленных людей и купцов пошлину «мягкой рухлядью» и «рыбьим зубом» — моржовыми клыками. Царь Алексей Михайлович наказывал кеврольскому воеводе Ивану Чевакину, «чтобы тутошние и проезжие всякие торговые люди... мимо Кевролу... с неявленными товары не проезжали и беспошлинно не торговали». А торговля шла бойкая. Какие-то связи были у кеврольцев даже с балтийскими странами. Это подтверждает найденный в середине XVIII века около города клад готских монет. Рядом с таможенной избой — приказная, затем — съезжая, где судил и рядил воевода, судил, как ему заблагорассудится, так как был он тут, по существу, неограниченным правителем. Часто били батогами и правых и виноватых. Зная это, повздорившие мужики, шедшие к воеводскому городку, останавливались, не доходя, на Поклонной горе и у трех сосен мирились. Место это называлось «У мировых сосен» даже тогда, когда от деревьев и следа не осталось.

Березник. Вознесенская часовня. Нач. XVIII в.

В центре Кевролы было несколько лавок, некоторые из них держали холмогорские купцы. Тут же винный погреб, рейнсовым его звали, потому что хранилось в нем рейнское вино для самого воеводы. Поодаль, уже у самого рва — пустошь, ее и теперь называют Стрельчихой — здесь жили стрельцы. Ближе к косогору — поле Казниха, где совершались казни. Дальше, за рвом — слобода, в которой жил ремесленный люд — кузнецы, сапожники, портные.

Жизнь у посадских людей в те далекие времена была несладкой: дожимали их многочисленными поборами в государеву казну. Так, в 1662 году царь шлет грозную грамоту в Кевролу: «...а буде... посадские люди... стрельцких денег платить не станут и на тех ослушниках... велено столнику и воеводе Гаврилу Яковлевичу Тухачевскому править безо всякие пощады... земскому старосте и выборным людям... смотреть накрепко, чтоб в избыли никто не был».

Косящее окно Вознесенской часовни

В 1784 году по царскому указу упразднили воеводское правление и образовали уезд с центром в селении Пинежский Волок, переименованном тогда же в город Пинегу (он стоит ближе к губернскому городу на полтора верста). Вполне возможно, перенесение центра связано с тем, что после одного из особенно бурных весенних половодий Пинега отошла от Кевролы и стала течь по ее нынешнему руслу. Кевроль-город оказался в стороне от главной магистрали края и был заброшен. Постройки постепенно разрушались. А ведь раньше, в XVII веке, он помогал строить Архангельску — с каждой сохи платили крестьяне налог на сооружение каменных торговых рядов, а затем и Новодвинской крепости.

О былом величии до начала 30-х годов нынешнего столетия напоминали только церкви на Погосте да рассказы о всяких происшествиях, случавшихся при воеводах.

...На правом берегу Пинеги остается райцентр, затем Шотова Гора с кирпичной громадой храма, возведенного в начале XX века, Марьиная Гора, где учительствовал С. Н. Томилов, страстный краевед, собравший огромный материал по истории и этнографии края, не сохранившийся, к большому сожалению, до наших дней.

Наш путь через Пóкшеньгу, от которой около тридцати километров до деревни Березник. Здесь, у дороги, между двумя околами — Подзаполеком и Слободой, «спяной» к реке стоит небольшая Вознесенская часовня начала XVIII века. Как раз в том месте, где Пинега делает крутой поворот, так что отсюда далеко видно и в одном и в другом направлении. Лес тут отступил, и одинокая часовня, окруженная пашней, словно соединяет оба окола в единое целое.

Этот памятник архитектуры особенно интересен для нас потому, что относится к самому древнему типу деревянных культовых построек — клетских, в которых

Иоанн Златоуст и Григорий Богослов. Икона из Вознесенской часовни. XVII в. Архангельский музей изобразительных искусств.

клеть была основой сооружения, так же как и в жилых домах. Невысокая (ее центральная часть всего около пяти метров) часовня могла бы показаться издали избушкой или амбаром. Не будем удивляться, что в Березнике она срублена уже в XVIII веке. На Севере, как мы знаем, чрезвычайно долго жили строительные традиции глубокой старины.

Желая как-то выделить храмы из окружающей застройки, строители начали ставить их на высокие подклеты (какое точное название: под клетью!), кровлю делать круче, чем обычно. По существу, клинчатая кровля, на которую насажена главка, — главное украшение нашей часовни. Клин словно разрезает главку на две половины. И все-таки она кажется особенно изящной, благодаря небольшим размерам, мягким, плавным контурам и резному «воротнику» в том месте, где шейка переходит в маковку. Тени от него вместе с городчатым рисунком лемеха создают затейливый узор, постоянно меняющийся

ся в зависимости от солнечного освещения... Чтобы дождь меньше попадал на стены, плотники сделали небольшой повал, то есть венцы в верхней части как бы повалили, расширили: Сверху повала — пологий скат — поллица, она-то и помогает отводить дальше дождевую воду.

Будучи поднятой на подклет, часовня потребовала устройства крыльца. Подобные ему еще часто встречаются в крестьянских домах. Столбики, перила, крыша здесь скреплены так, что мастера легко обходились без гвоздей.

В часовне сохранились косячатые, почти квадратные окна. Их боковые колоды врезаны углами в нижнее бревно. Верхняя же притолока несколько свешивается над боковыми. Колоды шириной в пол-окна, а также стесанные по сторонам бревна усиливают контраст между небольшим оконным проемом и глухими бревенчатыми стенами.

Часовня состоит всего из двух клеток: прируб притвора, выполняющий ту же роль, что сени в избе, и помещение для молящихся. Сегодня нас удивляют ее малые размеры: одновременно здесь могли поместиться 15—20 человек, но, вероятно, для деревни, имевшей даже в середине прошлого века всего 120 жителей, считая и стар, и млад, этого было достаточно.

Вознесенская часовня привлекает своей живописностью. Легкое открытое крыльцо, несколько больший притвор и высокая клеть самой часовни создают впечатление нарастания и одновременно единства, слитности архитектурных масс. Это главное. Но существенное значение в композиции имеет и асимметричность: из общего объема только с южной стороны выступает притвор, сдвинутый, таким образом, вправо по отношению к основному помещению, один скат над крыльцом больше другого, с юга два окна, с севера — одно, наконец, разные уклоны кровель крыльца, притвора и собственно часовни усиливают ощущение устремленности вверх.

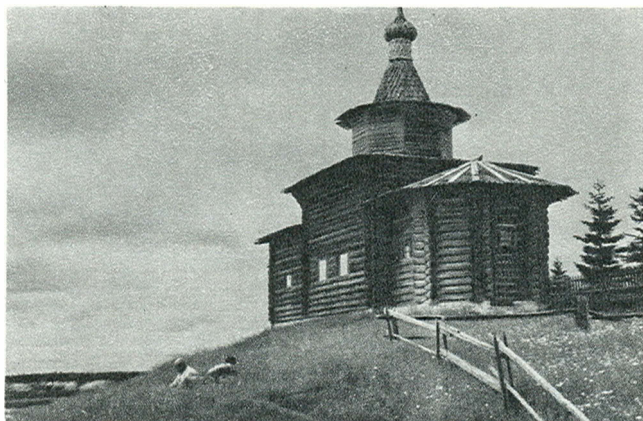
Внутреннее убранство часовни было чрезвычайно скромным. Здесь вы не нашли бы резного иконостаса, позолоты, медной и серебряной посуды. На полках-тяблах два ряда небольших, под стать самому помещению икон. Две отсюда, из деисусного чина хранятся в Архангельском музее изобразительных искусств. Это Иоанн Златоуст и Григорий Богослов. Их тяжеловатые фигуры кажутся несколько сдавленными малыми размерами досок. Лица — открытые, с сосредоточенно сведенными бровями. В образах святых нет столичной изысканности, они отличаются простоватостью и какой-то напряженностью. Нельзя не согласиться с М. А. Реформатской, которая так говорит об иконах «северных писем»: «Их упрощенный живописный язык, тяжелые пропорции, угловатые движения персонажей, их крепкие коренастые фигуры и ничем не скрываемый простонародный тип кажутся вполне естественными в окружении массивных бревен срубов, гладких тесаных стен и досок на полу и скамьях. Единство, которое пронизывало архитектуру церковного здания и его живописное оформление, рождает ощущение чего-то обжитого, интимного, и нетрудно представить, как чувствовал себя здесь приходской люд, когда, стоя перед мужиковатыми святыми и крестьянскими богородицами, он видел отражение в них своих собственных представлений и идеалов».¹

¹ М. А. Реформатская. Северные письма. М., 1968, стр. 35.

*Вид на деревню Шотогорку
со стороны Пинеги*

Дома в одном из околоследующей деревни — Шотогорки выстроились по высокому береговому мысу фасадами к реке. Когда идешь по селению, слева видишь почти сплошь бревенчатые стены, справа, ниже по склону, крыши бань, за ними — противоположный берег Пинеги, а перспективу порядка замыкает Георгиевская часовня начала XVIII века. Если же смотреть снизу, то кажется, что часовня, стоящая на краю деревни, возглавляет весь порядок. Она подвинута к самому склону и, уж если говорить точно, стоит в ряду банек. Только потому она и видна из окон каждого дома. Часовня эта, может быть, производит меньше впечатление, чем березничка, и, наверное, оттого, что обшивка скрывает бревенчатый сруб, всегда красивый своим чередованием затенений и осветлений. Ее сруб-клеть по высоте — обыкновенная изба, но выделяет часовню не клинчатая кровля, а маленький шатрик, обитый лемехом. Здесь еще нет привычного для нашего глаза перехода от четвери-

Пиринемь. Церковь Двенадцати апостолов. 1799 г.

ка-клетки через восьмерик к шатру, основание последнего покоится не на стенах, а непосредственно на кровле. Поэтому тут нет той монолитности, того единства, которые характерны, к примеру, для часовен Онежского озера или для только что виденной нами в Березнике.

Шотогорская часовня словно подготавливает нас к тому, что предстоит увидеть в Пиринемии, до которой недалеко — семь-восемь километров. В селе, на самом краю высокого склона, летом сплошь покрытого цветами, приютилась церквушка, привлекающая внимание всякого, кто проплывает по реке. С каким удивительным чутьем неизвестные мастера нашли место для своей постройки, так естественно дополняющей пейзаж!

Между этой небольшой церковью 1799 года, носящей имя Двенадцати апостолов, и стоявшей рядом пятиглавой Георгиевской 1717 года возвышалась огромная колокольня («большеханская» — сказала одна местная жительница) — центр всего ансамбля. В композиции же

*Чешегора. Часовня Петра
Митрополита. Нач. XVIII в.*

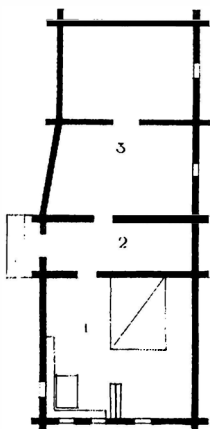
существующего памятника преобладают горизонтальные линии. Алтарный прируб с одной стороны, притвор и крыльцо — с другой примыкают к поднимающемуся над ними четверику, который в свою очередь увенчан невысоким восьмериком с приземистым шатриком.

Каждый из срубов словно подчеркнут зубчатыми полосами теней, падающих от свешивающегося кровельного теса. Силуэт церкви, рисуясь уступами на фоне неба, вторит крутым линиям обрыва. В результате небольшое сооружение не только не теряется на высоком берегу, но, наоборот, венчает его и выглядит особенно величественным. Отсюда открывается такая ширь, так далеко видно вокруг, что церквушку, кажущуюся легкой, почти невесомой, хочется сравнить с птицей, парящей над бескрайними просторами. Как видим, в конце XVIII века на Пинеге еще продолжали жить традиции древнерусской культуры, даже храмы удавалось делать шатровыми, несмотря на давнее запрещение церковных властей.

*Шеймогоры.
Изда М. А. Осиповой.
Кон. XIX в.*

Напротив Пиринемии в деревне Чёшегора сохранилась еще одна клетская часовня. Тип нам знакомый, но мастера никогда не повторяли в точности того, что уже было. Чёшегорская часовня более массивна, нежели березницкая. Да и стоит она не в поле, а посередине небольшой деревенской площади. Кроме того, здесь есть еще одна интересная деталь. Передние столбы крыльца продолжают над кровлей, поддерживая там небольшой двускатный навес. Это деревянная звонница. В древности колокола обычно вешали на перекладину между столбами и укрепляли их рядом с церковью или на ее крыше. Как ни покажется странным такое сравнение, но расположение звонниц с западной стороны над крыльцами или притворами мы часто встречаем в каменной архитектуре Пскова, начиная с XV столетия. Вероятно, такое размещение колоколов заимствовано псковичами от деревянных церквей, которых в те времена было большинство. Колокольни же, как известно, появились значительно

План избы М. А. Осиповой

позже. И вот часовня XVIII века в Чешегоре повторила давно исчезнувшую в других местах деревянную звонницу, далекий прототип псковских.

Отнюдь не все на Пинеге раньше жили в таких просторных домах, на которые мы обратили внимание в Суре. Там, как правило, в семьях мужчины занимались зимой на рубку леса, весной на сплав, промышляли охотой и имели, таким образом, дополнительный заработок. Где семьи были небольшие или кто жил совсем одиноко, бобылем, еле землю успевали обрабатывать, а из-за ранних заморозков не всегда и хлеб вызревал, отсюда — нужда, бедность. Естественно, что расслоение населения по достатку отразилось на жилище. Правда, до наших дней почти не сохранилось бедных изб: строили их наспех, вовремя поправлять не успевали — вот и разваливались они быстрее, чем добротные поставленные дома.

В одной частушке прямо поется:

У миленочка — избеночка.
Избеночка — не дом.
Кабы я была не дурочка,
Не думала о нем.

И все-таки нам повезло. В Шеймогорах пока еще есть подобная изба, рублена она лет 65—70 назад, принадлежит М. А. Осиповой. Маленькая, низкая, поставлена избенка прямо на землю, без подклета. Кажется, что три оконца глядят на улицу чуть ли не от самой земли: начинаются они всего на третьем венце снизу. Дом состоит из одной клетки (1), размеры которой определяются длиной бревна, то есть получается примерно 6×6 метров. К ней примыкают передызье (2), за ним небольшой хлев (3), где вряд ли бывала корова, держали только овец. Перед нами четырехстенки. Характерно, что его служебная часть по отношению к жилью занимает места меньше — как раз наоборот по сравнению с большинством виденных нами домов. Совершенно нет тут и резного убранства.

Изба М. А. Осиповой сохранила первоначальный интерьер, это на Пинеге сегодня большая редкость. Без особенных изменений дошла до нас русская печь, правда теперь имеющая дымоход. А когда-то изба топилась по-черному и дым выходил через дверь и деревянную трубу-дымник на крыше.

В древности очаг закономерно располагался посередине жилища, с ним была связана вся жизнь семьи. Здесь печь сдвинута от центра к внутренней стене, и все-таки она продолжает занимать основное место в избе. Это подчеркнуто и внушительными размерами, и тяжелыми формами, и побелкой, контрастирующей с тепло-коричневатым цветом дерева. Украшают печь углубления по ее бокам — печуры, которые служат для сушки рукавиц, обуви, а также увеличивают поверхность обогрева. Русская печь хорошо держит тепло в течение целых суток. Не случайно на ней любят греться старики, в ней не только готовят еду и варят пойло скоту, но и просушивают зерно, в мороз согревают телят, а в далеком прошлом внутри печи даже мылись.

В Шеймогорах, как почти всюду в этих краях, печь «битая», то есть не кирпичная, а глиняная. Поэтому она как бы вставлена в «футляр» — обвязку из брусьев, называемую печным местом, и покоится на деревянном основании — брусчатом опечке. Печь — центр всей избы и эстетический, и конструктивный. От печного столба

на уровне человеческого роста идут грядки (воронцы), противоположными концами закрепленные в стенах, «шток столп печной не отходил». Эта конструкция родила любопытный поэтический образ в загадке, образ, от которого веет языческими временами: «стоит Яга, во лбу рога». На грядку со стороны двери настилали доски. Получались полаты, на которых в старину спали: так и место в большой семье экономилось, да и под потолком теплее.

Средняя часть избы, за полатами, по контрасту казалась особенно высокой, хотя она едва превышает два метра. Зрительно это впечатление усиливается тем, что потолок, подволока по-старинному, значительно темнее остальных частей. Лежит подволока на поперечной балке — матице. Перед ней на праздниках останавливались гости и пели величальную песню — Виноградие:

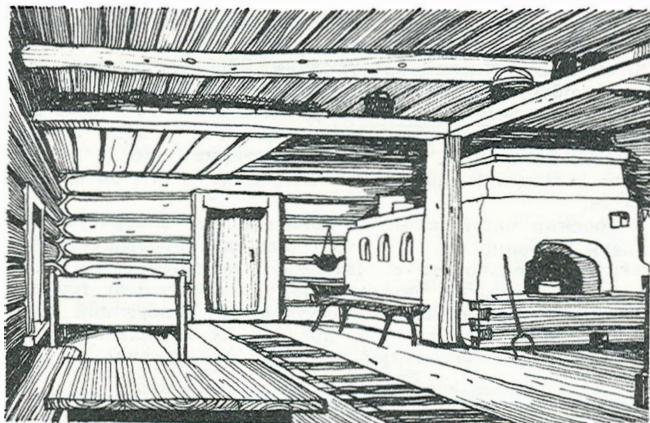
Ты позволь-косу, хозяин, до двора дойти,
 До ворот дойти — на красно крыльцо зайти,
 На красно крыльцо зайти — за колючку взять,
 Ворота отворить — по новым сенам пройти,
 По новым сенам пройти — в нову горницу зайти.

Прямь матицы стать — Виноградие спеть.

В избе М. А. Осиповой сохранился пол, сложенный из тесанных плах, бревенчатые несклеенные стены. Они стесаны там, где их касаются особенно часто, то есть все венцы, кроме двух верхних и нижних. Углы скруглены — этим подчеркнута цельность всего внутреннего пространства, кроме того, так крепче изба в стыках венцов, да и сор выметать удобнее. Зная эту особенность старых домов, легко понять загадку: «На улице рогато, а в избе гладко». Несомненно, оклейка обоями резко нарушает гармонию крестьянского интерьера.

Пространство избы как бы делится по назначению на несколько «зон». У двери, под полатами, своего рода прихожая, дальше входящий попадает в красный угол — самую «парадную» часть избы. Она выделена наиболее ярким цветовым пятном — образами на полке-божнице, украшенными вышитыми полотенцами. Под божницей — обеденный стол, вдоль стен — встроены лавки, три окна из четырех приходятся именно на красный угол. Он — самая освещенная часть избы.

Грядка вместе со стоящим под ней посудным шкафчиком отделяет помещение перед печью, где стряпает хозяйка; его на Пинеге называют шолныжом. В деревне так объяснили это название: «в солнышу солнце перво на лето приходит, часы не нать». Одно окно на фасаде

Интерьер избы М. А. Осиповой. Рисунок Ю. С. Ушакова

как раз расположено против устья печи. Иногда говорят не шолныж, а *зѣдоски* (за досками — дощатой перегородкой). Так на свадьбе к невесте в песне обращаются:

Не пора ли тебе, Марья, воротиться,
Не пора ли тебе, Егоровна, во за дѣски?

Наконец, за печью расположен чулан или запечек. Тут полки вдоль стен, на них — всякая, преимущественно деревянная, посуда: крупники, полатухи, квашни, чугушки. К задней стенке чулана приделан каменный жернов, теперь, разумеется, им уже не пользуются, а раньше хозяйка почти каждое утро молола зерно.

Интерьер избы отличается традиционной определенностью и неподвижностью. За исключением стола и одной-двух лавок все предметы прочно закреплены на своих местах, оттого даже небольшая изба не кажется загроможденной. В этом, бесспорно, отразился весь уклад дореволюционной крестьянской жизни, тесно связанный

с постоянным распорядком сельскохозяйственных работ, с обрядами, которые были неотъемлемой частью крестьянского быта. Потому обычно все части избы осмысляются в связи со свадьбами, поминками, приемом гостей во время гулянья и т. д. В интерьере, как и во всем доме, воплотилось умение выявлять красоту дерева, запечатлелся веками складывавшийся народный вкус, в котором до недавнего времени был совершенно растворен вкус индивидуальный.

Такая обстановка крестьянского дома, по существу, уже прошлое. И тем важнее сохранить то немногое, что еще остается, чтобы можно было своими глазами увидеть, понять, почувствовать старую деревню со всеми ее светлыми и темными сторонами.

Почти одновременно с Кевролой срубили новгородцы городок на Чаколе, это было второе опорное укрепление по Пинеге. Новгород настойчиво боролся за них с Москвой и в середине XV века несколько раз отвоёвывал их обратно. Тогда-то новгородцы сожгли Кевролу, и «с Чаколского городка откуп взяв... пограбили, а... волости все поотоймали за себя». Именно тут уже значительно позже укрылись новгородские бояре после того, как Новгород был разрушен Иваном Грозным в 1570 году.

В Чаколе сегодня, как и на Погосте в Немнуге, ничего прямо не напоминает о прошлом, разве что название одного из околов — Городок. От былого здесь осталась земля, осталась природа, и она помогает воображению дорисовать исчезнувшее. Ныне Городок — это маленькая деревушка на высоком безлесном горбе берега, резко выдвинувшемся вперед, к реке. Еще недавно с трех сторон Городок окружала вода: Пинега теперь отошла в сторону, образовав большой наволок, а лет 30—40 назад тут, под самым мысом, останавливались катера и баржи. По дну нынешнего глубокого рва, расчлняющего берег на два угора, бежала речушка. Снизу еще видны давно заплывшие насыпи — дороги, с двух сторон поднимавшиеся от самого берега на Городок. Стоит он так же, как Чухченема, как Пиринемь — на изгибе реки. Отсюда хорошо виден разлив Пинеги, поля за ней, синие лесные дали. Такие-то места, наверное, былина и называет «раздольице широкое».

Только сзади, с поля враг мог подобраться к Городку, и поэтому именно здесь, с напольной стороны мыс перерезал ров, выглядящий сейчас неглубокой ложбин-

Чакола. Окол Городок

кой посередине деревни. Меньшая по сравнению с Кевролой раза в четыре, территория укрепления была обнесена стеной, которой давно уже нет и в помине. Теперь же Городок опоясывают баньки, будто выбежавшие вперед, на самый склон.

До погоста отсюда около километра. Там можно увидеть остатки колокольни и малоинтересную церковь середины XIX века. В прошлом рядом стояла клетская 1707 года, в народе ее называли напённой, то есть на пнях, так как возведена была она на месте некогда густого соснового бора.

На правом берегу Пинеги против Труфановой Горы расположена деревня Чикинская — древний Перемский погост. Теперь тут две деревянные церкви второй половины прошлого столетия, не имеющие большой художественной ценности. Но отсюда в пяти километрах, в Вальтеве сохранилась старинная часовня, достойная самого пристального внимания.

По дороге к ней, у деревни Михеево, на краю поля стоит другая часовенка, на ее кровле нет даже креста. Она очень напоминает амбар, у которого две колонки-стойки поддерживают навес. С двух сторон сруба — по волоковому оконцу, обычно их у амбаров не делали. Тут же, в неурожайные годы или засуху, прямо на пашне совершали молебны. Подобные клетки-амбары в древности и положили начало клетским, а затем и другим деревянным церквям. Эта безымянная часовенка, ставленная, разумеется, без благословения архиепископа, знаменует собой самые истоки культового зодчества Руси.

Какую роль играли часовни в жизни крестьянского Севера? Церкви отстояли друг от друга на десятки верст, добираться до них было нелегко, и потому в каждой деревне старались срубить часовню. В престольный праздник в ней служили сами жители, иногда сами крестили новорожденных и отпевали умерших. Часовни ру-

*Михеево. Часовня-амбар.
XIX в.*

били и украшали крестьяне по своему вкусу, и потому часто это были подлинные произведения народной архитектуры. Не удивительно, что церковные власти неодобрительно относились к часовням, которые отвлекали прихожан от церкви, сокращали ее доходы. В начале XVIII века строительство часовен было запрещено, а существовавшие приказали разобрать. Так церковь надеялась искоренить раскол, более всего охвативший Север. Однако запрет оказался недейственным, и его вскоре пришлось отменить: «которые часовни еще не разобраны... их снова возобновить и взятые... иконы отдать».

В 1728 году холмогорский архиепископ издал указ, благословлявший часовни, возведенные ранее без его дозволения. Среди них — в Березнике, Шотогорке, Чешегоре и эта, Троицкая в Вальтеве, тоже клетская: в основе ее четырехстенная клеть (1), поднятая на высокий подклет, словно изба или амбар. Кстати, в нем нередко хранили зерно: «А наличной часовенной ржи... под ча-

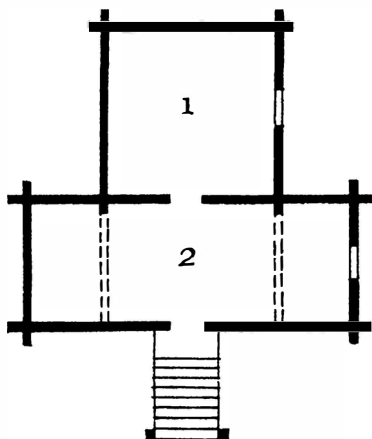

Вальтево. Троицкая часовня. Нач. XVIII в.

совней в онбаре объявилось три меры», — говорит старинная опись. Вытянутые пропорции основного сруба, расширение кверху его стен (повалы) и главка на тонкой и длинной шее отличает часовню от рядовой постройки. Своеобразная выразительность этого интересного сооружения рождается из сопоставления двух объемов: вертикального — молитвенного помещения (1) и горизонтального, невысокого, словно распластанного, прируба (2), висячие концы которого придадут всей часовне легкость и изящество. Портят ее вид остатки обшивки, некогда закрывавшей бревенчатые стены. Этот памятник, как, впрочем, и другие часовни Пинежского района, к сожалению, не взят под охрану, что заставляет серьезно тревожиться за его будущее.

Часовня поставлена рядом с рекой, у самой дороги, к которой и обращено крыльцо, словно приглашающее путника.

Место было выбрано настолько удачно, что идущий

План Троицкой часовни

от Усть-Ежуги еще задолго до самой деревни видит главку, а затем и всю постройку, появляющуюся то за одним, то за другим поворотом дороги. Здесь проходил старинный тракт с Пинеги на Мезень, и Вальтевская часовня как бы означала для проезжающих отдых и ночлег на трудном и долгом пути.

Последняя деревня по Пинеге на этом тракте была Усть-Ежуга. В ней, там, где дорога поворачивала вдоль речки Ежуги в сторону Мезени, еще стоит Никольская часовня с открытой высокой лестницей, а рядом — колокольный столб с навесом вроде тех, что изображены в альбоме Мейерберга, австрийского дипломата, путешествовавшего по Московии в XVII веке. Столб в Усть-Ежуге похож на крест, к перекладине которого прикреплялись два небольших колокола. За деревней по склону, тесно прижавшись друг к другу, выстроился десяток замшелых амбаров, стоящих тут не на ножках, а прямо на земле.

*Усть-Ежуга. Никольская часовня. Нач. XVIII в.
Рисунок Н. А. Шабунина.
1907 г. Институт этнографии АН СССР*

Будучи в Усть-Ежуге, нельзя не вспомнить, что здесь в 1843 году родилась Мария Дмитриевна Кривополенова, известная пинежская сказительница, каких немало было в этих краях, краях славных не только народным зодчеством, но и дивным, образным народным словом, которым как песней заслушивается всякий попавший сюда впервые.

По тракту, сквозь снежные вьюги, медленно тянулись обозы «мезенцов» и «пинежан», многие из них, наверное, останавливались в черной избушке, где росла Махонька, как впоследствии любовно называли Кривополенову, и тут в долгие зимние вечера, у теплой печи, под завывание ветра пели песни, рассказывали предания да сказки, был мешалась с небылицей:

Небылица в лицах, небывальщина,
небывальщина, да неслыхальщина,
по поднебесью да сер медведь летит,
он ушками, лапками помахивает,
он черным хвостиком тут поправливает...

Усть-Ежуга. Амбары

Сказки и побывальщины сизмальства слышала Марьюшка от проезжих людей, от деда своего, который в молодости с поморами ходил бить морского зверя, но часто только и делал, что пел старины (былины), а за то, когда делили добычу, давали ему пай наравне с другими. Вот и упомянула Махонька все, что наслушалась, стали ее еще молодкой звать в разные деревни, где пела она на свадьбах и канунах. А. Д. Григорьев, побывавший на Пинеге в 1901 году, отмечал, что поэт Кривополенова «истово», с быстрым распевом стихов. И не удивительно, что слышали о ней в округе верст на пятьдесят.

В 1915 году О. Э. Озаровская, актриса и фольклористка, встретила Кривополенову, ходившую по миру, увезла ее в Москву, и там пинежская бабушка поразила публику, которой открылась сказочная красота подлинной народной песни. Второй раз Кривополенова побывала в «первопрестольной» по приглашению А. В. Луна-

М. Д. Кривополенова. Гравюра на дереве П. Я. Павлинова. 1916 г.

чарского в 1921 году, и снова были очарованы москвичи «вещей старушкой», которая, ничуть не смущаясь зала, пела старины про богатырей, про несчастного «добра молодца», про Москву белокаменну, про скоморохов — древнерусских лицедеев. Последнее особенно примечательно. По преданию на Пинегу в XVII веке переселились многие «веселые люди», так как власти изгоняли их из городов за «бесовские» игры, пляски и песни. В былинах «Вавило и скоморохи», которая известна в записи только от Кривополеновой, скоморохи, играя на своих гудках, совершают чудеса, побеждают «Йнишное царство» и ставят царем крестьянина Вавилу...

По решению Советского правительства Кривополеновой была назначена академическая пенсия. После Москвы «государственная бабушка», как называл ее А. В. Луначарский, выступала в Петрограде, Твери и других городах Советской России; но все-таки вся ее жизнь прошла на Пинеге: в Усть-Ёжуге родилась, в Шотогорке

началось нерадостное замужество, в Великом Дворе услышала ее впервые Озаровская, а в Веегорах в 1924 году умерла и похоронена на Чакольском кладбище.

Нельзя представить Пинегу, да и всю культуру русского Севера, без того, чем прославилась М. Д. Кривополенова. Все эти старины, скоморошины, свадебные, величальные, святочные, колыбельные, сопровождавшие крестьянина на протяжении целой его жизни, составляют золотой фонд народной поэзии.

В пятнадцати километрах ниже поселка Пинега на вершине горы — самом высоком месте по всей реке расположен бывший Красногорский монастырь, игравший в XVII—XIX веках немалую роль в жизни края.

Основан он в 1604 году священником соседнего Юрольского прихода Мироном, который принес из Кеврольской церкви почитаемую икону Владимирской божьей матери и водрузил ее на горе, называемой Черной: «место горнее, от людей удаленное, черными лесами окруженное». Два года он с помощниками расчищал округу от леса, постригся в монахи под именем Макария и бил челом царю, прося разрешение на основание монастыря. Василий Шуйский ответил: «есть место годно к монастырскому строению... на Пинеге реке близ Волока Пинегского в диком лесу, словес Черная Гора... да будет так, как нам поп Макарий бил челом...»

В 1607 году «искусный в церковном строении плотник Яков» среди леса срубил первый деревянный храм и вокруг него несколько келий. Рядом повесили колокола на двух столбах. До 1629 года пока ярославский купец Егор Лыткин не пожертвовал в монастырь Грузинскую икону божьей матери, а вместе с ней немалую сумму на строительство, обитель влачила жалкое существование. Вскоре же на Черной Горе возводится новая церковь. Тип ее — шатер на крещатой бочке, столь распространенный в этих краях, точно оговорен в письме купца к игумену Макарию: «...среди кровли церковной сделать четыре бочки со всех сторон... и с тех бочек вывести шея, маковица и крест опаять железом белым... шатров не делать, ради того, что высокие церкви молнией пожигает... Место вам под нову церковь избрать покрепче и попространнее...» Рядом — шатровая колокольня с «боевыми часами» на ней, и еще одна церковь, у которой «верх рублен клинчатой», иначе говоря, клетская. Вскоре срубили и монастырскую ограду «тыном стоячим», то есть из вертикально поставленных один к одно-

*Красногорский монастырь
в XIX в. Литография*

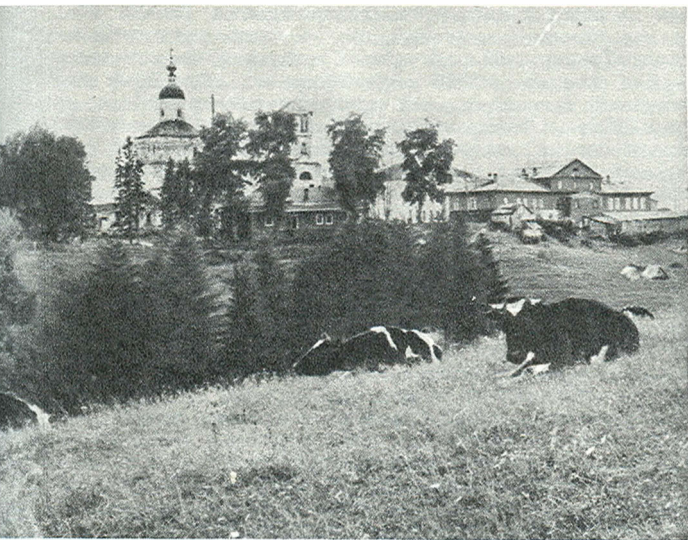
му бревен с заостренными верхними концами. В XIX веке ее заменили каменной.

На горе монахи и трудники — крестьяне, добровольно год или два работавшие в монастыре, — расчищают луга, пашни. Лес отступает, возводятся новые дворы, мельницы. Все чаще монастырскую гору называют не Черной, а Красной — красивой. И действительно, место это исключительное — отсюда открывается величественная, захватывающая дух панорама. Под самым монастырем, на склонах — луга, врезающиеся в густой лес, далеко внизу серебрится река, то вступающая в высокие лесистые берега, то разливающаяся по широким наволокам. На самом горизонте, где Пинега делает крутой поворот, чуть заметно село Сояла, когда-то известное своей шатровой церковью. Поближе, на том же левом берегу, Юрола — одно из древнейших поселений в этих местах. В хорошую погоду можно увидеть Вонгу, находящуюся напротив поселка Пинеги. Дали вокруг открываются необо-

Красногорский монастырь

зримые. Справедливо писал в XVII веке один иностранный путешественник о местоположении наших городов и деревень: «Кажется, что... нарочно выбирали место, с которого виды были сколько можно лучше».

Во второй половине XVII века монастырь разбогател. Царь Алексей Михайлович разрешил «на большое море окиян... посылать на дву кочах для рыбного и звериного промыслу... наемных людей». Монастырские суда стали доходить даже до Новой Земли, там промышляли белых медведей и песцов. Монастырь построил свои подворья в Холмогорах, Архангельске, Пустозерском остроге. Семга, сига, икра прямо оттуда посылались к царскому столу. В ответ шли новые льготы. Лучшие пахотные земли и сенокосные угодья на много верст вокруг были захвачены монастырем. Понятно, что окрестные крестьяне из-за множества притеснений часто нападают на него, «чинят всякую смуту и мятеж», — жалуется настоятель.

В обители жизнь была отнюдь не аскетическая, да иначе бы и не потребовался указ холмогорского архиепископа Афанасия: «А вина себе в монастырь отнюдь... не покупать и... нигде не держать... и смотреть накрепко, чтобы... никто не пил и не бражничал... а женску полу в келии... не пущать... и на скотском дворе... держать пожилых вдов в совершенных летах».

Большую известность монастырь приобрел и оттого, что его часто навещал сосланный в эти края князь Василий Голицын, бывший начальник посольского приказа, приближенный царицы Софии, один из образованнейших людей России конца XVII века. Здесь же по завещанию он и был похоронен в 1714 году. Могильная плита до наших дней не сохранилась.

В 1716 году после пожара деревянной церкви возникает мысль о каменном храме, но понадобилось специальное разрешение Петра I, так как по его указу в связи со строительством Петербурга было запрещено по

всей империи возводить каменные здания. Спасло дело то, что строительный материал уже находился в монастыре. Трехпридельный собор Грузинской божьей матери был освящен в 1735 году. Облик его характерен для каменной провинциальной архитектуры первой половины XVIII века, когда новое, связанное с петровскими преобразованиями, затейливо переплеталось со старым, традиционным. Храм повторяет композицию ярусных деревянных церквей: на четверике два восьмерика. Здание, построенное из крупного кирпича с забутовкой, украшено карнизами, поясами и пилястрами, слабо выступающими из плоскости стен. Мастер робко, словно с опаской осваивает новую для него ордерную систему. Зато окна с перспективными проемами и наличники, некоторые из них завершаются кокошниками — характерный мотив XVII века, — выполнены куда более уверенно. Внутри собор, вероятно, напоминал зал и производил внушительное впечатление: своды не имеют столбов, и потому пространство оказывается цельным, нерасчлененным.

В одном комплексе с главным храмом и на одной оси с ним возвели просторную трапезную, а над нею деревянную колокольню, замененную в 1802—1807 годах каменной — самым высоким сооружением монастыря.

Теперь собор находится в аварийном состоянии, он продолжает разрушаться, как, впрочем, и другие постройки. Исчезла ограда, несколько лет назад снесены главные Святые ворота, территория застраивается хаотично, разрушается целостность ансамбля. Мне могут возразить: стоит ли беспокоиться — здесь нет шедевров. Но достаточно спуститься вниз, к реке и оглянуться, чтобы понять, как оживает суровый пейзаж благодаря архитектуре. Белые здания собора и настоятельского корпуса, вырастающие на фоне темной зелени лесов, хорошо видны плывущим по Пинеге за многие километры. Монастырь не только своего рода маяк, он и памятник тем, кто осваивал этот некогда дикий край. Красная Гора достойна того, чтобы отсюда уже иными, туристскими средствами началось новое освоение Пинежья.

Внизу, у самой воды — деревня Малетино. Когда-то в ней была монастырская пристань и подворье, окруженное такой же деревянной стеной, что и сам монастырь. На берегу еще можно увидеть уголок старого поселения: тесно прижались друг к другу баньки, топящиеся по-черному; около них покосилась бетряная мельница и возвышается деревянный крест, каких некогда много стояло по северным рекам.

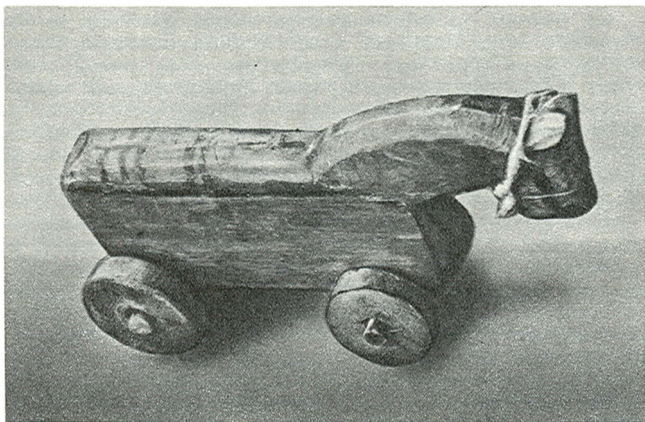
До начала XVII века все Заволочье входило в состав Двинского уезда, а с 1614 года Пинегой стало управлять Кеврольское воеводство. Уже говорилось, что в 1784 году, после открытия Архангельской губернии, административный центр был перенесен ближе к губернскому городу — в Волок Пинежский, ставший по указу Екатерины II именоваться городом Пинегой (ныне поселок). В его гербе на золотом фоне щита изображены два рябчика. И это недаром.

Посмотрим, чем славилась Пинега в те времена. Несмотря на огромную площадь Пинежского бассейна и сравнительно малую его заселенность (в середине XIX века во всем уезде насчитывалось около 20 тысяч человек), земли, удобной для земледелия и жилья, было мало. «Месторасположение округи сей лесистое, болотистое, наполненное реками и ручьями», — говорится в старинном описании уезда. Посевы расширять можно было только за счет лесных расчисток, а это дело трудоемкое. Поэтому хлеба своего на год не хватало, да нередко ранние морозы губили весь урожай: «от окіяна моря хлеб от морозов позябает», — сказано в одной грамоте. Чтобы прокормиться, крестьяне держали скот — лошадей, коров, овец. Однако и тут свои трудности: вблизи селений земля занята пашнями, а сенокосные угодья располагались по берегам Пинеги и ее притоков, часто за десятки верст от своей деревни.

Поэтому важными средствами к существованию были охота, рыбная ловля, отхожие промыслы. Пинежане издавна были известны как отличные охотники и землепроходцы. Еще в 1600 году Борис Годунов пожаловал «...всех промышленных людей пенежан... и мезенцов... в Мунгазю морем и Обью рекой на Таз... и на Енисей им ходити и... торговати велели повольно».

Уже в начале XVIII века пинежские мужики пешком ходили на строительство Петербурга. Как же тяжел был тогда многодневный путь через леса, болота, редкие деревни и городки до самой столицы! Многие пинежане так были искусны в строительном деле, что становились вскоре артельщиками. Еще и сегодня коренные пинежане гордятся, что труд их прадедов вложен в создание великого города.

В конце XIX — начале XX века капитализм проникает и на Пинегу. Сотни крестьян нанимаются к лесопромышленникам Крыкаловым. Получалось, что работой был занят круглый год: весной — пахота и сев, затем сплав леса по весенней воде, летом — озимая пахота

Детская игрушка-конь. Пинежский краеведческий музей

и посев ржи, после этого наступает сенокосная пора, потом уборка хлебов, а осенью — охота, зимой — рубка и вывозка леса.

Свои товары пинежане привозили на ярмарки, которые с XVI века устраивались в Волоке Пинежском. Самая знаменитая ярмарка — Никольская. В декабрьские дни сюда собиралось множество народа. Повсюду стоял шум, говор, разноголосица, подходили длинные обозы — на оленях привозили рыбу с Печоры и Мезени. За ней, за «мягкой рухлядью» — шкурками белок, лисиц, куниц и особенно соболей, за рябчиками, ставшими в XVIII веке символом края, и другой дичью специально приезжали холмогорские и московские купцы. Тут же крестьяне запасались многим, что было необходимо в хозяйстве. С ярмарки по всей реке расходились изделия кузнецов Вонги и Цимолы, бочаров Чушелы, кожевников Юролы. Торговля бойко шла прямо с возов или в лавках, которых здесь насчитывалось более шести-

десяти. Люди Красногорского монастыря торговали из своих амбаров хлебом и звериным салом.

Отшумит ярмарка, и городок, более походивший на деревню, снова затихает. До наших дней сохранилась в нем планировка, «высочайше» утвержденная в конце XVIII века: вдоль реки по обрывистому берегу вытянулись четыре длинные улицы, пересеченные рядом коротких, по концам городка — две деревни: Великий Двор и Мурга. В центре в прошлом возвышались каменный собор XVIII века и деревянная церковь.

История города и края в XIX—XX веках достаточно полно представлена в Пинежском краеведческом музее, организованном несколько лет назад краеведом В. И. Стирмановым. Здесь можно увидеть многие предметы, окружавшие крестьянина в его повседневном быту, — от деревянной игрушки, изображающей коня, до сохи и бороны, от будничной и праздничной одежды, какую еще недавно носили все женщины, до ткацкого стана.

Особенно подробно показана в музее история края с середины XIX века. Это время, когда на Пинегу царское правительство начинает ссылать многих борцов против самодержавия. В 1888—1890 годах вместе с организатором Морозовской стачки в Орехово-Зуеве, известным рабочим-революционером П. А. Моисеенко здесь отбывает ссылку студент А. Попов — будущий писатель А. Серафимович, написавший в Пинеге свои первые рассказы. Жизнь в маленьком уездном городке помогла ему передать атмосферу русской провинции, которая отличалась косностью, невежеством, но в то же время и своеобразной поэтичностью: «Сумерки тихо надвигались на дома, на церковь, на реку, на дальний лес... На единственной улице городка, криво протянувшейся вдоль реки, почти никого не было. Изредка только пройдет лошадь... либо запоздавший мещанин не спеша пробирается по деревянному тротуару...

...Кругом висела темная ночь... Где-то наверху тихонько ползли тучи, в береговых обрывах шелестел ветер, и неясный шепот доносился оттуда... И среди ночного безмолвия, полная тоски и безысходной грусти, тихо задрожала песня, точно слезинка на реснице. И примолкла темная ночка, точно и ей чудилось, что в этой странной песне что-то неисходное билось, трепетало и рвалось на простор».

Позже, в 1910—1911 годах на Пинегу сослали А. Грина (А. С. Гриневского) — человека, имя которого

у нас прочно связано с югом. Мы мало знаем об этом времени в жизни писателя-романтика, но известно, что архангельский период он считал одной из интереснейших страниц своей биографии.

В Пинеге жили в ссылке В. В. Володарский, К. Е. Ворошилов, С. Я. Аллилуев и другие революционеры. После первой русской революции 1905—1907 годов число ссыльных здесь выросло до 850 человек. В 1907 году они даже сумели организовать выступление против призыва купцов.

Много музейных экспонатов рассказывают о борьбе с белогвардейцами и интервентами на Пинеге в 1918—1920 годах. Многочисленные альбомы знакомят посетителя с природой, постройками, бытом и современной жизнью Пинежья.

2. Кулой

...Немалая река из лесов выходящая, называемая Кулой, течет на Север и втекает в Белое море. ...Места по всей реке лесами весьма изобильны.

*К. Молчанов. Описание
Архангельской губернии,
1813 год.*

Несколько выше поселка по правому берегу Пинеги расстилается широкая низменность. В этом месте к Пинеге ближе всего подходит Кулой. В 1928 году обе реки соединили шестикиллометровым каналом, в последние годы сильно обмелевшим. Весной все это пространство заливается водой так, что в прошлом, еще до постройки канала, небольшие суда с грузом свободно переходили с Пинеги на Кулой.

Одни ученые предполагают, что в доисторические времена Пинега по кулойскому руслу впадала в Белое море, а ее нынешнее нижнее течение было всего лишь недлинным притоком Северной Двины. Другие доказывают, что во время второго наступления ледника устье Пинеги было перегорожено льдом и река рванулась к океану через Кулой, а после отхода ледника реки снова потекли по-старому.

Нередко бывает, что научная гипотеза живет рядом с легендой. Так и тут. Существует предание о том, как рассердилась Двина на игривую, шаловливую, всегда мутившую воду Пинегу. Рассердилась и отгородилась от нее валом. Пинеге делать нечего, бросилась она к хмурому Кулою и покорила его своей веселостью. Темные воды Кулоя посветлели, заиграла в них рыба... Но стало Пинеге холодно, каждый год весной гневалась она на Кулой. Не стал он слушать укоров ветреной реки и решил навсегда остаться с сестрой Мезенью. Тогда намыл он песок и отгородился от Пинеги. Заплакала она с досады, и слезы из глаз ее стали камешками на дне.

Пришлось покаяться перед Двиной. Начала Пинега опять к ней пробиваться, озер множество сделала по пути. Приняла Двина гулёну снова. Присмирела теперь Пинега, стала тихой и мелководной. А Кулой после борьбы с соседкой переменялся: петляет, омутами крутит. Обрадовались ели и лиственницы по его берегам, что ушла Пинега. Окрепли, выросли. Сюда и звери набежали, птицы прилетели, остались тут жить...¹

Вероятно, в районе нынешнего канала и переволакивали новгородцы, а затем московские промысловые люди свои ушкуи и кочи из одной реки в другую, отсюда и пошло старинное название селения — Волок Пинежский.

И нам с Пинеги на Мезень удобнее и интереснее падать именно по Кулою — древнему новгородскому пути в глубь Заволочья. Река эта извилистая, неширокая, но глубокая, а потому судоходная, с необжитыми берегами, густо поросшими лесом. На всем протяжении ее (около двухсот семидесяти километров) встречаются только три селения. Первое — в тридцати пяти километрах от поселка в том месте, где Кулой делает затейливые повороты, напоминающие букву Z, и называется оно по имени реки. Это старинное село, бывшее в прошлом посадом.

Почерневшие двухэтажные дома мерной чередой вытянулись по низкому берегу. Впереди, у самой воды — ряд приземистых банек. Подъезжающих от Пинеги встречает церковь, стоящая в начале села на некотором удалении от домов. Сама по себе она не представляет интереса, но место ее, вероятно, древнее. Сразу за селом — два соединенных протокой небольших озера, у которых еще недавно стояли соляные варницы. В них помещались огромные котлы — чёрны, под которыми разводили огонь и выпаривали, таким образом, из ключевой воды соль. Одна из варниц принадлежала Красногорскому монастырю: «на Кулое за посадом двор монастырской...» Кулойский посад славился на архангельском Севере своими варницами. По зимнему пути соль отсюда возили в Холмогоры, Архангельск и Мезень. Да и вообще село было важным пунктом на пути к Мезени, Печоре и Пустозерскому острогу. Посадские по царскому указу издавна обязывались снаряжать подводы для госу-

¹ Легенда о Кулое и Пинеге рассказана в книжке путевых заметок С. Ключева, А. Куратова и И. Буржинского «По Пинеге и Кулою» (Архангельск, 1959).

Село Долгощелье на Кулое

даревых грузов: «велели им... наших... гонцов, которые погонят с кречаты и с соболами... на Печеру и в Пустозеро... до Мезени... отпущати и под них подводы давати и суды со всею судовою снастью и с проводниками давати...» Известно, что одно время на посаде жил князь В. В. Голицын, переехавший затем в Волок Пинежский.

Сейчас в Кулое почти нет новых домов, и это помогает ему сохранять вид старинного селения. Отплывая, все еще видишь за пожнями большие распластанные избы, а за ними сплошной стеной смыкается лес.

Такой же колорит прошлого сохранило и Карьеполье, уже относящееся к Мезенскому району. Село Малая Нёмнюга, где когда-то была превосходная шатровая церковь XVII века, остается в стороне от нашего пути. Наконец, в сорока километрах от устья третье и последнее село на Кулое — Долгощелье, до середины XVIII века бывшее вотчиной Сийского монастыря. Близость моря тут чувствуется во всем, и прежде всего в приливах,

дважды в сутки поднимающих воду на четыре-пять метров. Когда она спадает, на отмели остаются лежать на боку карбасы, доры и лодки рыбаков. У берегового откоса многочисленные амбары и сарайчики, где сушатся сети и хранятся другие рыболовные снасти. Чтобы набережную не размыло водой, жители укрепили ее деревянными стенками — обрубами. Прибрежная полоса, пожалуй, самое живописное место в селе.

Долгощелье — большое и богатое поморское село, даже в середине XIX века насчитывавшее 80 дворов. Поморы, люди смелые, на своих небольших судах под парусом не только ходили в море на промысел, но и часто возили рыбу на ярмарки в Мезень и Архангельск. Кстати, родом из Долгощелья потомок славных поморов Д. А. Буторин, несколько лет назад вместе с архангельским поэтом М. Скороходовым на «Щелье» прошедший вслед за весной по пути русских землепроходцев от Архангельска до легендарного сибирского города Мангазеи в устье реки Таз около Енисея.

Старые дома Долгощелья теперь почти всюду перестроены, и единственный памятник прошлого — восьмериковая колокольня середины XVIII века (церковь не сохранилась), завершающаяся стройным шатром. Стоит она на берегу, у ручья, делящего село на две части. Ее вертикаль служит архитектурным центром всего селения и хорошим наблюдательным пунктом. Отсюда в обе стороны видно на многие километры, а это так важно, когда в ненастную пору ждут домой с лова рыбаков. Иногда не все они возвращались в родное село, и в память о погибших по берегу ставили высокие поморские кресты, укрепленные в небольшом срубе, заложенном для прочности камнями. Несколько таких крестов еще стоят на окраине села.

Сухопутного пути в Долгощелье нет: вокруг болота. Раньше только водой, а теперь и воздушным транспортом связано оно с райцентром — городом Мезенью.

3. Мезень

Мезенский уезд.. Архангелогородской губернии особенного примечания достоин, как по натуральным своим редкостям, так и по состоянию своих жителей...

*Академик И. Лепехин.
Дневные записки путешествия... в 1772 году.*

Мы на Мезени. У города ширина ее около четырех километров, и хотя до моря еще сорок километров, кажется, что там, за дымкой, и начинается оно, Студеное. Впереди у нас долгий и интересный путь вверх по Мезени мимо сел, венчающих высокие отвесные берега, мимо покосившихся мельниц, немых свидетелей прошлого. Исток этой могучей северной реки — в Коми АССР. Через Лешуконский и Мезенский районы течет она на протяжении почти девяти сот километров в сторону северо-запада, к Белому морю, принимая по пути в среднем течении реку Вашку, а в нижнем Пёзу и Кимжу.

Еще сравнительно недавно Мезень была труднодоступной, таинственной: «Это край обитаемого мира, безграничной тундры, непроходимых болот», — писал один путешественник в прошлом веке. Несколько десятков лет назад добраться до Лешуконского — означало совершить нелегкое путешествие: из Архангельска до Мезени морем, затем вверх рекой. Она и была здесь единственной дорогой. Летом на веслах, зимой по льду, но заносы такие, что много не наездишь. Вот и возникла тут поговорка: «позади — горе, спереди — море, справа и слева — ох да мох, одна надежда — бог».

Древние новгородцы проникли на Мезень так же давно, как и на Пинегу, но обосновываться здесь стали позже. Первым становищем их была Лампожня — село на двадцать километров выше нынешнего города. Здесь новгородцы вели меновой торг с ненцами (самоядью, как называет их летопись). Зимним путем сюда приво-

зили меха и с Печоры. Даже после перехода Господина Великого Новгорода под власть князей московских, ряд «угодий», «починок», «пустошей» все еще оставались за именитыми новгородскими фамилиями. Так, в первой половине XVI века новгородские бояре Окладников, Филатовы и Кузнецовы поселились в устье Мезени. Окладников с сыновьями заручился вскоре грамотой от Ивана Грозного с правом «копить на великого государя слободы и с песков, и рыбных ловищ, и с сокольных и кречатых садбищ давати с году на год великому государю оброки». Здесь и возникла Окладникова слобода. Новгородский боярин стал «копить» земли так, что местное ненецкое население в 1545 году вынуждено было жаловаться царю на многочисленные притеснения. В ответной грамоте Ивана IV излагаются их обиды: «...самоядцы приезжали на Лампожню торговати с русаки, а ставися на Усть-Мезени реки... и ныне на том месте... стала сокольня нова... и им на Лампожню приезжая, становиться негде... и ныне самояди... в тех местах зверя всякого ловити не дают».

Окладникова слобода росла и с начала XVII века знаменитые крещенские ярмарки происходят здесь, а не в Лампожне. Слобода стала торговым и административным центром всей Мезени. Воеводы, со времен новгородских жившие в Усть-Вашке, переселяются сюда вместе с большинством усть-вашских жителей, привлеченных возможностью морских промыслов. Оно и не удивительно: хлеб в низовьях вызревал не каждый год. Главные средства к существованию — охота на морских и пушных зверей, рыбная ловля. В слободе устраивают таможенную избу, где берут государеву пошлину: «...нашу десятую пошлину — лучших соболей, куниц, песцов... давати всея Мезени в Окладникову слободу», — приказывает Борис Годунов. Позднее сюда наезжают кеврольские воеводы, чтобы собирать подати. Царь Алексей Михайлович проведаль, что промышленные люди «к Мезени кость (моржовый клык) привозят самую худую», а лучшую в виде взяток отдают воеводам, и вот он специально наказывает в 1646 году новому воеводе Ивану Чеванину отправиться на Мезень, чтобы «имать в десятинный сбор... кость лучшую... мягкую рухлядь... писати в таможенные книги подлинно и присылати к государю в Москве...» Чуть позже, заботясь о росте нового архангельского порта, царь запрещает иностранным судам приставать в устье Мезени: «...приставать и торговать с немцы русским людем никому не давати, а велеть

итти кораблем к Архангельску городу к карабельной пристану...» Мезень оказывается в стороне от главных торговых путей.

Здесь, «у окояна-моря» в ссылке с 1664 по 1666 год живет протопоп Аввакум — один из виднейших деятелей раскола, автор знаменитого «Жития». В челобитной царю Алексею Михайловичу он объясняет, почему остановился в Мезени, а не отправился дальше, куда ему было предписано — в Пустозерский острог, что на Печоре: «...и как довели меня до Мезени, туту остановили для того, что кеврольцы мезенцам в подводах не помогают... А корму мне твоего, государева, ис казны не идет, терплю всякую нужду...» Жена и дети протопопа так и остались почти на всю жизнь в Окладниковой слободе и были освобождены только спустя тридцать лет по просьбе уже упоминавшегося князя В. В. Голицына, отбывавшего ссылку на соседней Пинеге.

В 1770 году по указу Екатерины II Окладникова, или иначе Большая Слобода и соседняя — Кузнецова объявлены городом Мезенью. Он получает свой герб: красная лисица на серебряном фоне как символ пушного богатства края. Но слободки по-прежнему ничем не напоминают настоящий город. Вдоль реки тянулась одна длинная улица с деревенскими избами по обеим сторонам. В центре Большой Слободы — две деревянные церкви, к сожалению, не сохранившиеся. На этом месте находится теперь городской парк. За городом же, там, где начинается тундра, — в прошлом стояло множество ветряных мельниц.

В начале XVIII века падает значение Архангельска в связи с открытием выхода в Балтийское море. Замирает некогда оживленная жизнь на Севере. Мезень остается одним из самых глухих и забытых уголков царской России, сохранившим вплоть до начала XX века старинный бытовой уклад. Сто лет назад путешественник по Северу С. В. Максимов писал: «Тоскливее этого города... я не встречал во всех своих шестилетних долгих и дальних странствиях по Великороссии». Максиму вторит А. Серафимович, попавший сюда как ссыльный во второй половине 80-х годов прошлого века (из Мезени он вместе с П. А. Моисеенко позже был переведен в Пинегу): здесь «полторы тысячи жителей, одна улица, два переулка и густо и сочно поросшая травой площадь, и весь он — из старого, прогнившего дерева... точно старый проросший, обомшевший черный гриб».

А за городом могучая северная река... По ту сторону реки — угрюмо темнеющие леса без конца и края, без человеческого жилья, лишь холодные болота под низко, сумрачно нависшими мохнатыми ветвями...»

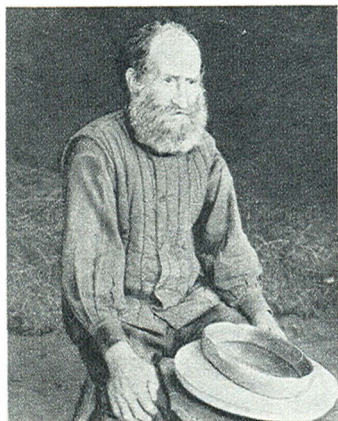
Сегодня — это центр района, равного по площади некоторым европейским государствам. На улицах городка, наряду с коренными мезенцами, все чаще встречаются приезжие люди: участники многочисленных экспедиций, новоселы, лесорубы, приехавшие на Север по вербовке, рабочие лесопильного завода из Каменки — быстрорастущего поселка на левом берегу реки.

Мезень же по-прежнему деревянная, но в ней немало и новых построек, возводятся каменные дома. Почти на берегу, у постепенно отступающей от города реки — аэродром, связывающий Мезень с далекими селениями по океанскому побережью и с «большой землей».

Путь наш начинается с низовьев. Когда-то тут проходили новгородцы, направляясь к далекой Печоре. Мало теперь сохранилось примет древности, но, зная прошлое края, начинаешь особенно пристально и как-то по-новому смотреть вокруг. Вот одно из самых больших и самых старых сел на Мезени — Лампожня, упоминавшаяся в грамоте Ивана Грозного. К сожалению, пожар 1929 года унес большинство старинных построек и в том числе деревянную церковь XVIII века, имевшую два алтарных прируба. Около нее на площади и собирався торговый люд на ярмарки. Бывали здесь даже английские купцы, называвшие это село *Lampas*. Приезжали они до самой Октябрьской революции почти ежегодно за строевым лесом.

Мезенские ярмарки славились, кроме обычной пушнины и красной рыбы, промыслами. Здесь можно было купить лодки, деревянную посуду, дуги и сани, зимнюю одежду из оленьих шкур, которую привозили ненцы — совики и малицы. Даже в старинном описании Мезени отмечалось: «Находятся в разных деревнях кожевники, кузнецы, лодочники, овчинники, которые по ярманкам в уезде бывающим, рукоделия свои продают». По всей реке расхилялась расписная деревянная посуда и утварь Палащеля, медное литье Кимжи, глиняная посуда Тимощеля.

Последняя деревня расположилась всего в трех километрах от Лампожни на самом краю береговой кручи, там, где дух захватывает от эпической шири северной реки. Еще несколько десятков лет назад деревня была

Тимощелье. Мастер гончарного промысла Лучихин

большой — без малого сто дворов. И почти в каждом «рукоделием занимались»: глиняная посуда пользовалась большим спросом. Так знаменито было в округе Тимощелье, что здесь даже известную поговорку по-своему переделали: «Не боги горшки обжигают, а тимощелы». Теперь промысел почти заглох, но еще живы три мастера, хорошо знающие технологию гончарного дела, о котором с увлечением рассказал нам А. Е. Лучихин, продолжающий трудиться, несмотря на свои 80 лет:

— Работали мы зимой. Глину брали по первому морозу на высоких полях, что у деревни. Дома в корытах разомнем ее, с песком смешаем. Сделается она, как тесто, тогда и на круг можно класть, тут-то и начинаешь выделывать, что надо: крынки, латки, чтобы рыбу жарить, чашки — уху хлебать, цветочные горшки или трубы на крышу. После — на палати или в печь — сушить. Как высохнет, посудины смолой обмазываем, потом свинец расплавишь, он как песок становится, им стенки и

Село Кимжа. Одигитриевская церковь. 1763 г.

обсыпая, а еще, бывало, набросаешь тертую медь, из-за нее пестро получается — смотреть любо. Обжигать возили за деревню — там печи были. Вынешь оттуда — стенки у посуды полудой покрыты, гладкие: ничего к ним не пристанет, ничего не запахнет. Возились так, что спины к вечеру не разогнуть: за день целый горшков да латок выйдет штук 15—20, не больше. Наделаешь воз — и по зимнему пути на ярманку: продавать, а весной на парусах в верховья Пёзы ходили.

Керамика Тимощелья, как правило, не украшенная орнаментом, привлекает простыми традиционными формами, некоторой архаичностью, сочетанием зеленоватой поливы и матовых стенок, сохраняющих теплую желтизну мезенской глины. Во всем этом отлично чувствуется и материал, и рука мастера.

Заповедным селом хотелось бы видеть Кимжу, взявшую свое имя от притока Мезени, на котором она и стоит. Кимжа словно укрылась от главной дороги — Мезе-

Шатер и главы Одитриевской церкви

ни. Спряталась, притаилась и в какой-то мере сохранила для нас исчезнувший облик мезенских сел.

Всего тридцать с небольшим километров от города. И о Большой слободе известно немного, а о Кимже и того меньше — несколько скупых строчек церковной летописи. Возникла она, по преданию, в начале XVI века, когда здесь, в двух верстах от устья Кимжи, поселился крестьянин, пришедший с Пинеги. Местные жители называют себя потомками новгородцев. Как же глубока тут историческая память!

В Кимже еще и сегодня поют старинные песни, а столько причитаний, пожалуй, уже не помнят ни в каком другом селении по Мезени. Дух старинного бытового уклада еще живет здесь.

Какими были они, первые переселенцы, пришедшие в эти суровые и необжитые края? Сколько опасностей их ожидало! Не удивительно, что первую церковь в селе они посвятили богородице-путеводительнице — Одитри-

рии. Помощи ни от кого ждать не приходилось, оставалось надеяться только на бога. Но церковь сгорела от молнии, не простояв и ста лет. Новая (строилась она медленно — с 1700 по 1763 год) взяла от старой не только имя, но и форму. Такое не редкость в деревянном зодчестве. Тип Кимженской церкви — шатер на крещатой бочке — на Мезени был распространен так же, как и на Пинеге. Такие церкви стояли в Большой Слободке, в Лампожне, Юrome. Теперь осталась только эта, кимженская.

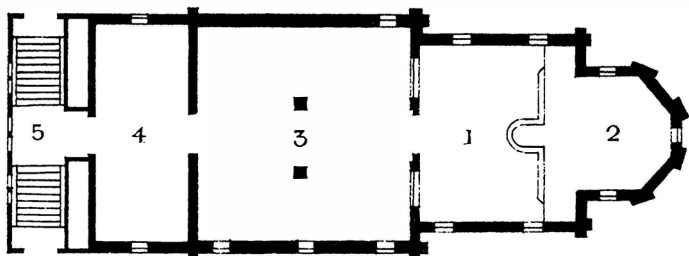
Присмотримся к церкви повнимательнее, она стоит того. Повнимательнее — это значит прийти к ней несколько раз, увидеть при разном освещении, походить вокруг, посмотреть, как стоит. Только не торопиться — тогда все пропало, тогда и ехать сюда не стоило.

Композиция церкви проста. Основное помещение — куб (1), под ним высокий подклет, куда, как рассказывают, свободно въезжал воз. С востока к четверику примыкает алтарный прируб (2), с запада — большая трапезная (3), притвор (4) и крыльцо (5). Чтобы представить, как выглядел храм прежде, надо мысленно снять обшивку, сделанную в 1878 году. Тогда перед нами предстали бы стены, сложенные из огромных лиственничных бревен — самого прочного и долговечного материала на Севере. Небольшие оконца, растесанные в XIX веке, лишь подчеркивали суровость стен. Сруб — четверик завершался уширением — повалом. Открытое двухмаршевое крыльцо «висело» на выпусках бревен.

Колокольни над папертью не было: она появилась вместе с обшивкой. Раньше колокола помещались на «колокольнице о пяти столбах», возведенной одновременно с церковью. Эта редчайшая постройка стояла на месте нынешнего магазина.

Чем достигается впечатление гармонического целого? Обе площадки крыльца, стоящие еще на земле перед лестницами, покрыты двускатной крышей. Та же форма у всего крыльца, а за ним и у притвора с трапезной. Нарастающее уступами движение подхватывается упругими контурами бочек. Еще выше — главками, напоминающими в разрезе ту же форму. Вытянутые шеи маковок и сам шатер мы уже воспринимаем почти как единый объем. И, наконец, движение вверх затухает в центральной главе, снова повторяющей знакомые нам очертания. Еще более стремительным оно кажется со стороны алтарного прируба. Итак, все части тесно связаны друг с другом.

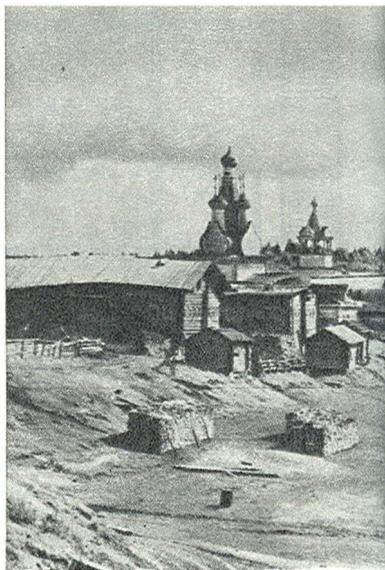

План Одигитриевской церкви. Архангельские областные научно-реставрационные производственные мастерские

Чем объяснить именно такую, а не иную композицию церкви? Искать ответа на этот вопрос надо в том — где и как поставлен храм. Он обращен к реке и одновременно к главной площади села, на которой собирались мирские сходки, в праздники водили хороводы, тут же встречали возвращавшихся охотников и рыбаков или приезжающих с Пинеги, так как в Кимжу выходила зимняя дорога, шедшая отсюда через Малую Немнюгу на Мезень. Вероятно, именно по ней везли зимой в мезенскую ссылку, а затем и возвращали обратно в Москву ненавистного церкви протопопа Аввакума. После бурной полемики на церковном соборе он был расстрижен и в 1667 году сослан в Пустозерск, «место тундряное, студеное и безлесное». В свою последнюю ссылку Аввакум с «соузниками» проследовал по все той же дороге через Мезень. После пятнадцатилетнего сидения в «срубе» и земляной тюрьме Пустозерска опальный протопоп был сожжен 14 апреля 1682 года.

Село Кимжа. Общий вид

Но вернемся к церкви. В трапезной ее нередко устраивались пиры — кануны, то есть трапезы, откуда и название. Таким образом, площадь вокруг церкви, как и сама церковь — средоточие всей общественной жизни села, его исторический и архитектурный центр.

Храм неразрывно связан со всем окружением: отдельные его части располагаются уступами так же, как и порядки домов, один над другим; крыльцо, притвор, трапезная своими пропорциями и кровлями напоминают формы изб, но в то же время вертикальной устремленностью (высота до креста более тридцати семи метров) церковь противостоит горизонтальным линиям берега и растянувшемуся по нему селу. Храм находится примерно посередине площади, так что между ним и окружающими домами — разрыв. Свободное пространство вокруг, в отличие от тесноты рядовой застройки, усиливает впечатление исключительности сооружения, «выходящего из ряда вон», помогает при подходе к церкви увидеть

ее всю, в полный рост. И еще любопытно: церковь поставлена как раз у излучины реки так, что рядки домов, повторяющие изгибы берега, с обеих сторон упираются в церковную площадь. Значит, маковки были видны почти из любой избы. А для всех подплывавших к селу церковь возвышалась впереди, как цель, как маяк.

Ее архитектура, как видим, во многом определялась местом. Перенесенный отсюда памятник многое потерял бы в своей художественной логике. Такой Одигитриевская церковь могла возникнуть только здесь. Если рубили бы ее мезенцы в другом селе, то можно сказать наверняка — даже при повторении того же типа, пропорции ее были бы другие.

Сейчас памятник находится в плачевном состоянии: многие бревна подгнили, крыша течет, разрушается и необычный, редко встречающийся закругленный лемех, напоминающий рыбу чешую. Внутри церкви гуляет

ветер. От убранства интерьера не сохранилось ничего кроме двух могучих столбов в трапезной, скромно украшенных резьбой.

Озадки последнего ряда изб — могучие бревенчатые стены — выходят прямо к ржаному полю, а выше, на холме стоят две ветряные мельницы, первыми встречающие каждого идущего с берега Мезени в Кимжу. Еще недавно на полях их было пятнадцать и они, как стражи, поднимались за селом.

Чтобы лучше почувствовать всю местность, надо выйти за околицу, подняться к опушке леса. Оттуда сверху заметна полоска Мезени и на противоположном ее берегу большое селение — Дорогорское, а в низинке видны только кимженские крыши, и кажется, что там сгрудились, сбились десятки домов, тесным и плотным кольцом окружившие церковь. Так табуном сбиваются кони, когда им угрожает опасность. Наверное, легче переносить невзгоды и трудности, если совсем рядом, в нескольких

Село Кимжа

шагах от тебя соседи, многие из которых еще и свойственники — далекие родственники, но все равно свои, деревенские.

И случайно ли, что именно в Кимже почти до наших дней дожил языческий обычай хоронить умерших рядом с домом или гумном (известно, что древние славяне выкапывали могилу под самым порогом, чтобы дух предков охранял жилище от бед и напастей)? Оттого и кресты возвышаются в разных концах деревни: хоронили и у домов, и там, где просил умерший.

Кстати, о крестах, без которых трудно представить себе мезенскую деревню. Высокие, выветренные, стоят они и за околицей, и среди домов, и по обочинам дорог. Многие накренились, некоторые совсем «пали», как говорят на Севере, а сколько их было порублено во время неразумно проводимой антирелигиозной кампании! Редко такой крест означает могилу, большинство ставлено «по обещанию» — по обету, и называют их потому обет-

*Село Кимжа. Обетный
крест с резным распятием*

ные (или по-местному — оветные). Поставлены они в память о каком-нибудь событии — особенно суровой зимы или весеннего половодья, чуть не погубившего деревню, в память счастливого спасения «от потопления» на реке или от болезни. Это своего рода благодарность богу. Многими деталями, особенно кровлей с концами красного теса, маленьким охлупнем, причелинами и полотенцем-кистью кресты как бы повторяют контуры жилой постройки и благодаря этому включаются в деревенский ансамбль. На некоторых можно увидеть вырезанное распятие. Такой крест, обернутый пелёнами, стоит на берегу Мезени, там, где начинается дорога в Кимжу. Другой — среди высокого чертополоха в нескольких шагах от церкви, на задворках соседнего дома. Кимженский крест — произведение сегодня уникальное. Плоским рельефом лишь намечены контуры фигуры Христа, которую сразу и не заметишь — настолько она сливается с деревянным столбом. Но стоит попасть на него косым

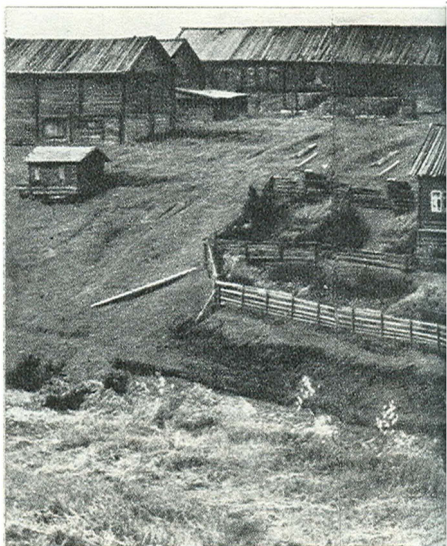

Коновальская бляха кимженского литья. Музей этнографии народов СССР

солнечным лучам, как рельеф оживает и словно выступает из массива дерева. Фигура Христа, стертая временем, кажется бесплотной. Вытянутая, она безжизненно повисает в пространстве. Замыкают композицию декоративные буквы под титлами: «царь славы божий Иисус Христос». Буквицы располагались и на подножии креста, окружая, таким образом, фигуру со всех сторон.

Итак, центр села — церковь. Ее мощному аккорду в разных частях селения и за его пределами как бы вторили маленькие подголоски — пять часовен, теперь не существующие, а также множество могильных и оветных крестов, которые, как и мельницы, окружали Кимжу, словно оберегая ее от злых духов и недобрых людей.

В прошлом о Кимже знала вся Мезень, как о месте, где лили медные колокольцы для скота и почтовых лошадей, крестики, пряжки-схваты, украшения конской сбруи и коновальские бляхи — своего рода цеховые знаки, которые прикрепляли коновалы к сумке с инстру-

Кильце. Общий вид

ментами. В бляхе главное — контур. На ней обычно изображены двое: один ведет под уздцы, а другой подталкивает упирающегося коня. Нередко на коне гордо восседает всадник. Человек и конь — древняя и неизменная тема крестьянского искусства. Литейщики (из них особенно были известны Дерягины) сами вырезали формы, в кузницах лили из покупной меди или переплавляли старые медные вещи. Кто занес литейный промысел в эти края? Вопрос, на который сегодня уже вряд ли возможно ответить: последний мастер умер несколько лет назад. Наверное, принесли его на берега Мезени старообрядцы из известного на весь Север «общежительства» — с Выга, что в Карелии. Там же — и это известно доподлинно — отлично было поставлено литье медных иконок, складней, распятий. Связи же между старообрядческими поселениями поддерживались всегда постоянные. А в Кимже в прошлом жило немало старообрядцев...

Уходя от села, мы, оборачиваясь, еще долго видим церковь. Она словно не отпускает от себя, и хотя впереди еще немало интересного, но такого нам больше не увидеть. Здесь сохранился ансамбль, здесь становится особенно понятным, как некогда стояли мезенские деревни, как все в них неразрывно связывалось друг с другом — река, ее изгиб, берег с вытянутыми по нему порядками домов, церковь и свободная площадь между нею и рекой, стройные мельницы за околицей... Селение мыслилось единым целым, и кажется, что оно спланировано одним человеком. Новое поколение лишь дополняло, дорисовывало картину. Так проявлялась и народная мудрость, и поразительное художественное чутье. Этого единства настойчиво ищут современные архитекторы. Им есть чему поучиться у народных мастеров.

В Кильцу можно попасть по дороге, идущей десять километров болотистыми пожнями. В прошлом в деревне было несколько старообрядческих молелен.

С конца XVII века на далекие окраины России, в северные леса, спасаясь от гонений, бежали раскольники. Они приносили с собой старые рукописные книги, иконы. В раскольничьей среде, ревниво охранявшей «древнее благочестие», особенно долго жили традиции допетровской Руси. Может быть, именно старообрядчество, отличавшееся особенным консерватизмом, — одна из причин того, что Кимжа и Кильце в своем облике больше других сохранили старину.

Почти каждая деревня имела свой промысел. И Кильце тоже. По изабам в осеннее да зимнее время только стук и стоял. Сани сколачивали, бочки для рыбы вязали (рячкали — говорят кильчане), карбасы шили — на море ходить.

Отделенная от Мезени длинным луговым островом, деревня в то же время хорошо видна с реки, потому что расположилась на высоком коренном берегу, покрытом как ковром зеленью травы. Три порядка темно-серых шестистенных домов-великанов. Почти нет среди них обшитых (а такие уже появляются в Кимже), обшивка, естественно, скрывает красоту сруба. «От древних деревянных срубов веет несокрушимой мощью. Когда смотришь на эти строения, возникает образ мужественного русского крестьянина, который с топором в руках пробивался сквозь чащу леса, возводил города и села, обводил их тыном, строил прочно, работал дружно, неутомимо».¹

На первый взгляд кажется странным, что Кильце «отвернулась» от реки: дома к Мезени стоят озадками, а «глазами» смотрят прямо в поля. Там — юг, а значит и солнце. Потому, наверное, большинство мезенских деревень расположено на правом, а не левом берегу: окна домов выходят одновременно и к реке, и на солнечную сторону.

Все постройки первого порядка в Кильце «передками» обращены к проходящей по деревне дороге, и к ней же несколько непривычно повернуты и широкие взвозы, по которым лошадь поднимается на площадку — мост, а уж оттуда поворачивает в поветные ворота. На перилах взвоза обычно сушатся снопы или веники. Под мостом в ненастную погоду прячутся овцы. На задворках каждого дома, у самого склона — черные баньки. В не-

¹ М. В. Алпатов. Всеобщая история искусств, т. 3. М., 1955, стр. 352.

*Кильце. Обетный крест.
1907 г.*

которых местах они пристроились на круче уступами — одна над другой. Приземистые, прокопченные, они кажутся игрушечными рядом с могучими домами. Поставлены же они так не случайно: под горой из поля берут воду для мытья.

Деревенская баня почти не изменилась с давних времен. Это тесная клеть с предбанником, в который ведет низкая дзерь. Бывают случаи, когда предбанник заменяет всего лишь навес. В бayne, как здесь говорят, в углу — каменка — полукруглый свод, на который наложена груда камней. В нее вделан котел для горячей воды. Вдоль стен — скамьи. Есть полók, чтобы можно было забраться повыше, где жарче всего, и там попариться вволю. Почти все бани топятя по-черному: дым поднимается под потолок, быстро выходит через дверь, деревянную трубу — дымник и узкое волоковое оконце. В исправной бане запах дыма почти не чувствуется, зато воздух долго остается горячим и сухим. Стены в такой

бане чистые, прокопчен только потолок и два-три верхних венца.

Бани, или иначе мыльни, на Руси были распространены испокон веков. Еще Несторовская летопись красочно рассказывала о них: «...бани древяны, и пережгут их вельми... и оболются... и возьмут ветвие младое, и начнут бити и того добьют [что], егда вылезут живы сущи, и облиются водью студеною, тако оживут и то творят по всел дни...»

Даже свадебный обряд непременно включал в себя баню, где перед венцом мылась невеста. По дороге туда она обращалась к своему брату с такими словами:

Уж ты сизый да голубочек,
Уж ты ясный да соколочек.
Уж истопи мне жарку-парну баенку,
Уж и без дыму без горького,
Уж и без чада да без черного —
Смыть тоску да кручинушку,
Сполоскать слезы горячие.

Подруги, отводя невесту в баню, словно отвечали ей:

...У нас теплая паруша,¹
Тихонечко топилася,
Чтобы с дымом не мутилася.
У нас баня-то новая,
Предбанье тесовое...
У нас каменка жемчужная...

Будучи в Кильце, нельзя не обратить внимание и на кресты. Столько оветных крестов, пожалуй, не увидеть теперь ни в одной мезенской деревне. Два стоят по краю угора и потому хорошо заметны даже издали. Их силуэты отчетливо рисуются на фоне неба. Один из них — 1907 года встречает всякого, кто поднимается по дороге от реки в среднюю часть деревни. Столб креста со всех четырех сторон покрыт, как узором, вязью. Это текст молитвы. На пути в соседнюю деревушку Печище среди ровного поля возвышается огромный, почти в четыре человеческих роста крест, которому скоро будет сто лет. Резан он «1874 года июня 13 дня», ставлен, чтобы уберечь посевы, как верили крестьяне, и дожил он до наших дней как память о трудной борьбе человека с неуступчивой северной природой.

Мезенские деревни словно переговариваются друг с другом, стоя на разных берегах: из Кимжи видишь Дорогорское, из Кильцы и Печища — Козьмогородское. В последнем селении у откоса стояла деревянная цер-

¹ Паруша — баня.

**Козьмогородское. Церковь
1678 г. Рисунок Н. А. Ша-
бунина. 1907 г. Институт
этнографии АН СССР**

ковь конца XVII века. Ее уже давно нет, но, к счастью, сохранился рисунок, сделанный в 1907 году Н. А. Шабуниним, петербургским художником, во время его поездки на свою родину — Юрому, о которой речь еще пойдет впереди. Эта церковь была бы не так уж удивительна, если бы не ее завершение: на четверике восьмерик, а на нем... и не шатер, и не главка, а нечто среднее, скорее все же приземистый и пузатый шатрик. Верно, с трудом и неохотой подчинялись мезенские плотники новым требованиям, все норовили срубить привычный глазу шатер. Новые архитектурные формы внедрялись не сразу, порождая попутно любопытные, но широко не утвердившиеся решения.

А место, где стояла церковь, как рассказывают старики, недаром Городком называется: было тут будто укрепление чуди, а потом новгородцы обосновались и главным среди них был боярин Козьма, по имени которого и стало называться село — Козьмин Городок.

*Нижний Березник. Обет-
ный крест с распятием*

На первый взгляд деревни кажутся похожими одна на другую, особенно если смотришь на них с теплохода. Но когда приглядишься да поживешь в каждой хотя бы немного, то обязательно увидишь что-то свое, особенное. Так и Нижний Березник можно пройти или проехать, не обратив на него внимания: деревня как деревня, разве что один окол ее стоит необычно — на низком берегу. Самое же примечательное здесь и вправду не в деревне. Перейдя ручей, надо пойти за околицу, в поля. И там под двускатным навесом-часовенкой на четырех столбах — крест, расписанный каким-то местным мастером. Лик Христа прорисован удивительно тонко, одной непрерывной линией очерчены бровь и нос. На лице ни тени страдания, в прикрытых веках, в мягком наклоне головы — спокойствие, умиротворенность. Будто бы человек только что заснул. Но всей фигуры не видно: столб креста плотно завернут пеленами, которые еще приносят сюда немногочисленные верующие. Нередко

здесь можно найти даже хлеб. Все эти дары — подтверждения просьб или знаки обета, благодарности, не есть ли еще один отголосок дохристианских времен?

Верхняя часть креста находится под самой крышей и потому освещена только ранним утром, на восходе. Издали хорошо виден покосившийся столб и он, стоя вот так, на опушке леса, особенно напоминает языческого идола. «Боги ваши древо есть», — говорили христиане язычникам. И не случайно еще по уставу киевского князя Владимира было запрещено молиться «в рощенье». В 1534 году владыка новгородский архиепископ Макарий уведомлял великого князя о том, что в землях Новгородских на огромных лесных пространствах существуют «скверные мольбища идольские... суть же... их — лес, и камень, и реки, и блата...». Потому архиепископ специально снарядил в эти края инока для истребления «кумирской прелести». Надо отметить, что язычество у ненцев — соседей русского населения по Мезени — дожило до XIX века. Есть подробные рассказы о том, что в двадцати верстах от Большой Слободы находилась их священная роща, в которой вокруг березы стояли 20 толстых столбов с завершениями в виде человеческих голов, а рядом на деревьях висели многочисленные приношения — звериные шкуры, пуговицы, олени рога. Еще раньше о самоедских деревянных «болванах наподобие человека», стоящих в лесах и украшенных разноцветными лоскутами сукна, писал известный путешественник XVIII века И. Лепехин.

Как уже говорилось, общение русского и ненецкого населения в этих краях было постоянное, и религия последних не могла не оказывать своего влияния. На Мезени особенно долго жили также и обычаи глубокой славянской древности: катание с гор на масляной неделе, на святки — ряженые, весной девки и парни качались на качелях, в июне, в день Ивана Предтечи, топили бани, вязали для них веники с травой-купальницей, а затем, выходя оттуда, бросали их в воду, загадывая желанное, вскоре провожали лето играми и хороводами на полях, на просторных луговинах.

Так православные праздники «подстраивались» под языческие, а моление Христу нередко напоминало культ Перуна или Ярилы. И хотя они давно забыты, неприметная часовенка в полях за Березником заставляет вспомнить о поэтическом обожествлении славянами неведомых и грозных сил природы, от которых зависела вся их жизнь.

*Погорельское. Ветряные
мельницы на берегу Мезе-
ни*

Непременная часть мезенского пейзажа — мельницы. Еще сегодня около села Погорельского возвышаются на открытом берегу три ветрянки, сооруженные около ста лет назад. Некогда мельницы окружали всю деревню. Темные, покосившиеся от времени, все еще поражают своей силой эти безмолвные свидетели прошлого.

Здесь распространен только один тип мельниц — столбовки. Дано такое название потому, что основой их является врытый в землю столб, окруженный мощным бревенчатым ряжем — срубом, сужающимся кверху. Ряжевая рубка оставляла открытыми промежутки между бревнами. Это мешало быстрому гниению и придавало дополнительную устойчивость всему сооружению, которое должно было отличаться особой прочностью. На Мезени часто дуют порывистые северные ветры, а мельницы как раз ставились на высоких и открытых местах.

На подставе — ряже вращался мельничный амбар, рубленный «в лапу» из затесанных брусьев. Внутри не-

Ветряные мельницы-столбовки на плане Архангельска кон. XVII в.

го — каменные жернова, через привод связанные с ветряным валом. Сколоченные из широких тесин крылья вращались под напором ветра. Изменилось направление — нужно вслед за ним с помощью длинного бревна — воротила передвинуть амбар. А когда мельница не работает, наоборот, необходимо отвернуть ее от ветра, иначе могут обломаться крылья. Потому иногда хозяева ходили к своим ветрянкам по два-три раза на день. Но хлопоты стоили того: за сутки хорошая мельница могла размолоть до 400 пудов зерна. На старинном плане Архангельска конца XVII века, за городом, на лугу, «по мху» изображены точно такие же мельницы. На нем показано, как воротило, укрепленное между скрещенными бревнами, удерживает мельничный амбар в определенном положении.

Как будто бы одинаковы мельницы в Кимже и Погорельском. Но это кажется только на первый, поверхностный взгляд. Погорельские — очень высокие, стройные, на

могучих ряжах встали посередине поля, словно древние воины с копьями в дозоре. Кимженские же утратили эту стройность: мельничный амбар здесь непропорционально велик, а ряжи низки, кажутся придавленными. В целом мельницы выглядят приземистее. Объяснение тому не хитрое: последние построены в начале нашего века. К этому времени все реже встречается тот удивительный вкус, который поражает нас в народном зодчестве.

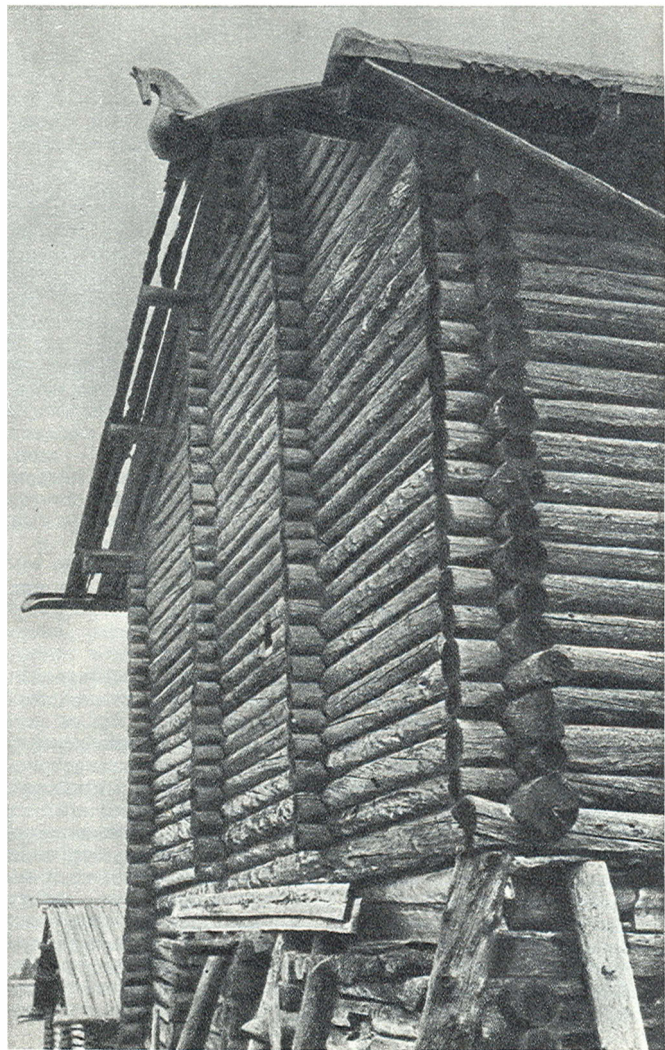
В самом селе сохранилась сложенная из «листвы» изба волостного правления, ныне переделанная под клуб. Неподалеку, в том же околке Волость нельзя пройти мимо высокого дома П. С. Водыниной, ставленного в 1898 году. В этом пятистенке заметны городские влияния. Фронтон обшит досками, его украшает широкое «тальянское» окно с полукруглым завершением. Небольшое крылечко с резными столбиками похоже на навесы, что бывает в городах над парадными входами (лестница, по которой поднимаются к жилью, помещается внутри дома, в се-

*Погорельское. Дворовая
часть дома П. С. Воды-
ниной. 1898 г.*

нях). И все же самое примечательное в этом доме его дворовая часть: глухой, кажущийся монолитным сруб, укрепленный двумя вертикальными рядами перерубов, напоминает стены крепостных сооружений. Завершается он коньком с изящно изогнутой шейей. Любопытна и конструкция нижнего этажа. Здесь сруб держится на стойках — столбах, позволяющих, не затрагивая его, заменять быстрогниющие венцы скотных хлевов.

По всей Мезени нигде не было такого количества мельниц, как в Азаполье: их тут насчитывалось 18. Село занимает мыс на левом берегу: в одну и в другую сторону видно на многие километры. Северные жители умели и выбирать места для жизни, и оценить по достоинству удачно и красиво стоящее селение. Вот как об этом поется в одной из мезенских свадебных песен:

Да пошла река быстрая
Да что под славно наше Азаполье.
Да еще наше славно Азаполье

Да на горы стоит высокою,
 Да на красы стоит великою,
 Да на восходе красна солнышка,
 Да на закате светла месяца,
 Да на воздувье-то ветра буйного...

У самого берега сторожили село две небольшие церковки, окруженные рощей. Но от старых построек Азаполя сегодня осталось не так уж много: несколько десятков лет назад почти все они сгорели во время пожара.

Самое примечательное теперь — за селом. Там поля, и на них по трем увалам, чтобы повыше было, чтобы ветер брал со всех сторон, располагались ветрянки. С реки казалось, что три ряда сливаются в один. Это был настоящий парад мельниц, которые, как представлялось с проплывающей лодки, медленно двигались в торжественном шествии. Теперь их осталось только две.

Между валами, в низинах, теснятся амбары. Они не похожи на пинежские: эти стоят прямо на земле и непременно рядом с мельницами, так удобнее подносить зерно, которое тут же, под рукой. На одном из амбаров сохранилось ныне почти всюду исчезнувшее пяло — жерди-гнеты, прижимающие кровельный тес, чтобы ветром не сорвало кровлю, места ведь открытые. Концы гнетов на обоих фронтонах стянуты и закреплены специальными жердями-огнивами по одной с каждой стороны.

Так за околицей Азаполя неожиданно возникает образ старой деревни — целый «городок» амбаров, а над ним мельница вырастает так же, как над деревенскими домами поднимались церковные главки.

Пáлуга — первая деревня Лешуконского района — не выбежала на щелью, как другие, а, наоборот, расположилась между двумя угорами. По дороге к ней среди пушистых елей можно заметить часовенку, возведенную над могучим оветным крестом, сохранившим первоначальную раскраску. Примерно такой она была в прошлом на всех подобных крестах. По концам его переключин на кирпично-красном фоне черными буквами написан канонический титул Христа. Столб покрыт чередующимися рядами букв тех же цветов, а также еще синего и зеленого. Этот своеобразный буквенный орнамент создает впечатление праздничности и нарядности, несколько странное, если вспомнить, что речь идет о символе распятия. Цвет в этом случае не просто украшение, он объединяет первые буквы ненаписанных слов и помогает знающему человеку прочесть фразу. Перед нами — крипто-

Азаполье. Амбары и ветряная мельница

грамма, вот, например: ДДДД — древо добро досада диаволу, или ББББ — бич божий биет бесы и т. д.

Под подножием креста условно изображена Голгофа — гора, где, по преданию, был казнен Христос. В центре ее — голова Адама, будто бы погребенного здесь же, и теперь символизирующая смерть. Но народные мастера, вряд ли искушенные в богословской символике, превращали эту абстракцию в образы, им более близкие. Многоцветие креста говорит скорее о народном жизнелюбии, нежели о смерти, лик-маска вовсе не напоминает череп, а походит на древние изображения диска солнца. Кстати, на перекладинах других мезенских крестов часто встречаются еще два подобных круга — символы солнца, помраченного перед смертью Христа, и луны, как наступившего мрака.

Природа, представлявшаяся славянам силой одушевленной, оборачивалась к ним то нежной матерью, то злой мачехой. Солнце же — главный источник жизни, тепла,

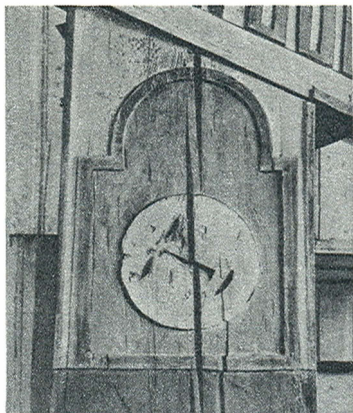

Азаполье. Амбар с гнетом

радости — в древних изображениях уподобляется одновременно и кругу, и человеческому лицу: «по заре зарянской катится шар вертлянской, никому его не обойти и не объехать», — загадывает загадка.¹ И в нашем обыкновенном разговоре: «солнышко выглянуло», «солнышко улыбнулось» оживают давно ушедшие языческие представления.

Тот же мотив долго жил в резьбе, украшавшей бытовые предметы, например, вальки, ими на реке выбивают мокрое белье. Форма некоторых из них, как это ни удивительно, напоминает меч с красивой и удобной рукоятью. Широкая часть вальки покрыта кругами, внутри кругов — лучи-спицы, которые рассыпает по земле солнечное колесо, каждый день прокатываясь по небу. Знак всемогущего божества на всех окружающих предметах,

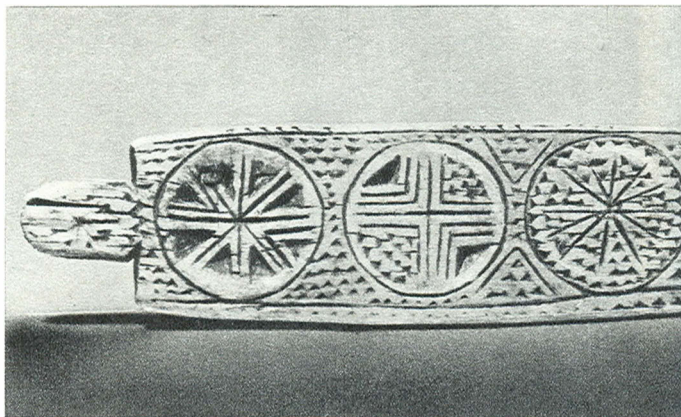
¹ А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865, стр. 207, 218.

Палуга. Фрагмент резного креста — Голгофа

как верили древние, имел магическое значение. Вальками даже когда-то печатали из ржаного теста круглые рождественские пряники. В далеком прошлом резьба у каждого, кто ее видел, вызвала целую цепь ассоциаций и уподоблений. Отсюда — ясность ритмической композиции, одновременно и открытой, то есть могущей продолжаться бесконечно, и замкнутой прямоугольником валька. Позднее первоначальный смысл кругов был забыт, и они превратились в детали орнамента. Так неожиданно лик у подножия креста и украшение неказистого валька оказались тесно связанными друг с другом.

Вперед — Юрома, одно из наиболее известных и больших селений на Мезени. Погост здесь существовал уже с начала XVI века, а с XVII — волостной центр, насчитывавший до ста крестьянских дворов, цифра огромная по тем временам. Достаточно сказать, что Кимжа тогда состояла всего из 13 дворов.

В Юроте поют о своем селе с гордостью:

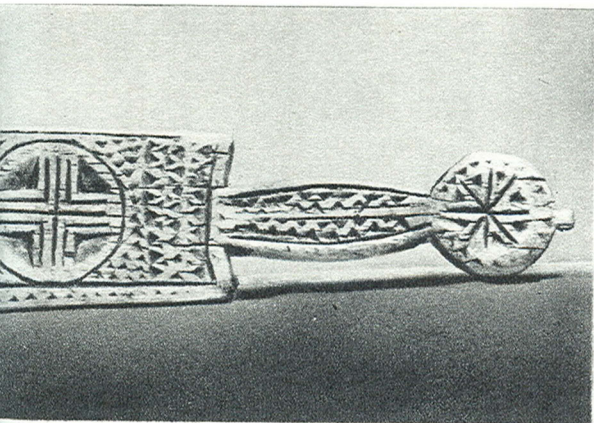
Нашу Юроте-деревню
 Можно городом назвать.
 Семь дорог, пятнадцать улиц —
 Долго ездить-спровожать.

Все дома вытянулись вдоль крутого берега между двух высоких красных угоров. Первый порядок, как всегда, наиболее древний. Второй возник за ним только в конце прошлого века. Дома тесно стоят друг к другу, каждый клочок земли надо было отвоевывать у леса.

Избы первого и второго порядков обращены фасадами к реке, с которой была связана вся жизнь мезенского крестьянина. Потому всегда важно из окон видеть реку и все, что на ней делается.

Быстрое течение постоянно подмывает глинистый берег. Чтобы укрепить его, юромские плотники рубили подпорные стенки — обрубы. По ним стлали мостки. Так возникли деревянные набережные, остатки одной из них еще есть в Великом Дворе — центральной околотке Юро-

*Резной валеk. XIX в. Село
Погорельское*

*Юрома. Ансамбль погоста.
Фотография Н. А. Шабу-
нина. 1907 г.*

мы. Это было сложное и умное, прямо-таки инженерное сооружение. Вот и призадумайся — можно ли всерьез говорить об отсталости крестьянского Севера?

Против каждого дома на эти стойки ставили для прочности бани и амбары. Они-то и сохранились лучше всего. На мощеных площадках под окнами сушатся поленницы дров. Мостовые были ограждены, но теперь только в одном месте сохранились перила, конец которых был обработан то ли в виде птичьей, то ли конской головы. К реке спускались лестницы, вырубленные в откосе. По тесовым мостовым вдоль всего села вечерами с песнями гуляла молодежь. Сидя на скамейках, люди постарше любовались величественной панорамой. Небольшие остатки таких набережных видны и в других селах по Мезени.

В самом возвышенном месте села, на «Гриве» некогда стояли две знаменитые деревянные церкви 1685 и 1743 годов, рубленные из лиственничных бревен метрового ди-

Юрома. Погост. На первом плане — церковь Архангела Михаила. 1685 г. Позади — колокольня и Ильинская церковь. 1729 г. Фотография Ф. Ф. Горностаева. Кон. XIX в.

аметра. Наиболее древняя, в честь Михаила Архангела, относилась к тому же типу, что и кимженская — шатер на крещатой бочке, но имела высоту более 40 метров. Ее крытое бочкой великолепное крыльцо на два всхода стояло у самого берегового обрыва. За этой церковью — колокольня, за ней двухпридельная церковь с двумя шатрами. И хотя последние два сооружения были ниже Михайло-архангельской церкви, казались они почти такими же, потому что стояли на более высоком месте. Этот неповторимый ансамбль погиб не так давно, церкви сгорели от молнии в середине 30-х годов. К счастью, сохранилась отсюда деревянная скульптура Георгия Победоносца, созданная, вероятно, одновременно с церковью. Храбрый воин в золотистой кольчуге, с развевающимися за его спиной красным плащом пронзает копьем змия-чудовище. Крепко сидящий в седле всадник, уверенно скачущий белый конь создают поэтический образ русского воина-победителя. Вообще скульптура, а тем более изображаю-

Георгий Победоносец. Деревянная скульптура из села Юромы. XVII в. Архангельский музей изобразительных искусств.

щая коня, была особенно любима и понятна в народной среде, где так живучи отголоски язычества.

В грандиозном ансамбле Юромского погоста северные древоделы достигли вершины своего виртуозного мастерства. Нелегко поверить, что такое под силу было простым мужикам, «вооруженным» только топорами. Старики рассказывали, будто самую древнюю церковь рубил богатырь Пашко. Один он валил в лесу громадные лиственницы и на себе носил их к погосту. Невиданной силы человек, каждый кулак его был больше человеческой головы.

Как-то раз пахал Пашко землю у самого берега, неподалеку от Юромы. В это время по реке плыли разбойники. Пробривались они издалека, с Северной Двины через Вычегду и Вымь. Знали заговорные слова. Сказали такое слово, и встала у богатыря лошадь как вкопанная. Что делать — Пашко не знает, потому что одолеть врагов он может только на земле. Тогда отправился богатырь догонять разбойников, а те вскоре свернули на Пёзу — при-

ток Мезени, не догадываясь, что за ними идет Пашко. Много верст отшагал он сквозь буреломы вдоль Пёзы. В самых верховьях реки, там, где начинался волок на Печорскую Цильму, разбойники вышли на берег и принялись варить кашу. Тут и настиг их Пашко. Всех злодеев он перебил, а атамана догнала стрела богатыря. За это стали с тех пор звать Пашко Туголуким... Но легенда легендой, а именно этим путем попадали московские ратные люди на Печору и случалось, наверное, что иногда обирали встречавшиеся на пути редкие селения.

На Пёзе же в свое время жили целыми семьями раскольники, ушедшие из мезенских сел «для спасения души» и от многочисленных поборов. Так в доносе холмогорскому архиепископу некто Ваюков сообщал в 1743 году: «По Пёзе реке живет Юромской волости Алексей Яковлев с женой и детьми... поставил [он] близ кельи крест осьмиконечный, подписал [на нем] следующие речи: «аще кто сему кресту кланяться не будет, тот будет проклят»...

Богата земля юромская. Здесь, в начале XVIII века родилась удивительная повесть об Иване Семенове — мезенском «древоделе». Ее недавно среди других рукописей привезла с Мезени экспедиция Пушкинского дома.

Неизвестный автор был человеком начитанным, «умудренным в книжной премудрости». Повесть свою он пишет по образцам житий святых, но часто так увлекается рассказом о мезенской жизни, что забывает об этом. Герой народной повести мало похож на святого, хотя и у него случаются видения и чудеса, без которых не обходилось в древности ни одно житие. Перед нами развертывается картина крестьянского Севера далекой поры.

...Был в то время «глад хлеба на Мезени». Чтобы не умереть с голоду, пошел Иван «по многим дальним странам». Как-то случилось ему трудиться «древоделием дворовым» в Жерди. И тут вдруг — видение: является святая Екатерина и указывает: «...поди вверх по Мезени и пониже Юромы, где было Заимище деда твоего, ...поставь часовню».

Ничего не поделаешь — пошел Иван с топором в руках на указанное место и «нача сеци подсеку, темной лес чистити». Так, наверное, начинались когда-то все мезенские селения. Трудное и долгое это дело. Наконец, «высек он все начисто и выжег ту подсеку огнем и после того лежаше то место осемь лет пусто...»

А в это время ходил Иван по Мезени, подряжался на разные работы. Однажды рубил он храм в Окладниковой

слободе. Возвращаясь оттуда домой, чуть не утонул в Пёзе, уж волны почти захлестнули его, но чудом спасся. Придя «до подсеки своей», Иван с радостью увидел ее всю вспаханную. Покровительство святой как будто бы несомненно, но наш герой медлит: «начат размышляти... како мне на пусте месте монастырь сооружати», где взять слугителей, с чего налог десятинный платить... Пока суд да дело, нанялся Иван «в Юрому на церковь крест древесной делати». И снова везет Ивану: сосед отдает ему готовое дерево, кузнец — гвозди задаром. На следующий день мастер «возлезе на храм... в маковицу», чтобы «рассмотрети, идеже крест поставив приделати». В этот самый день получает он первое божественное предупреждение — «жена впадает в болезнь». Затем новое видение — некто вещает: «бог ожидает твоих трудов, а ты много медлишь...»

Нехотя начал тогда Иван «землю чистити з детьми» на указанном месте, вычистил новину и засеял ее рожью. А рожь, как назло, добра уродилась. Сын Ивана возьми и поставь здесь не часовню, а дом свой.

Наконец, терпение на небесах подошло к концу. Снова является посланник бога и вопрошает грозно:

«О Иоанне, чего ради... много медлиша, сомневаешься?.. Или нехота монастырь строити?» — Иван молчит. И тут, чтобы божественная кара, нависшая над «древоделом», стала еще явственнее, перед ним разворачивается картина ада. Это самое замечательное место повести. Мезенский автор смело перекраивает ад «на свой манер».

Ивану представляется, что стоит он на высоком угоре — мы узнаем мезенские берега, — «виде лесы многия..., а в тех лесах... дымы темные... единою стезею дым той столпами идет, аки река течет великая».

Посланник тут же объясняет, что дым идет от вечно-го огня, уготованного грешникам на мучения. Мол, вот смотри, Иван, что тебя ждет.

«А стезя дымная... — суть дорога им, грешникам. ходити в те лесы по дрова».

Юноша подводит Ивана ближе: из дыма «гласы человеческие вопиюща». И в чаду этом «множество народа... носят дрова на мучение себе, во огонь вечный вметають те дрова и сами в том огни горят»... А дальше мы читаем совсем удивительное: «посылають их немилостиво ангелы... И биють их немилостиво железием». Ангелы в роли прислужников Сатаны! Ангелы — конвоиры и надзиратели! Все сочувствие автора на стороне обездоленных. Вот как он описывает их муки: «...они в ды-

му том лаят на дрова и ломают сучье руками своими... Ангелы гонят их в огонь», не давая опомниться... Одни бегут с дровами, многие падают от изнеможения. Их топчут. Нет им ни минуты покоя.

Это пытка, но пытка утонченная, изобретательная: «...за дымом тем слыша гласы радостны... тамо радость неизреченная и веселие несказанное, то суть праведники веселятся». Последнее самое страшное: праведники могут беззаботно веселиться, когда рядом творится такое! Какие же это праведники, если они глухи к человеческому горю и несчастью?

Увидев все это, Иван «ужасеся вельми». Но этого мало. Чтобы Иван не отступал больше от своего обещания, юноша «вверг его в дым той, он же паде в дыму том вниц, начат кашляти от горести дымной. Люди... в дыму том ходящии со дровами топчут его ногами своими, валятся на него с ношами дровяными, ему же бысть горько и тяжко зело...» Наконец, Иван просыпается, закашляв-

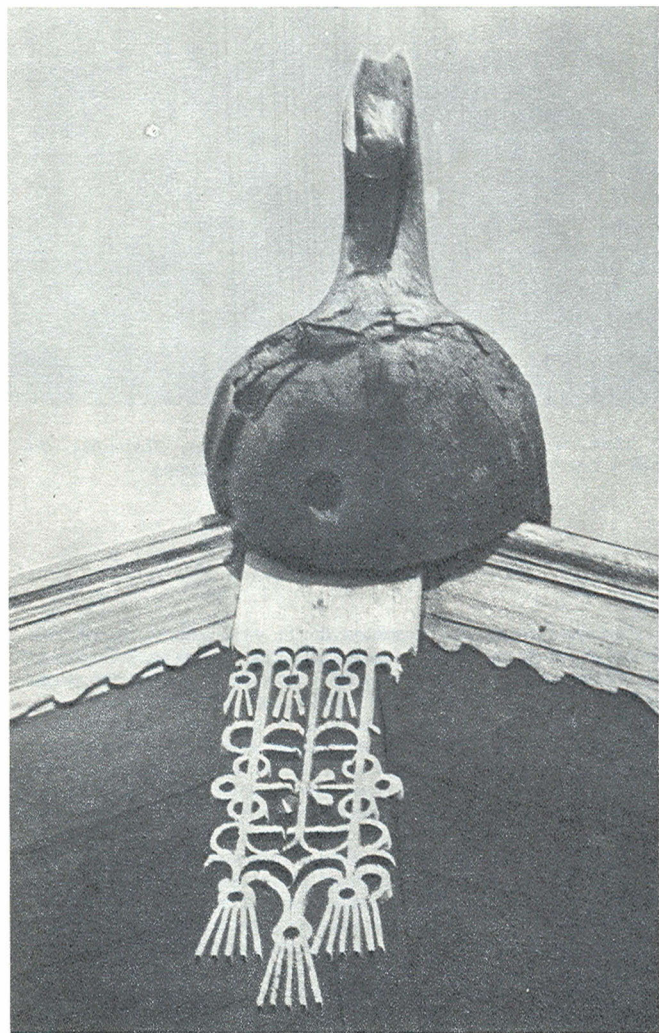
*Кельчезгора. Конек и
кисть на доме в Заручье*

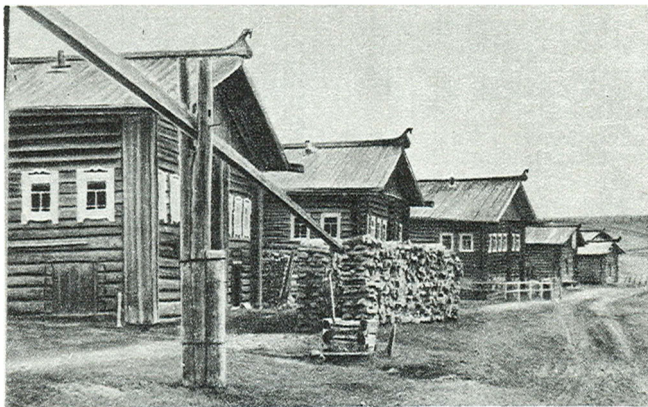
→

шись от дыма. Какая точная деталь: наш герой живет в курной избе. И какая реалистическая картина ада, сказали бы мы теперь. Самым ужасным мезенскому крестьянину кажется бесконечное таскание дров среди дыма и огня. Так мог рассказать о человеческом страдании только человек, знающий горе и сочувствующий чужому несчастью.

Страшное видение произвело немалое впечатление на Ивана. На следующее же утро он поставил у дороги крест в знак своего обещания, но силы небесные, как видно, рассердились уже не на шутку. Вскоре является великомученица Екатерина и «рече ему грозно: доколи не слушаеши мене». Святая откровенно угрожает: «сломя твои руки и ноги и скорой злою... смерти предам тебя и детей твоя погублю и дом ваш разорю и уже не пощажу тя». Смирения, кротости у святой нет и в помине. Иван испугался и, бросив все дела свои, срубил «малу хижу», неподалеку от Юромы. Религиозного рвения, по-

Кельчемгора. Порядок домов в Мокшеве

видимому, не очень-то много было у мезенского крестьянина, если божественным силам пришлось прибегать к таким крайним мерам! Теперь они, наверное, удовлетворились: видения больше не посещали Ивана.

Повесть об Иване Семенове — редкое произведение народной литературы — возникла где-то в Юроте или около нее: уж очень точно названы все деревни, ручьи и речушки вокруг, указаны даже расстояния между ними. Значит, не одна архитектура говорит нам о высокой культуре этого края.

До недавнего времени село сохраняло облик древнерусского городка-укрепления: со стороны реки — набережная — обруб, подобие крепостной стены, с амбарами и банями, которые своими глухими стенами напоминали башни. За ними — ряд тесно поставленных изб и высоко взметнувшиеся шатры богатырских церквей. Наконец, позади села, на склоне — высокие мельницы будто городовые башни, ожидающие неприятеля с залесной стороны.

Кельчегора. Крыльцо дома П. Ф. Клокотова в Мокше

Выше Юромы по правому берегу реки километров на шесть растянулась Кельчегора — группа деревень, состоящая из Шелявы, Заозерья, Мокшевы, Заручья и Кольшина. Каждая из них интересна по-своему. Кольшин как бы отодвинулся от берега, его дома окружили небольшую покрытую зеленым травяным ковром площадь с оветным крестом посередине. Совсем рядом, в Заручье все иначе. Дома тут стоят «на городской манер» — фасадами друг к другу, создавая, таким образом, улицу. Многие из них, несмотря на то, что рублены давно — в 70—80-е годы прошлого века, сохранили на кровлях прекрасные коньки и сложные, затейливой резьбы кисти-полотенца под ними. Среди высоких и ладных домов Заручья неожиданной выглядит изба на невысоком подклете всего с тремя окнами, к ней примыкает другая и вовсе без подклета. Каждая крыта на один скат или, как здесь говорят, лабасом. От этого получается, что одна стена сруба на три бревна выше другой. Такая кровля

встречается на банях, овинах, амбарах, и очень редко на домах. И уж если на домах, то бедных, для которых и материала было немного, да и рубились они кое-как.

Мокшева, следующая за Заручьем деревня, расположена в широком овраге, по которому проходит дорога. С одной стороны дома повернулись к ней боком, с другой фасадами, упираясь озадками в склон холма. В этом порядке каждая изба выступает несколько вперед по сравнению с предыдущей. Такой разворот объясняется желанием поставить дом окнами к югу, чтобы соседний не создавал тени. Входя в деревню, сразу видишь всю перспективу домов. Могучие, стремительные коньки, повторяясь на каждой крыше, усиливают четкий ритм порядка. Остается только поражаться, как в таком, казалось бы, неудобном месте — в овраге, по дну которого вдобавок еще и ручей протекает, удалось так естественно вписать, тут даже не скажешь разместить, именно вписать около двух десятков домов!

Посередине деревни «спиной» к дороге стоит дом-шестистенкок, принадлежавший П. Ф. Клокотову. Жилье — «перед» состоит из избы и горницы на подклете и занимает примерно четвертую часть дома. Остальное — сени и огромный двор. Главное украшение этого дома крыльцо. Стоит оно на одном столбе. Это наиболее древний тип крылец. Такими они были, вероятно, в боярских хоромах и теремах, а теперь сохранились крайне редко. Один столб, находясь у края, удерживает большую площадку и лестницу. Врезанные в этот столб брусья создают впечатление устойчивости и прочности крыльца. Его кровлю поддерживают резные колонки. Утолщения внизу и полочки (нечто вроде капителей) наверху также подчеркивают напряженность несущих частей.

Крыльцо — не только оформление входа, это и балкон. Сюда выходили хозяева посидеть в ненастную погоду или посмотреть за играющими детьми, возвращающимся скотом, проезжавшими подводами. Крыльцо было ближе людям, нежели другие части дома, чаще попадало в поле зрения, потому именно здесь и сосредоточивалась основная резьба.

Тропинка из Мокшевы в Заозерье идет через высокий угор. С него открывается величественная панорама. Слева далеко видна Мезень с отмелями, синеватые леса за ней, позади, на холме — Заручей, внизу, под самой горой прячется Мокшева, отсюда заметен только строгий порядок ее крыш, а правее раскинулась по берегу Шелява и у горизонта в погожий день можно заметить Юрому.

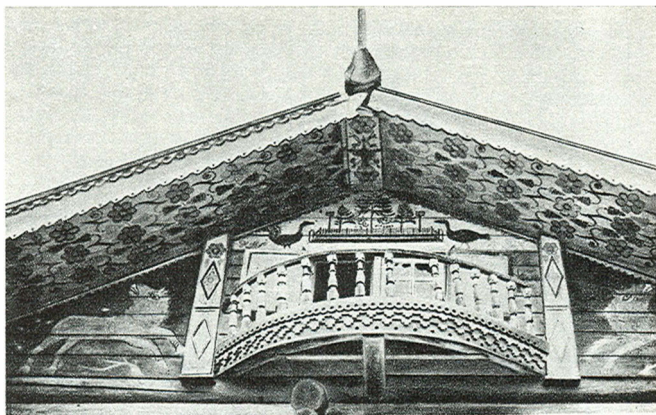
*Кельчемгора. Дом
В. Я. Клокотова
в Заозерье. 1879 г.*

Тут, на открытом холме, стоит высоченный столб — остатки креста. Удивительное место! Его темный силуэт был виден издалека. Словно символ того, что эти места обжиты человеком.

Теперь, без поперечных брусков крест особенно напоминает древнего идола. Вероятно, во времена языческие так вот и ставили идолов, чтобы те могли видеть все, что делается вокруг. Для язычников божеством была сама природа, а где как не здесь захватывает дух от ее величия!

На этой горке, на виду у всей Кельчемгоры, мезенские девушки в красных, синих, розовых сарафанах под Иванов день рвали цветы, искали «призорные травы», водили хороводы:

Весной, девушки, ой, девки гуляли.
Ой, да в караводе-то девушки на лужку.
В караводе-то девушки на лужку.
Ой да девки песенку вот с горя запели...

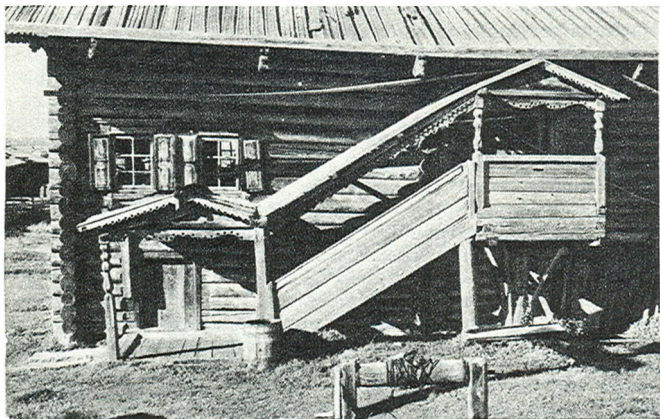

*Роспись фронтона на доме
В. Я. Клокотова*

Как вспоминают местные жители, в ночь на Ивана Купалу тут жгли огонь. То же делали и на юромском угоре, и на холме за Малыми Нисогорами. Какое было это фантастическое зрелище! Мезенские села пламенем костров переговаривались друг с другом. Обычай продолжает жить: здесь колхозники встречают Первомай и в честь праздника, как и прежде, жгут огонь.

Лет двести назад деревня как раз и стояла на этом месте. Называлась она тогда Ивановской. Место высокое: хлеб ранними морозами не бьет, вот и решили жители освободить холм под посевы, а самим свезти дома в низину, хлеба-то своего в этих краях всегда не хватало. Часть деревни съехала по одну сторону — в Мокшеву, часть в другую — в Заозерье. Поля же и теперь продолжают называться подоконными, амбарными, гуменными.

В подгорье пристроилась деревянная пятиглавая церковь 1890 года, то есть того времени, когда высокое искусство уже ушло из церковной архитектуры.

Крыльцо дома В. Я. Клокотова

Каждому, кто попадает в Заозерье, бросается в глаза пятистенок В. Я. Клокотова — сегодня один из самых примечательных домов на Мезени. Он хорошо виден почти отовсюду в деревне, потому что стоит свободно на открытом месте и фасадом обращен к дороге, проходящей по краю селения.

На выпуске бревна под кровлей вырезана дата: 1879 года мая 16 дня. Но дело не в этом, на Мезени известны и более старые постройки. Здесь сохранилась монументальная роспись на фронте и свесе кровли. И потому, если дом, только что виденный в Мокшеве, кажется суровым, почти крепостным сооружением, то этот, наоборот, поражает своею праздничностью, сказочностью. Такое впечатление создается, во-первых, поясом из сплошного ряда наличников и ставен. На их створах вырезаны цветы, сохранившие еще следы раскраски. Второй ярус убранства дома — фронтон, разделенный на три части. Центральную занимает полукруглый балкон и над ним

двойное окно светелки-вышки, но двери нет, так как назначение балкона чисто декоративное: это главное украшение всего фасада. Над балконом изображен сад, по краям которого важно стоят утка и петух. Слева и справа на темно-зеленом фоне полуфантастические львы, великолепно вписанные в два треугольных конца фронтона.

Какими путями забрели сюда, на глухой Север эти экзотические животные? Правда, у мастера они получились скорее похожими на собак или волков. Как и собака, лев символизирует стража, голова его обращена к зрителю, глаза встречают каждого подходящего к дому.

Свес кровли покрывает растительный орнамент из цветов и виноградных гроздьев. Даже по подзорам, прибитым вдоль скатов, можно заметить следы растительного орнамента. На редкость щедрой изображена природа в росписи, здесь словно раскрываются заветные мечты крестьянина, который и хлеба-то не всегда имел вдоволь. Яркая роспись, тонкая резьба казались особенно нарядными около глухих бревенчатых стен, на фоне пасмурного северного неба или белоснежной зимы. В этом неповторимом по убранству доме все от русской сказки, где «на неведомых дорожках следы невиданных зверей».

Интересно в доме В. Я. Клокотова и крыльцо. Оно, так же как и в Мокшеве, стоит на одном столбе, который здесь расположен не у края, а под площадкой посередине. Тонкие, слегка изогнутые брусья, расходящиеся от основания столба к углам площадки, усиливают его конструктивное напряжение. Крыльцо в миниатюре повторяет формы самого дома: на двускатной кровельке охлупень с коньком, по краям — потоки, свесы украшены подзорами. Под крышей, как кружево, тянется резьба. С нижней площадки дверь ведет в подклет — погреб, где обычно хранится картошка. Боковую стену оживляют два окна над крышей крыльца. Кстати заметим, что все окна сохранили старинный переплет на шесть стекол.

Как же возводили такую хоромину? Строил ее прадед нынешнего владельца. Рассказывают, человек он был грамотный, ходил даже в Питер. «Передок» дома срубил из «листвы», чтобы прочнее был, да дольше стоял. На двор же пошла сосна. Лес для постройки заготавливал зимой вместе с артелью своих, деревенских, пришедших по обычаю на «помочи» соседу. Ранней весной, как только начинал сходить снег, на месте будущего дома забивали метровые стойки-стулья, по ним клали самые крепкие и толстые бревна. Так на земле возникал как бы план

будущей постройки — первый венец или оклад. Тут хозяин угощал «помочан», окладным это называли. Кстати, следует сказать, что строительство такого дома, как в Заозерье, обходилось недешево. Дело даже не только в том, что надо было несколько раз угощать вином и каждый день кормить 15—20 человек. Не всякий хозяин мог руководить делом сам. Часто нанимали «приборщика», который и возглавлял артель. Первое для него — смотреть за углами, чтобы «набок не уехали», потом важно правильно «прибрать» лес, чтобы ровным был. После оклада начинали «вести стопу» — сруб складывать. Тут надо следить, чтобы к одной стороне дерева ложились то комлем, то вершиной. Присмотритесь внимательнее к отрубам в выпусках: там чередуются бревна чуть толще и чуть тоньше.

Между «деревами» для тепла прокладывали мох. Как до матицы доведут, снова угощение. Это обычно приходилось на май или июнь, оттого на провесах (кронштейнах) в датах чаще всего фигурируют именно эти месяцы. После этого кладут «на скоски», то есть начинают рубить фронтон. В его бревна-самцы врубают «переводы» или слегы: они стягивают всю постройку и служат каркасом для кровельного теса. Самая верхняя слегда — князевая или коньковая. Как ее поднимут, новое угощение — коньковое.

Одной из самых трудоемких операций была заготовка теса. Из одного бревна получалось всего три тесины. Средняя — самая толстая шла на крышу, две другие на пол. Наконец, по гребню кровли тес прижимали особенно тяжелым бревном — охлупнем, концы которого часто обрабатывали в виде птичьих или конских голов.

Конек, конечно, неспроста оказался на доме, как бы завершая всю его композицию. В древности конь — один из символов светозарного солнца или олицетворение порывистого ветра и бури. Народное творчество сближало птицу и коня: конь богатыря Дюка Степановича имел крылья. Поэтому былинные кони с легкостью птицы перелетают моря и реки:

...Добрый конь осержается,
От сырой земли отделяется,
Поднимается выше лесу стоячего,
Чуть пониже облака ходячего...
Горы и доли промеж ног пропускает,
Малые реки хвостом застилает,
Широкие — перепрыгивает...

Итак, конек на жилище, на посуде — это образ доброго божества Солнца. Потому под коньком в орнаменте

резной доски — кисти часто встречаются круги — солярные знаки. В языческие времена, когда начинали постройку, закалывали коня — приносили жертву. При раскопках древнего Новгорода иногда находят конские черепа под срубами домов, а ведь это было уже во времена христианства. Принесение жертвы сопровождалось ритуальным пиром. Угощения при строительстве — его далекие отголоски. Шло время. И божеству стали посвящать не самого коня, а только его изображение. Его голову, как раньше череп жертвенной лошади, укрепляли на самом высоком месте дома, чтобы она отгоняла от жилья злых духов. С этим связаны и представления, что конь непременно приносит счастье: вода, которую пила лошадь, считалась целебной, а вера в чудодействие конской подковы дожила до нынешних дней.

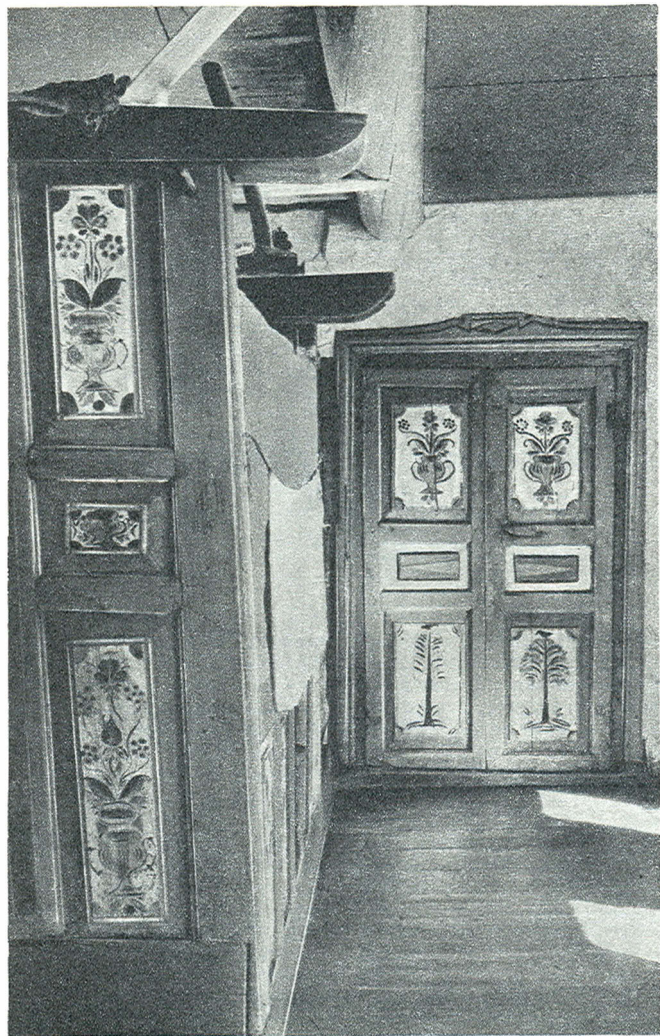
Не удивительно, что именно конь так осмыслялся нашими предками: он в крестьянской жизни действительно значил почти все. И что в повседневном быту ощущал тогда человек стремительнее конского бега?

«Конь как в греческой, египетской, римской, так и в русской мифологии есть знак устремления, — писал С. Есенин, которому особенно была близка поэзия крестьянского искусства, — но только один русский мужик догадался посадить его к себе на крышу, уподобляя свою хату под ним колеснице»¹. Лишь пройдя через столетия, конек превратился всего лишь в украшение дома. Забылось, выветрилось из памяти народа представление о его магической силе.

Посмотрим дом В. Я. Клокотова внутри. Стены, теперь заклеенные обоями, были оставлены неотесанными от окон до потолка — подволоки. Кругляши бревен сразу задавали масштаб помещению, делали его особенно массивным. В прошлом заук и шолныж (то, что на Пинеге называют запечком, местом, где находились домашние жернова) образовывался с одной стороны средней стеной, делящей дом на две избы, а с другой — филенчатой «заборкой». Она была укреплена под одной из грядок и доходила, таким образом, до половины высоты избы. На филёнках мастер яркими красками написал цветы и деревья.

Внушительное впечатление производит повесть, пересекаемая под крышей бревнами — связями, которые опираются на перерубы (на Мезени их называют паклины),

¹ С. Есенин. Собр. соч. в пяти томах, т. 5. М., 1962, стр. 32.

они же, в свою очередь, нужны для придания стенам достаточной жесткости. Внизу — просторный двор, укрепленный подповетными столбами. В него с улицы ведут двое наземных ворот. Если вспомнить, что в доме еще существует вышка над жильем, то можно сказать, что перед нами по существу трехэтажная постройка.

Кто расписывал этот замечательный дом, теперь установить нелегко. Может быть, заходящая артель, но скорее всего местный мастер И. К. Орлов, работавший как раз в 80-е годы прошлого века в этих краях. Им были подписаны несколько домов неподалеку — в Верхнем Березнике, до наших дней, к сожалению, не сохранившиеся. А таких домов на Мезени было немало. Продолжил дело отца сын — Михаил Иванович Орлов, умерший восьмидесяти лет от роду годов пятнадцать назад. Он «разрисовывал» дуги, сани, грабли, во многих домах «красил» двери и печные места. До наших дней сохранился всего лишь один такой дом — его собственный. Теперь там жи-

*Заозерье. Роспись в доме
Л. И. Орловой*

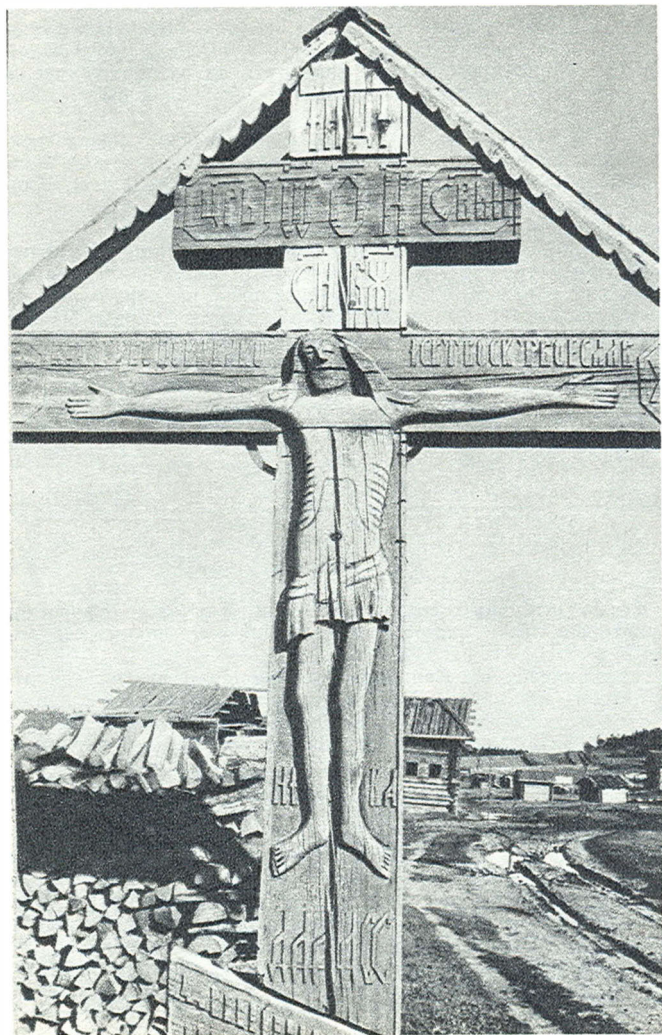
←

*Заозерье. Обетный крест с
резным распятием*

→

вет жена мастера Лукерья Ивановна. И стоит эта неприметная по внешнему виду постройка тут же, в Заозерье. Выполненная кистью в живописной манере, роспись свободно и уверенно заполняет все филенки. Мотив ее уже знаком нам по дому В. Я. Клокотова — цветы, деревья с птицами на вершинах. Буйное цветение. С ним накрепко связано благополучие земледельца. Зайдешь в такую избу, и светом на тебя пахнет, а в морозную да темную зиму лето вспомнится. На душе радостнее станет. Сколько же добра сделал людям этот человек, до последних дней своих державший в руках топор и краски!

Рядом с домом М. И. Орлова высится крест с прекрасно сохранившимся распятием. Резан он в отличие от кимженского в высоком рельефе. Поэтому кажется, что фигура, особенно когда она подчеркнута резкими тенями, существует чуть ли не отдельно от плоскости самого креста. Лицо Иисуса с крупными чертами, волосы, спадающие большими прядями на плечи, помогают создать

образ суровый, полный внутренней силы и значительности. В нем нет изысканности и бесплотности кимженского Христа, наоборот, здесь мастер с наивной конкретностью старался изобразить тело чуть ли не анатомически точно. И от этого оно приобретает особую, я бы сказал осязаемую убедительность.

Ставлен крест лет семьдесят-восемьдесят назад, возможно, в память кого-либо, как тот, на горе между Mokшевой и Заозерьем, который поставил прадед В. Я. Клокотова, строитель чудесного дома, когда утонул сын его, направляясь под парусом в город Мезень.

За Заозерьем, в сосновом бору — кладбище. И тут немало крестов четырех-пятиметровой высоты, некоторые из них резал М. И. Орлов. На многих по черному фону тянутся, как орнамент, красные и зеленые буквы. Между крестами встречаются надгробные столбики с надписями, звучащими торжественно и скорбно: «здесь, на сём месте покоится прах...» Кладбищенские кресты, простые

Резные кресты на кладбище около Заозерья

----->

и выразительные, создают тот дух величавой суровости, который мы не раз отмечали, говоря о мезенских селениях.

Архитектура Кельчегоры говорит о высоком плотницком мастерстве. Коньки, курицы, яркие травы и цветы росписи, затейливая резьба, кресты, покрытые прихотливой вязью, — все это органически связывалось с таинственной, страшной, но в то же время и доброй природой.

Путь от Кельчегоры до Лешуконского — мимо Малых Нисогор, где за древней на косогоре еще стоят две ветрянки, сохранившие даже крылья, затем — около Больших Нисогор и Верхнего Березника. В этих селах возвышаются церкви, построенные во второй половине XIX века по «высочайше апробированным образцовым планам» Синода, интереса как будто бы не представляющие, и все же тут есть свое «но»: возведены они на местах прежних церквей и часовен, разобранных по вет-

кости. Поэтому силуэты их заметны издали всякому подплывающему к деревне. Каждая церковь словно маяк, означающий селение, не так уж часто встречающееся по Мезени.

На левом берегу, окруженное могучими лиственницами, видно Ущелье. Тут в 1614 году пострижник Соловецкого монастыря Иов основал монастырек как раз в том месте, где Ежуга впадает в Мезень. Как уже говорилось, вдоль этой речки проходила в прошлом сухопутная дорога, связывающая Пинегу и Мезень.

Позади остается Усть-Вашка, слившаяся теперь с Лешуконским. В райцентре, все более приобретающем вид современного поселка, еще сохранилось несколько домов с остатками росписи фронтонов и ставень.

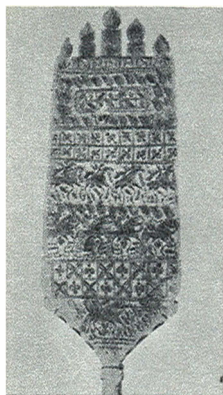
Правый берег идет розовато-красными откосами, увенчанными темной бахромой леса, левый же покрыт заливыми лугами и кустарниками. На реке то и дело возникают песчаные отмели — кошки, подстерегающие всякого зазевавшегося моториста.

На средней Мезени особый интерес представляет Палашелье, знаменитое своей росписью по дереву. Село первоначально занимало только высокий берег, а затем, постепенно разрастаясь, перешло в низину, где «щель пропала» или пала, отсюда и название Палашелье.

В некоторых местах вдоль берега можно насчитать до шести порядков домов. За ними, прижавшись друг к другу, стоят амбары. Рядом — прясла, которые встречались нам почти в каждой деревне. Это высокие стойки, соединенные продетыми в них редкими прогонами — жердями, на которых обычно сушатся снопы жита, ржи или сено. Прясла потому или окружают деревню, или вытягиваются за ней вдоль полей. Дальше — лес.

Теперь промысел угас, и многочисленные экспедиции да любители-туристы вывезли из Палашелья почти все изделия, еще остававшиеся на руках у крестьян. Лет же тридцать-сорок назад кустарничали здесь чуть ли не в каждой избе, выделявали прялки, лукошки, короба, веретена, ложки. В селе жили семьи потомственных мастеров. Это Аксеновы, Новиковы, Кузьмины, Федотовы. Работали зимами. Сначала в лесу находили подходящие стволы с суками, чтобы из одного дерева можно было вырезать для прялки и лопаску, и копыло (подгузок). За день вытесывали 10—12 прялок, затем недели две их сушили. И только тогда приступали к росписи. Красную, точнее кирпичного цвета краску — «вохру» брали на берегу, у красной щели. Чтобы она «не линяла», растворя-

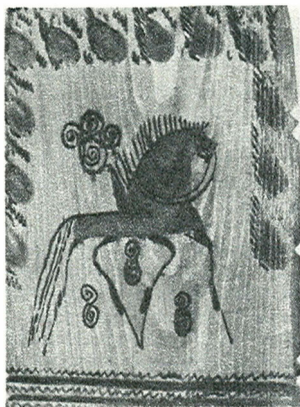

Палащельская прялка. Музей этнографии народов СССР

ли ее на лиственничной смоле (по-местному — сера). Рисовали кисточкой, а контуры обводили пером с чернилами, которые тоже приготавливали сами, смешивая сажу с серой. Когда высохнет, олифили.

В Палащелье сложилась своя, оригинальная система росписи. Основной фон золотисто-желтый (дерево, покрытое олифой). По нему — пояса геометризованного орнамента. Каждый его элемент имеет свое название. Ниже маковок, напоминающих главки церквей, идут бёрдо — сети или решетки, окруженные свободно положенными мазками — «курочками». В средней части — бегут ряды оленей и коней, по силуэту напоминающие тех, что украшают крыши домов. Народное творчество издавна сближало оленя и коня. В древности верили, что солнце в виде оленя возвращается весной из зимних стран. Поэтому оленьи рога в доме, как и конек — залог счастья. Стелющиеся по спине рога, завитки, спиральки вокруг туловищ создают впечатление стремительного движе-

Фрагмент росписи палашельской прялки. Музей этнографии народов СССР

ния и одновременно связывают фигурки животных с остальным узором.

В центре тыльной стороны прялки, там где привязывается кудея, с детской непосредственностью изображались забавные бытовые сценки: охота, катание на санях, ловля рыбы и даже колесный пароход. Как видим, вся роспись так или иначе была навеяна впечатлениями повседневной жизни. Палашельская утварь получалась скупой в цветовом отношении: черный и кирпичный на золотистом фоне. Но при этом орнамент, сплошным ковром покрывающий всю поверхность, отличается почти импровизированной свободой и одновременно строгой завершенностью. В этом смысле роспись перекликается с фольклором. Известный исследователь народного искусства В. М. Василенко справедливо сравнивает бесконечно текущие узоры с протяжным напевом народной песни.

При всем единстве стиля каждый мастер отличался своим почерком, своими излюбленными темами. Один

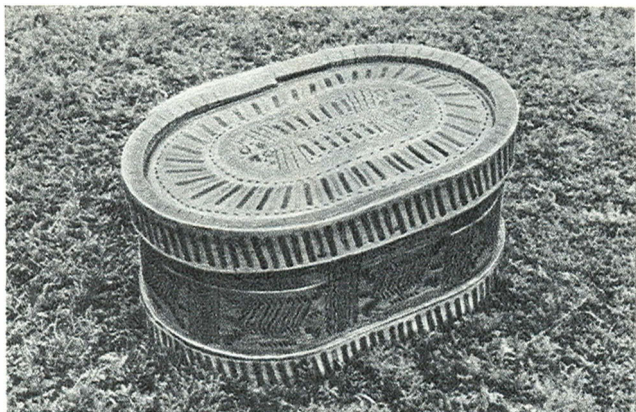

За прялкой

расписывает только саму ложку, другой — и ложку, и ручку, третий еще прибавляет по ободку надпись: «Кого люблю, тому ложку подарю. Ложкой хлебай, подарок не забывай». Многие надписи с гордостью говорят о ремесле: «...прялка прочная, будешь держать и поминати».

С возами, груженными утварью, еще пахнущей краской и олифой, отправлялись палашелы зимним путем к зырянам, через Койнас на Печору, на Усть-вашскую ярмарку, добирались даже до Пинегы. Прялки раскупали быстро, девки и женки норовили выбрать поузорче, чтобы потом хвалиться перед своими товарками. Маленькие, детские прялочки матери покупали для девочек, чтобы сызмальства приучать их к женской работе. Парни выбирали для своих возлюбленных или специально заказывали как подарок к свадьбе.

Длинными зимними вечерами обычно собирались девушки в какой-нибудь избе попросторнее, чинно рассаживались по лавкам вдоль стен и при свете лучины пе-

*Лукошко палащельской
работы*

ли долгие песни про горькую долю женскую, про добра молодца, про тяжелую службу царскую. Пели, а проворные пальцы как бы сами собой вытягивали из кудели тонкую ниточку, закручивали ее и наматывали на веретено. Друг перед другом задорно прясть: которая больше всех мотков навешает на жердь морозить, та и удалая. Сюда, на посидки, приходили парни, тогда и песни запевали повеселее, начинались шутки-прибаутки:

Дайте прялку, да дайте лен,
Да два десятка веретен,
Станем прясть, попрядивать,
Да на дружков поглядывать.

Другая словно отвечает:

У меня базарна прялоцка,
Очень долги типуши,
На ей кони и олени
Прялку с Вашки привезли.

С Усть-вашской ярмарки привозили палащельские прялки, и они-то, да еще с «долгими типушами», то есть высоким «городком», были предметом особой гордости.

Палащельские изделия еще живут на Мезени всюду. Особенно много коробов. Большие, маленькие, квадратные, круглые, овальные — их употребляют в быту как «укладки» — сундучки, а раньше брали в дорогу. После многолетнего употребления краски, как правило, не стираются, а темнеют. Расписная утварь была настоящим украшением мезенских изб.

Как возник промысел? Этого никто из стариков не знает, а первое упоминание о Палащелье как центре росписи относится только к 1904 году. Самая старая прялка имеет дату — 1815 год. Ясно одно, что срединное положение Мезени, торговый путь, по ней проходивший, не могли не способствовать развитию этого оригинального искусства.

Наличие в узоре таких мотивов, как треугольник, ромб, квадрат, графичность рисунка заставляют предположить, что росписи предшествовала геометрическая резьба по дереву.¹ А это говорит о древнем происхождении промысла.

Следующая деревня на нашем пути — Чучепала. Селение с таким странным на первый взгляд названием сохранило любопытное предание. Рассказывают, что будто бы на высоком холме около деревни стоял в давние времена чудский городок. И вот пришли в эти края новгородцы и поселились поблизости. Однажды зимою они внезапно напали на город и погнали чудь к полынье на Мезени. Там и погибли почти все чудские люди, оттого сенокос у этого места до сих пор называют Кровавым плезом или Крово. Оставшиеся в живых подались в верховья. Другое предание говорит, что чудь под землю в щели ушла, закопалась. И следы этого — глубокие ямы на Остром холме у Чучепалы. Так название деревни — чудь пала — сохранило память о долгой и кровопролитной борьбе Великого Новгорода за Мезень.

Деревня стоит удивительно: очень высоко, как бы у основания длинного мыса. Плыть по реке вдоль него

¹ В. М. Василенко. Русская народная резьба и роспись по дереву. М., 1960, стр. 81; Н. В. Тарановская. Росписи на Мезени и Печоре. В сб.: «Русское народное искусство Севера». Л., 1968, стр. 50—51.

километров десять, пересечь напрямик сушей — чуть больше километра. А Острый холм и того выше: с его лесистой вершины хорошо видна Мезень. В солнечную погоду можно заметить даже Палашелье, отстоящее отсюда на двадцать километров. Лучше этого наблюдательного пункта, как мы сказали бы теперь, трудно придумать.

Есть на Вашке деревня Рёзя, которая возникла будто бы на месте большой резни между русскими и чудью. То же слово слышится и в названии деревни Чўлосы. Предания о чуде еще живут в этих краях.

И вот в связи с этим снова вспоминается палашельская роспись. Она — самая архаичная из всех известных в русском народном искусстве. Корни ее уходят в глубину веков, к наскальным изображениям, к неолитическому орнаменту. Каким чудом эти образы дожили до наших дней? А может, объяснение надо искать в том, что здесь некогда жили племена легендарной чуди, и предметы их искусства постоянно попадали в руки русских переселенцев? Пока что это только догадка.

Здесь, в Чучепале и завершается наш путь по Мезени. Выше еще несколько русских деревень, и последняя из них имеет название почти символическое — Родома. Дальше берега северной красавицы населяют коми.

В этих краях дважды, в 1927 и 1928 годах побывала комплексная ленинградская экспедиция под руководством профессора К. К. Романова, собравшая богатейший материал не только по постройкам, но и по этнографии, народному искусству, фольклору. Первые результаты этой работы были опубликованы.¹ Огромная заслуга экспедиции К. К. Романова заключается в том, что все многообразные проявления народной культуры она изучала в единстве и взаимодействии. К сожалению, в дальнейшем этот плодотворный опыт не был использован.

Следующая экспедиция с целью фиксации памятников народной архитектуры была предпринята Институтом истории искусств АН СССР в 1952—1953 годах. Ее итоги нашли отражение в книге руководителя экспедиции: И. В. Маковецкого.²

¹ Сб. «Крестьянское искусство СССР», вып. 2, Пинежско-мезенская экспедиция. Л., 1928.

² И. В. Маковецкий. Памятники народного зодчества русского Севера. М., 1955.

Остальные экспедиции лишь попутно касались архитектуры края, имея главной целью сбор фольклорного, диалектологического материала, предметов народного искусства или древнерусской рукописной книги.

Вот почему, заканчивая почти тысячекилометровый маршрут, надо подчеркнуть, что зодчество Пинеги и Мезени настоятельно требует дальнейшего изучения. С каждым годом делать это труднее и труднее — старых построек остается все меньше.

В заключение автор должен поблагодарить местных краеведов и старожилов: бывшего учителя Сурской школы И. А. Данилова, колхозника из деревни Городецк Ф. М. Ширяева, совхозного бригадира из села Пиринемь В. Ф. Малыгина, пенсионера из села Немнюги М. Н. Томилова, заведующего Пинежским краеведческим музеем В. И. Стирманова, заместителя редактора мезенской газеты «Север» А. И. Дранникова, жителей деревни Тимощелье пенсионеров А. Е. и Н. Т. Лучихиных, председателя Кельчемогорского сельского Совета А. П. Клокотова, мастеров палащельской росписи Ф. М. Федотова, М. В. Кузьмина и всех остальных, сообщивших ценные и разнообразные сведения о своем крае.

Большую помощь советами и материалами оказали архитектор Ю. С. Ушаков, доктор филологических наук Н. П. Колпакова, кандидат филологических наук Г. Я. Сямина и писатель Ф. А. Абрамов, за что автор им искренне признателен.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бартенев И. А., Федоров Б. Н. Архитектурные памятники русского Севера. Л.—М., 1968.
- Василенко В. М. Русская народная резьба и роспись по дереву. М., 1960.
- Григорьев А. Д. Архангельские былины и исторические песни, т. 1. Поморье и Пинега. М., 1904; т. 2. Кулой. Прага, 1939; т. 3. Мезень. Спб., 1910.
- Ефименко П. С. Заволоцкая чужь. Архангельск, 1869.
- Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М., 1877.
- Забелло С. Я., Иванов В. Н., Максимов П. Н. Русское деревяное зодчество. М., 1942.
- Колпакова Н. П. Свадебный обряд на Пинеге. В сб.: «Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера», т. 2. Л., 1928.
- Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии, вып. 2. Архангельск, 1895.
- Краткое историческое описание монастырей Архангельской епархии. Архангельск, 1902.
- Кривополенова М. Д. Былины, скоморошины, сказки. Вступ. ст. А. А. Морозова. Архангельск, 1950.
- Круглова О. В. Мезенская роспись по дереву. «Советская этнография», 1964, № 3.
- Макарий, епископ. Историческое описание Красногорского монастыря. М., 1880.
- Маковецкий И. В. Памятники народного зодчества русского Севера. М., 1955.
- Маковецкий И. В. Архитектура русского народного жилища. М., 1962.

- Максимов С. В. Год на Севере, т. 2. М., 1890.
- Малышев В. И. Три неизвестных сочинения протопопа Аввакума и новые документы о нем. Доклады и сообщения филол. ин-та Ленингр. гос. ун-та, вып. 3. 1951.
- Мильчик М. И. Мезень — память прошлого. «Север», 1968, № 1.
- Озаровская О. Э. Бабушкины старины. Пг., 1916.
- Описание памятников русской архитектуры по губерниям. Архангельская губерния. «Известия имп. Археологической комиссии», вып. 41. Спб., 1911.
- Песенный фольклор Мезени. Вступ. ст. Н. П. Колпаковой. Л., 1967.
- Реформатская М. А. Северные письма. М., 1968.
- Романов К. К. Жилище в районе реки Пинеги. В сб.: «Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера», т. 2. Л., 1928.
- Симина Г. Я. Дославянская топонимия Пинежья. В сб. «Вопросы географии», вып. 58. М., 1962.
- Симина Г. Я. О русской топонимии Пинежья. В сб.: «Питання ономастики». Киев, 1965.
- Сластухин Н. Поездка в Кевролу и Немнюгу. «Архитектурно-художественный еженедельник», № 29-30. Пг., 1915.
- Соломина В. П. Искусство древнего Севера. По залам Архангельского музея изобразительных искусств. Архангельск, 1967.
- Страхов В. Е. На лесной реке. Архангельск, 1963.
- Тарановская Н. В. Росписи на Мезени и Печоре. В сб.: «Русское народное искусство Севера». Л., 1968.
- Шабунин Н. А. Древние церкви по реке Мезени. «Зодчий», 1906, № 4, 10, 11.
- Шабунин Н. А. Северный край и его жизнь. Спб., 1908.

В книге использованы также материалы Архангельского областного архива, Ленинградского отделения института археологии АН СССР, Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, Института этнографии АН СССР и Музея этнографии народов СССР.

Михаил Исаевич Мильчик

**ПО БЕРЕГАМ ПИНЕГИ
И МЕЗЕНИ**

Редактор М. В. Дмитренко. Художественный редактор Я. М. Окунь. Художник Ю. С. Ушаков. Технический редактор М. С. Стернина. Корректор А. А. Гроссман. Сдано в набор 12/XI 1969 г. Подп. к печ. 26/VI 1970 г. Ф-т 70×90^{1/32}. Бум. тифдр. Усл. печ. л. 5.85. Уч.-изд. л. 6.49. Тираж 100 000. М-31666. Изд. № 1486. Зак. тип. № 1030. Издательство «Искусство». Ленинград. Невский, 28. Цена 42 коп. Калининский полиграфкомбинат Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. г. Калинин. пр. Ленина, 5

